

Сьюзен
Коллинз

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ

Они могут полюбить друг друга, но все придется стать братями!

Annotation

Вычитка (OCR): Марина Самойлова

Suzanne Collins: The Hunger Games

Аннотация:

Книга-сенсация, возглавившая 21 список бестселлеров и удостоенная множества литературных наград.

Эти парень и девушка знакомы с детства и еще могут полюбить друг друга, но им придется стать врагами... По жребии они должны участвовать в страшных «Голодных играх», где выживает только один — сильнейший. Пока в жестком квесте остаются хотя бы какие-то участники, Китнисс и Пит могут защищать друг друга и сражаться вместе. Но рано или поздно кому-то из них придется пожертвовать жизнью ради любимого... Таков закон «Голодных игр». Закон, который не нарушался еще никогда!

- [Сьюзен Коллинз](#)

- [ЧАСТЬ I](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

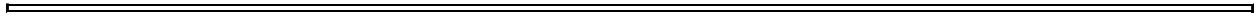
- [Часть II](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [Часть III](#)

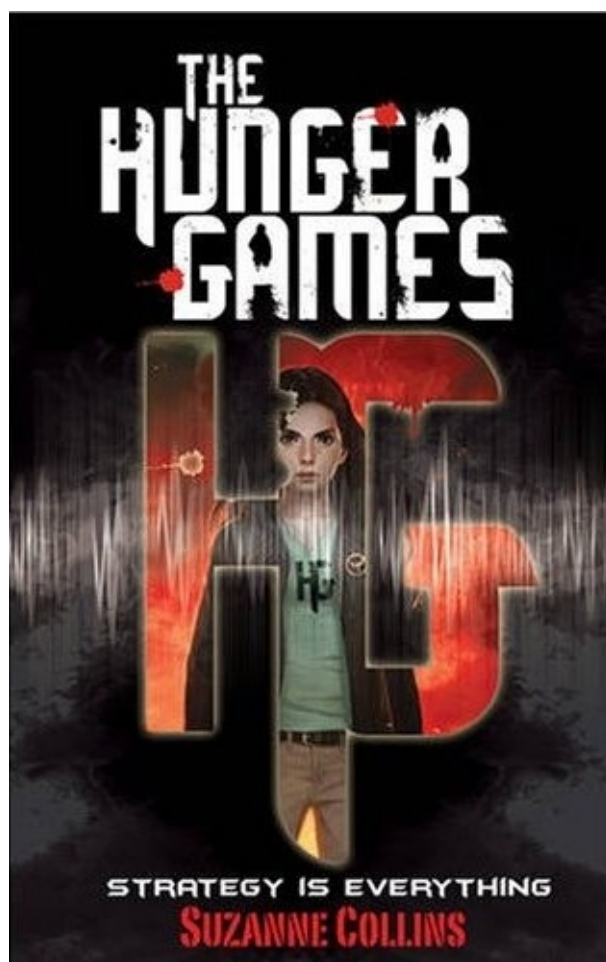
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Сьюзен Коллинз
ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ
The Hunger Games

Посвящается Джеймсу Проймосу

Дорогой читатель!

Многие спрашивают, как мне пришла в голову идея написать «Голодные Игры», первый роман моей новой трилогии

для юношеской аудитории. Наверное, их удивляет то, что эта книга так мало похожа на мои романы о Грегоре Надземном, предназначенные для младших школьников.

Трудно назвать какую-то одну причину. Наверное, первые семена были посеяны еще в детстве, когда в возрасте восьми лет я увлеклась мифологией и прочитала историю о Тесее. Миф рассказывает о том, как в наказание за прошлые провинности афиняне должны были в определенные годы посылать на Крит семь юношей и семь девушек. Там их бросали в Лабиринт, обрекая на съедение чудовищному Минотавр. Уже тогда, в третьем классе, я осознала безжалостный смысл этого требования: попробуйте тронуть нас, и мы не просто убьем вас, мы будем убивать ваших детей.

Также в детстве я смотрела очень много фильмов о гладиаторах: древние римляне умели превращать казни в массовые развлечения. На каникулах мы часто ездили с отцом, военным специалистом и историком, к местам известных сражений, а в старших классах я много путешествовала с фехтовальным обществом. Но непосредственным толчком послужил сравнительно недавний случай: сидя у телевизора и щелкая пультом, я вдруг перескочила с реалити-шоу на репортаж о реальных военных действиях. Тогда-то и родилась история Китнисс.

Возможно, потому, что книга написана от первого лица, Китнисс очень близка моему сердцу. Надеюсь, она найдет путь и к вашему.

С наилучшими пожеланиями,

Сьюзен Коллинз

Peeta and Katniss

ЧАСТЬ I

ТРИБУТЫ

Я просыпаюсь и чувствую, что рядом на кровати пусто. Пытаюсь нащупать тепло Прим, но под пальцами лишь шершавая обивка матраса. Должно быть, сестренке снились кошмары, и она перебралась к маме. Неудивительно — сегодня День Жатвы.

Приподнимаюсь на локте и вижу их в полумраке спальни: Прим, свернувшись калачиком, тесно прижалась к матери, щека к щеке. Во сне мама выглядит моложе — осунувшейся, но не измотанной. Лицо Прим свежо, как капля росы, и красиво как цветок примулы, давший ей имя. Мама тоже когда-то была красавицей. Так мне говорили.

У ног Прим устроился ее верный страж — самый уродливый кот в мире. Нос вдавлен, половина уха оторвана, глаза цвета гнилой тыквы. Прим назвала его Лютик — она почему-то уверена, что шерсть у него золотистая, а не грязно-бурая.

Кот меня ненавидит. По меньшей мере не доверяет. Уже несколько лет прошло, а помнит, наверно, как я хотела утопить его в ведре, когда сестра притащила его котенком в дом. Тощего, блохастого. От глистов чуть не лопался. Только такого нахлебника мне и не хватало! Но Прим так упрашивала, плакала... Пришлось оставить. Может, оно и к лучшему. Есть кому мышей ловить. Кот оказался прирожденным охотником. Бывает, даже с крысами справляется. Паразитов мама ему вывела.

Когда я потрошу добычу, то иногда бросаю Лютику внутренности. А он перестал на меня ощетиливаться. Вот и всё. Похоже, наши взаимные симпатии этим и ограничатся.

Я спускаю ноги с кровати и обуваюсь. Мягкая кожа охотничьих ботинок приятно облегает ступни и голени. Надеваю брюки, рубашку, прячу длинную темную косу под шапку и хватаю рюкзак. На столе под перевернутой деревянной миской — чтобы крысы или какие-нибудь голодные коты не добрались — лежит кусочек козьего сыра, обернутый листьями базилика, подарок от Прим ко Дню Жатвы. Я бережно кладу его в карман и выскальзываю на улицу.

Мы живем в Дистрикте-12, в районе, прозванном Шлак. По утрам здесь обычно полно народу. Шахтеры торопятся на смену. Мужчины и женщины с согнутыми спинами, распухшими коленями. Многие уже давно оставили всякие попытки вычистить угольную пыль из-под обломанных ногтей и отмыть грязь, ввевшуюся в морщины на изможденных лицах.

Сегодня черные, усыпанные шлаком улицы безлюдны. Окна приземистых серых домишек закрыты ставнями. Жатва начнется в два. Можно и поспать. Если получится.

Наш дом почти на окраине Шлака. Проходишь всего несколько ворот, и ты уже на Луговине — заброшенном пустыре. За Луговиной — высокий сетчатый забор с витками колючей проволоки поверху. Там заканчивается Дистрикт-12. Дальше — леса. Задумывалось, что все двадцать четыре часа в сутки забор будет под напряжением, чтобы отпугивать хищников: диких собак, кугуаров-одинок, медведей. А то они раньше к самым домам подбирались. Только так уж нам везет, что электричество дают всего на два-три часа по вечерам, поэтому забора можно не опасаться. Все равно всегда останавливаюсь и слушаю — на всякий случай. Не гудит, значит тока нет. Сейчас тихо. Я ложусь на землю и проползаю под забором — тут сетка уже два года как оборвана. И за кустами тебя не видно. Вообще таких лазов несколько, но этот ближе всего к дому; зачем ходить дальше?

Оказавшись в лесу, я достаю из дупла старого дерева припрятанные лук и колчан со стрелами. С электричеством или без, забор все-таки отпугивает хищников, в дистрикт они больше не суются. А в лесу им приволье. Тут уж держи ухо востро. Да еще бешенство, ядовитые змеи. И тропинок почти никаких нет. Зато можно добыть еду, если умеешь. Отец умел. Меня он тоже кое-чему успел научить, пока не случилась та авария в шахте, и его не разорвало на кусочки. Даже хоронить оказалось нечего. Мне тогда было одиннадцать. Прошло пять лет, а я все еще просыпаюсь от собственного крика: «Беги!»

Вообще-то по лесам ходить запрещено, а охотиться тем более. Многих это не остановило бы, будь у них оружие, однако не всякий решится пойти на зверя с одним ножом. Мой лук — один из немногих в округе. Еще несколько я аккуратно упаковала в непромокаемую ткань и спрятала в лесу. Все их сделал отец. Он мог бы неплохо зарабатывать на изготовлении луков, но если бы власти об этом узнали, то публично казнили за подстрекательство к мятежу.

На тех, кто все-таки охотится, миротворцы в основном смотрят сквозь пальцы. Тоже ведь свежего мяса хотят. По правде говоря, они — наши главные скупщики. Но снабжать Шлак оружием — такого, конечно, никто не допустит.

По осени некоторые сорвиголовы отваживаются в леса за яблоками. Далеко не заходят, Луговину из глаз не выпускают. Чуть что — сразу обратно, к родным крышам. «Дистрикт-12. Здесь вы можете подышать от голода в полной безопасности», — бормочу я и тут же оглядываюсь. Даже

здесь, в глуши, боишься, что тебя кто-нибудь услышит.

Когда я была поменьше, то ужасно пугала маму, высказывая все, что думаю о Дистрикте-12 и о людях, которые управляют жизнью всех нас из далекого Капитолия — столицы нашей страны Панем. Постепенно я поняла, что так нельзя: можно навлечь беду. Научилась держать язык за зубами и надевать маску безразличия, чтобы нельзя было понять, о чем я думаю. В школе стараюсь не высовываться. На рынке иногда поболтаю с кем-нибудь из вежливости, и то в основном о делах в Котле — это наш черный рынок, деньги у меня по большей части оттуда. Дома я, конечно, не такая пай-девочка, тем не менее ни о чем таком стараюсь не распространяться — о Жатве, например, о нехватке продуктов, о Голодных Играх. Вдруг Прим станет повторять мои слова — и что тогда с нами будет?

В лесу меня ждет единственный человек, с кем я могу быть сама собой. Гейл. И сейчас, когда я карабкаюсь по холмам к нашему месту — скалистому уступу высоко над долиной, скрытому от чужих глаз густым кустарником, у меня будто груз сваливается с плеч, и шаги становятся быстрее. Я замечаю Гейла издали и невольно начинаю улыбаться. Гейл говорит, что улыбаюсь я только в лесу.

— Привет, Кискисс, — кричит он.

На самом деле мое имя Китнисс, но в первый раз, когда мы познакомились, я его едва прошептала, и ему послышалось «Кискисс». А потом еще ко мне какая-то глупая рысь привязалась, думала, ей что-нибудь перепадет от моей добычи. Вот все и подхватили это прозвище. Рысь в конце концов пришлось убить — всю дичь распугивала. Даже жалко, с рысью как-то веселее было. Шкуру я продала, и неплохо.

— Гляди, что я подстрелил.

Гейл держит в руках буханку хлеба, из которой торчит стрела. Я смеюсь. Хлеб настоящий, из пекарни, совсем не похож на те плоские, липкие буханки, что мы печем из пайкового зерна. Я беру хлеб, вытаскиваю стрелу и с наслаждением нюхаю. Рот сразу набирается слюной. Такой хлеб бывает только по особым праздникам.

— М-м... еще теплый, — восхищаюсь я. Гейл, наверно, еще на рассвете сбегал в пекарню, чтоб его выторговать. — Сколько отдал?

— Всего одну белку. Старик сегодня что-то больно добрый. Даже удачи пожелал.

— В такой день мы все чувствуем близость друг друга, верно? — говорю я и даже не закатываю при этом глаза. — Прим оставила нам сыра. — Я достаю из кармана сверток.

Гейл радуется еще больше.

— Спасибо ей. Да у нас настоящий пир. — Он вдруг начинает говорить с capitoлийским акцентом и пародировать Эффи Бряк — неукротимо бодрую даму, каждый год приезжающую объявить имена к очередной Жатве. — Чуть не забыла! Поздравляю с Голодными играми. — Гейл срывает несколько ягодин с окружающего нас ежевичника. — И пусть удача...

Он подбрасывает ягоду, и когда она, описав высокую дугу, летит в мою сторону, я ловлю ее ртом и, прокусив нежную кожицу, ощущаю взрыв терпкой сладости на языке.

— ...всегда будет на вашей стороне! — заканчиваю я с тем же энтузиазмом.

Нам не остается ничего другого, как шутить. Иначе можно сойти с ума от страха. К тому же, capitoлийский выговор такой жеманный — что ни скажи, все смешно выходит.

Я смотрю, как Гейл вытаскивает нож и нарезает хлеб. Гейл вполне мог бы сойти за моего брата. Прямые черные волосы, смуглая кожа, даже глаза, как у меня — серые. Однако мы не родственники, во всяком случае не близкие. Большинство семейств, работающих на шахтах, похожи друг на друга. Потому-то моя мама и Прим со своими светлыми волосами и голубыми глазами всегда смотрелись здесь чужаками. Чужаки они и есть. Родители мамы принадлежали к маленькому клану аптекарей, обслуживающему чиновников, миротворцев и пару-тройку клиентов из Шлака, и жили в другом, более престижном районе Дистрикта-12. Доктора мало кому по карману, так что лечимся мы у аптекарей. Мой будущий отец собирал в лесах целебные травы и продавал в аптеку. Там они с мамой и познакомились. Мама, видно, здорово его любила, раз согласилась променять родной дом на Шлак. Я пытаюсь вспомнить что-то из их совместной жизни, а перед глазами лишь бледная женщина с непроницаемым лицом, которая сидит и смотрит, как ее дети превращаются в вяленую рыбу. Я пытаюсь простить ее, ради отца. По правде говоря, я не из тех, кто легко прощает.

Гейл кладет на ломтики хлеба мягкий козий сыр и аккуратно покрывает листиком базилика; я тем временем обираю с кустов ягоды. Потом мы устраиваемся в укромном местечке между выступами скал, где нас никто не увидит, зато перед нами, как на ладони, долина, бурлящая летней жизнью, с тьмою всякой съедобной зелени и корений, и озеро с рыбой, переливающейся на солнце всеми цветами радуги. День прекрасный: голубое небо, ласковый ветерок. Еда тоже отличная: хлеб,

пропитанный мягким сыром, ягоды, брызжущие соком во рту. Куда уж лучше. Одно плохо, что не весь день нам с Гейлом бродить по горам, добывая ужин. В два часа нужно быть на площади и ждать, когда объявят имена.

— А мы ведь смогли бы, как думаешь? — тихо говорит Гейл.

— Что? — спрашиваю я.

— Уйти из дистрикта. Сбежать. Жить в лесу. Думаю, мы бы с тобой справились.

Я просто не знаю, что ответить, такой дикой мне кажется эта мысль.

— Если б не дети, — поспешно добавляет Гейл.

Дети, конечно, не наши. Но все равно что наши. У Гейла два младших брата и сестра. У меня Прим. А еще матери. Как они обойдутся без нас? Кто их всех накормит? Ведь и сейчас, хоть мы с Гейлом и охотимся каждый день, а бывает, поменяешь добычу на топленое сало, на шерсть или на шнурки для ботинок и ложишься спать голодным. Аж в животе урчит.

— Никогда не буду заводить детей, — говорю я.

— Я бы завел. Если бы жил не здесь, — отвечает Гейл.

— Если бы да кабы, — раздражаюсь я.

— Ладно, забыли, — огрызается он в ответ.

Разговор какой-то дурацкий получился. Уйти? Как я могу уйти и бросить Прим — единственного человека на земле, про которого я точно знаю, что люблю? И Гейл ведь тоже предан своей семье. Мы никак не можем уйти, так с какой стати затевать об этом разговор? А если бы и ушли... если бы ушли... С чего мы вдруг завели про своих детей? В наших отношениях с Гейлом никогда не было и тени романтики. Когда мы встретились, я была тощей двенадцатилетней девчонкой, а он, хотя всего на два года старше, уже выглядел мужчиной. Мы и друзьями-то не сразу стали. Долго еще спорили из-за каждого трофея, пока не стали помогать друг другу.

К тому же, если Гейл захочет детей, то жену ему найти — раз плюнуть. Красивый, сильный — в шахте может работать, и охотник замечательный. Когда по школе проходит, все девочки шушукаться начинают. Я ревную, но вовсе не из-за того, о чем многие могут подумать. Хорошие напарники на дороге не валяются.

— Чем займемся? — спрашиваю я.

Можно охотиться, можно рыбачить или собирать ягоды.

— Давай к озеру. Удочки поставим, потом в лес. Наберем чего-нибудь вкусного на вечер.

На вечер... После Жатвы — официальный праздник. Многие

действительно празднуют — рады, что их детей в этот раз не тронули. Но по крайней мере в двух домах ставни и двери будут плотно закрыты, а их обитатели будут думать, как пережить следующие несколько ужасных недель.

Все идет как по маслу. Хищников можно не бояться, у них сейчас полно добычи получше. Утро еще не закончилось, а у нас уже дюжина рыбин, целая сумка зелени и, что самое приятное, полведра земляники. Земляничник я нашла несколько лет назад, а Гейлу пришло в голову натянуть вокруг сетку, чтобы звери не вытоптали.

По пути домой мы заворачиваем в Котел, нелегальный рынок на заброшенном угольном складе. Когда придумали более удобный способ доставлять уголь из шахт прямо к поездам, здесь постепенно расцвела торговля. Хотя сегодня День жатвы, и большинство предприятий к этому времени уже закрыто, на рынке дела идут еще полным ходом. Мы легко обмениваем шесть рыбин на хороший хлеб, и еще две — на соль. Сальная Сэй, костлявая женщина, продающая горячий суп из большущего котла, забирает у нас половину зелени в обмен на пару брусков парафина. Кому-то другому можно было и повыгоднее толкнуть, только с Сальной Сэй надо поддерживать хорошие отношения. Кому еще всегда сбудешь дохлую дикую собаку? Специально мы на них не охотимся, но если они сами нападут, и прибьешь случайно пару-тройку, так не выбрасывать же — мясо есть мясо. «Попадут в суп, станут говядиной», — подмигивает Сэй. Оно, конечно, от хорошей собачьей ножки никто в Шлаке носа воротить не будет. Миротворцы — те поразборчивей, а они в Котел тоже частенько заглядывают.

С рынка мы идем к дому мэра продать половину земляники — он очень ее любит и не торгуется. Дверь открывает Мадж — его дочь. Она учится со мной в одном классе. И совсем не зазнается из-за отца. Просто держится особняком, как и я. Ни у меня, ни у нее нет по-настоящему своей компании, поэтому мы часто оказываемся рядом. В столовой, на собраниях, в спортивных играх, когда нужен партнер. Разговариваем мы редко, и нас это устраивает.

Сегодня по случаю Жатвы на ней дорогущее белое платье вместо серого школьного, а светлые волосы стянуты розовой ленточкой.

— Классное платье, — говорит Гейл.

Мадж бросает на него взгляд, стараясь понять, на самом деле ему нравится, или он только подсмеивается. Платье и вправду классное, но в обычный день Мадж никогда бы его не надела. Она сжимает губы, потом улыбается.

— Что ж, если придется ехать в Капитолий, то лучше быть красивой, так ведь?

Теперь очередь Гейла задуматься: в самом деле она так думает или просто играет? Я думаю, второе.

— Ты в Капитолий не поедешь, — холодно отвечает Гейл. Его взгляд останавливается на маленькой круглой броши, украшающей наряд Мадж. Настоящее золото, искусная работа. Целая семья могла бы несколько месяцев покупать на нее хлеб. — Сколько раз тебя впишут? Пять? Меня вписывали шесть раз, когда мне было двенадцать.

— Она не виновата, — говорю я.

— Не виновата. Да. И всё равно это так.

Мадж насупилась. Она сует деньги за ягоды мне в руку.

— Удачи, Китнисс.

— Тебе тоже.

Дверь закрылась.

В Шлак мы возвращаемся молча. Мне не нравится, как Гейл уколол Мадж, но вообще-то он прав. Жатва происходит несправедливо, и хуже всего приходится беднякам. По правилам в Жатве начинают участвовать с двенадцати лет. Первый раз твое имя вносится один раз, в тринадцать лет — уже два раза, и так далее, пока тебе не исполнится восемнадцать, когда твое имя пишут на семи карточках. Это касается всех без исключения граждан Панема во всех двенадцати дистриктах.

А вот тут начинается самое интересное. Допустим, ты бедняк и умираешь от голода. Тогда ты можешь попросить, чтобы тебя включили в Жатву большее число раз, чем полагается, а взамен получаешь тессеры. За тессеру целый год дают зерно и масло на одного человека. Сыт, конечно, не будешь, но лучше, чем ничего. Можно взять тессеры и для всех членов семьи. Когда мне было двенадцать, меня вписали четырежды. Один раз по закону, и еще по разу за тессеры для Прим, мамы и себя самой. В следующие годы приходилось делать так же. А поскольку каждый год цена тессера увеличивается на одно вписывание, то теперь, когда мне исполнилось шестнадцать, мое имя будет на двадцати карточках. Гейлу восемнадцать, и он уже семь лет кормит семью из пяти человек. Его впишут сорок два раза! Понятно, что такие как Мадж, которой никогда не приходилось рисковать из-за тессер, вызывают у Гейла раздражение. Рядом с нами, обитателями Шлака, у нее просто нет шансов попасть в игры. Почти нет. Конечно, правила устанавливает Капитолий, а не дистрикты, и тем более не родственники Мадж, и все равно трудно питать симпатии к тем, кому не приходится, как тебе, торговать собственной шкурой ради

куска хлеба.

Гейл и сам понимает, что зря злится на Мадж. В другие дни, в лесах, он часто распространялся о том, что тессеры это еще одно средство укоренить вражду между голодными рабочими Шлака и теми, кому не нужно каждый день думать о пропитании. «Капитолию выгодно, чтобы мы были разобщены», — говорил он не раз, и скажет еще. Но не в день Жатвы. Не после тех в общем-то безобидных слов девушки, которая носит золотую брошь и прекрасно обходится без всяких тессер.

По пути я бросаю взгляд на Гейла, и вижу, что за каменным выражением лица все еще скрывается злость. По моему, все эти припадки гнева совершенно бессмысленны, хотя Гейлу я так никогда не скажу. Дело не в том, что я с ним не согласна. Даже очень согласна. Только что толку кричать посреди леса, как плох Капитолий? Ничего ведь не изменится. Справедливости не станет больше. И сыт от крика не станешь. Наоборот, только дичь распугаешь. И все-таки я не возражаю. Пусть уж лучше выпустит пар в лесу, чем в дистрикте.

Мы с Гейлом делим остатки добычи: каждому достается по две рыбины, паре буханок хлеба, зелень, несколько стаканов земляники, соль, кусок парафина и чуть-чуть денег.

— Увидимся на площади, — говорю я.

— Ты уж принарядись, — хмуро отвечает Гейл.

Дома мама и сестра уже собрались. Мама надела красивое платье, оставшееся у нее с аптечных времен. На Прим — моя блузка с оборками и юбка, в которых я шла на свою первую Жатву.

Меня ждет лохань с горячей водой. Я смываю пот и грязь, налипшую в лесу, и даже мою волосы. Мама приготовила мне одно из своих красивых платьев, голубое из мягкой, тонкой материи.

— Ты правда думаешь, мне стоит его надеть? — удивляюсь я.

Одно время я так злилась на маму, что вообще ничего не хотела от нее принимать. Теперь стараюсь не отказываться. Но этот случай особый. Для мамы всегда очень много значили вещи из ее прошлой жизни.

— Конечно. И давай сделаем тебе прическу.

Мама насухо вытирает мне волосы полотенцем, старательно расчесывает и укладывает. Когда я смотрюсь в наше треснутое зеркало у стены, то едва себя узнаю.

— Ты такая красивая! — тихо выдыхает Прим.

— Будто подменили, — говорю я и обнимаю ее.

Как трудно ей будет пережить следующие часы, свою первую Жатву. Она почти в безопасности, — если тут вообще кто-то в безопасности, — ее

имя внесли только один раз, по возрасту; я бы ни за что не позволила ей взять тессеры. Но Прим боится за меня. Боится того, о чем даже думать не хочется.

Я всегда защищаю Прим как только могу, а здесь бессильна. Боль, которую чувствует сестра, передается и мне, и я боюсь, что она это заметит. Край ее блузки выбился наружу.

— Подбери хвост, утенок, — говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно, и заправляю блузку.

— Кря-кря, — крякает мне Прим и смеется.

— Кря-кря и тебе, — отвечаю я и тоже смеюсь — так, как могу смеяться только рядом с Прим. — Пошли обедать, — говорю я, целуя ее в макушку.

Рыба и зелень уже тушатся в печи на вечер. Землянику и настоящий хлеб тоже прибережем до ужина — пусть он будет особенный. А сейчас мы едим черствый хлеб из зерна, полученного на тессеры, и запиваем молоком от козы Леди — подопечной Прим. Аппетита, впрочем, все равно ни у кого нет.

В час мы направляемся к площади. Присутствовать должны все, разве что кто-то при смерти. Служаки вечером пройдут проверят, и если это не так — посадят в тюрьму.

Плохо, что жатву проводят именно на площади — единственном приятном месте во всем Дистрикте-12. Площадь окружена магазинчиками, и в базарный день, да еще если погода хорошая, чувствуешь себя здесь как на празднике. Сегодня площадь выглядит зловеще — даром что флагов кругом навешали. И телевизионщики с камерами, рассеявшиеся, как стервятники, на крышах, настроения не поднимают.

Люди молча гуськом подходят к чиновнику и записываются — так Капитолий заодно и население подсчитывает. Тех, кому от двенадцати до восемнадцати, расставляют группами по возрасту на огражденных веревками площадках — старших впереди, младших, как Прим, сзади. Родственники, крепко держась за руки, выстраиваются по периметру. Есть еще другие — те, кому сейчас не за кого волноваться, или кому уже наплевать — они ходят по толпе и принимают ставки на детей, чьи имена сегодня выпадут — какого они будут возраста, из Шлака или из торговых, будут ли они убиваться и плакать. Большинство с подлецами не связывается, но и сурового отпора не дают — они частенько оказываются доносчиками, а кто ни разу не нарушал закон? Меня бы, к примеру, запросто могли расстрелять за охоту, если бы чинуши сами есть не хотели и не прикрывали. Не все могут на это рассчитывать. И вообще, мы с Гейлом

решили, что чем с голоду подыхать, лучше уж пулю в лоб — быстрее и мучиться меньше.

Люди прибывают, становится тесно, даже дышать трудно. Площадь хоть и большая, но не настолько, чтобы вместить все восьмидесяти тысячное население Дистрикта-12. Опоздавших направляют на соседние улицы, где они смогут наблюдать за событиями на экранах: Жатва транслируется по всей стране в прямом эфире.

Я оказываюсь среди сверстников из Шлака. Мы коротко киваем друг другу и устремляем внимание на временную сцену перед Домом Правосудия. На сцене — три стула, кафедра и два больших стеклянных шара — для мальчиков и для девочек. Я не отрываясь смотрю на полоски бумаги в девичьем шаре. На двадцати из них аккуратным почерком выведено: «Китнисс Эвердин».

Два из трех стульев занимают мэр Андерси, высокий лысеющий господин, и приехавшая из Капитолия Эффи Бряк, женщина-сопроводитель, ответственная за наш дистрикт — с розовыми волосами, в светло-зеленом костюме и жуткой белозубой улыбкой на лице. Они о чем-то переговариваются, озабоченно поглядывая на пустующий стул.

Как только часы на ратуше пробивают два, мэр выходит к кафедре и начинает свою речь. Ту же, что всегда. Рассказывает историю Панема — страны, возникшей из пепла на том месте, которое когда-то называли Северной Америкой. Перечисляет катастрофы — засухи, ураганы, пожары, моря, вышедшие из берегов и поглотившие так много земли, жестокие войны за жалкие остатки ресурсов. Итогом стал Панем — сияющий Капитолий, окаймленный тринадцатью дистриктами, принесший мир и благоденствие своим гражданам. Потом настали Темные Времена, мятеж дистриктов против Капитолия. Двенадцать были побеждены, тринадцатый — стерт с лица земли. С вероломными дистриктами был заключен договор, снова гарантировавший мир и давший нам Голодные Игры в качестве напоминания и предостережения, дабы никогда впредь не наступали Темные Времена.

Правила просты. В наказание за мятеж каждый из двенадцати дистриктов обязан раз в год предоставлять для участия в Играх одну девушку и одного юношу — трибутов. Двадцать четыре трибута со всех дистриктов помещают на огромную открытую арену, способную заключать в себе все что угодно от раскаленных песков до ледяных просторов. Там в течении нескольких недель они должны сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Последний оставшийся в живых выигрывает.

Забирая детей и вынуждая их убивать друг друга у всех на глазах,

Капитолий показывает, насколько велика его власть над нами, как мало у нас шансов выжить, вздумай мы взбунтоваться снова. Какие бы слова ни звучали из Капитолия, слышится в них одно: «Мы забираем у вас ваших детей, мы приносим их в жертву, и вы ничего не можете поделать с этим. Пошевелите только пальцем, и мы уничтожим вас всех. Как в Дистрикте-13».

Капитолию мало нас мучить, ему надо нас унижить, потому Голодные Игры объявлены праздником, спортивным соревнованием, в котором дистрикты выступают соперниками. Выжившему трибуту обеспечивают безбедное существование в родном дистрикте, а сам дистрикт усыпают наградами — по большей части в виде продовольствия. Весь год Капитолий демонстрирует свою щедрость — выделяет победившему дистрикту зерно, масло, даже лакомства вроде сахара, в то время как остальные пухнут от голода.

— Это время раскаяния и время радости, — нараспев возглашает мэр.

Потом он вспоминает прошлых победителей из нашего дистрикта. За семьдесят четыре года их было равным счетом двое. Один жив до сих пор. Хеймитч Эбернети, немолодой мужчина с брюшком, который как раз выходит на сцену, пошатываясь и горланя что-то невразумительное, и грузно падает на третий стул. Успел нализаться. Толпа приветствует его жидкими аплодисментами, а он вовсю старается облапить Эффи Бряк, так что той едва удастся вывернуться.

Мэр явно огорчен. Церемонию показывают по телевидению, и все кому не лень теперь над нами смеются. Пытаясь вернуть внимание к Жатве, он поспешно представляет Эффи Бряк. Как всегда бодрая и неунывающая, она выходит к кафедре и провозглашает свое фирменное: «Поздравляю с Голодными Играми! И пусть удача всегда будет на вашей стороне!»

Ее розовые волосы, должно быть, парик; после встречи с Хеймитчем, локоны слегка сдвинулись набок. Покончив с приветствием, Эффи говорит, какая для нее честь присутствовать среди нас, хотя каждый понимает, что она ждет не дождется, когда ее переведут в более престижный дистрикт, где победители как победители, а не пьяницы, лапающие тебя перед всей нацией.

Сквозь толпу я вижу Гейла. Он тоже смотрит на меня и слегка улыбается: в кои веки на Жатве случилось что-то забавное... Тут меня пронзает мысль: в том шаре целых сорок два листочка с именем Гейла; удача не на его стороне. У других расклад куда как лучше. То же самое, наверно, Гейл подумал и обо мне, он мрачнеет и отворачивается. «Листков ведь несколько тысяч!» — шепчу я, как будто он может услышать.

Пора тащить жребий. Как обычно, Эффи взвизгивает: «Сначала дамы!» и семенит к девичьему шару. Глубоко опускает руку внутрь и вытаскивает листок. Толпа разом замирает. Пролети муха, ее бы услышали. От страха даже живот сводит, а в голове одна мысль крутится, как заведенная: только б не я, только б не меня!

Эффи возвращается к кафедре и, расправив листок, ясным голосом произносит имя. Это и вправду не я.

Это — Примроуз Эвердин.

Как-то раз в лесу, поджидая добычу на дереве, я задремала и грохнулась вниз с десятифутовой высоты прямо на спину — да так, что, казалось, весь дух из меня вышел. Я несколько секунд ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни даже пошевелиться не могла.

И вот теперь я испытываю то же самое: горло у меня перехватило и я не в силах издать ни звука, а имя сестры все стучит и стучит молотом в голове. Кто-то хватает меня за руку, какой-то мальчик из Шлака. Наверно, я стала падать, и он меня поддержал.

Это ошибка! Этого не может быть! Имя Прим — на одном листке из тысяч! Я даже за нее не волновалась. Разве я не обо всем позаботилась? Разве не я взяла эти чертовы тессеры, чтобы ей не пришлось рисковать? Один листок. Один листок из тысяч. Расклад — лучше не бывает. И всё, всё насмарку.

Как будто издалека до меня доносится ропот толпы — самая большая несправедливость, когда выпадает кто-то из младших. Потом я вижу Прим: бледная, с плотно сжатыми кулачками, она медленно, на негнущихся ногах бредет к сцене. Проходит мимо меня, и я замечаю, что ее блузка опять торчит сзади как утиный хвостик; и это приводит меня в чувство.

— Прим! — кричу я сдавленным голосом и наконец обретаю способность двигаться. — Прим!

Мне не нужно проталкиваться сквозь толпу, она сама расступается передо мной, образуя живой коридор к сцене. Я догоняю Прим у самых ступеней и отталкиваю назад.

— Есть доброволец! — выпаливаю я. — Я хочу участвовать в Играх.

На сцене легкое замешательство. В Дистрикте-12 добровольцев не бывало уже несколько десятков лет, и все забыли, какова должна быть процедура в таких случаях. По правилам, после того как объявлено имя трибута, другой юноша или другая девушка (смотря по тому, из какого шара был взят листок) может выразить желание занять его место. В некоторых дистриктах, где победа в Играх считается большой честью, и многие готовы рискнуть ради нее жизнью, стать добровольцем не так просто. Но поскольку у нас слово «трибут» значит почти то же, что «труп», добровольцы давным-давно перевелись.

— Чудесно! — восхищается Эффи Бряк. — Но... мне кажется, вначале полагается представить победителя Жатвы и... только потом спрашивать,

не найдется ли добровольца. И если кто-то изъявит желание, то мы, конечно... — все более неуверенно продолжает она.

— Да какая разница? — вмешивается мэр.

Он смотрит на меня с состраданием и, хотя мы никогда не общались, как будто даже узнает меня — девочку, которая приносит ягоды; о которой ему, возможно, что-то рассказывала дочь; и которой, как старшему ребенку в семье, он сам пять лет назад вручал медаль «За мужество». Медаль за отца, сгинувшего в рудниках. Может быть, мэр вспомнил, как я стояла тогда перед ним, робко прижавшись к матери и сестренке?

— Какая разница? — ворчливо повторяет мэр. — Пусть идет.

Сзади, вцепившись в меня, как клещами, своими тонкими ручонками, исступленно кричит Прим:

— Нет, Китнисс! Нет! Не ходи!

— Прим,пусти! — грубо приказываю я, потому что сама боюсь не выдержать и расплакаться. Когда вечером Жатву будут повторять по телевизору, все увидят мои слезы и решат, что я легкая мишень, слабачка. Нет уж, дудки! Никому не хочу доставлять такого удовольствия. — Пустит!

Кто-то оттаскивает Прим от меня, я оборачиваюсь и вижу, как она брыкается на руках у Гейла.

— Давай, Кискисс, иди, — говорит он напряженным от волнения голосом и уносит Прим к маме.

Я стискиваю зубы и поднимаюсь на сцену.

— Bravo! Вот он, дух Игр! — ликует Эффи, довольная, что и в ее дистрикте случилось наконец что-то достойное. — Как тебя зовут?

Я с трудом сглатываю комок в горле и произношу:

— Китнисс Эвердин.

— Держу пари, это твоя сестра. Не дадим ей увести славу у тебя из-под носа, верно? Давайте все вместе поприветствуем нового трибута! — заливается Эффи.

К великой чести жителей Дистрикта-12, ни один из них не заплодировал. Даже те, кто принимал ставки, кому давно на всех наплевать. Многие, наверно, знают меня по рынку, или знали моего отца, а кто-то встречал Прим и не мог не проникнуться к ней симпатией. Я стою ни жива, ни мертва, пока многотысячная толпа застывает в единственно доступном нам акте своеволия — молчании. Молчании, которое лучше всяких слов говорит: мы не согласны, мы не на вашей стороне, это несправедливо.

Дальше происходит невероятное — то, чего я и представить себе не могла, зная, как совершенно я безразлична дистрикту. С той самой минуты,

когда я встала на место Прим, что-то изменилось — я обрела ценность. И вот сначала один, потом другой, а потом почти все подносят к губам три средних пальца левой руки и протягивают ее в мою сторону. Этот древний жест существует только в нашем дистрикте и используется очень редко; иногда его можно увидеть на похоронах. Он означает признательность и восхищение, им прощаются с тем, кого любят.

Теперь у меня действительно наворачиваются слезы. К счастью, Хеймитч встает со стула и шатаясь ковыляет через сцену, чтобы меня поздравить.

— Посмотрите на нее. Посмотрите на эту девочку! — орет он, обнимая меня за плечи. От него несет спиртным, и он явно давно не мылся. — Вот это я понимаю! Она... молодчина! — провозглашает он торжественно. — Не то что вы! — Он отпускает меня, подходит к краю сцены и тычет пальцем прямо в камеру. — Вы — трусы!

Кого он имеет в виду? Толпу? Или настолько пьян, что бросает вызов Капитолию? Впрочем, об этом уже никто не узнает: не успевая в очередной раз открыть рот, Хеймитч валится со сцены и теряет сознание.

Хоть он и отвратителен, я ему благодарна. Пока все камеры жадно нацелены на него, у меня есть время перевести дух и взять себя в руки. Я расправляю плечи и смотрю вдаль на холмы, где мы бродили сегодня утром с Гейлом. На мгновение меня охватывает тоска... почему мы не убежали из дистрикта? Не стали жить в лесах? Но я знаю, что поступила правильно. Кто бы тогда встал на место Прим?

Хеймитча поскорее уносят на носилках, и Эффи Бряк снова берет инициативу в свои руки.

— Какой волнующий день! — щебечет она, поправляя парик, опасно накренившийся вправо. — Но праздник еще не окончен! Пришло время узнать имя юноши-трибута! — По-прежнему пытаюсь одной рукой исправить шаткое положение у себя на голове, она бодро шагает к шару и вытаскивает первый попавшийся листок. Я даже не успеваю пожелать, чтобы это был не Гейл, как она уже произносит: — Пит Мелларк!

«О нет! Только не он!» — проносится у меня в голове, я знаю этого парня, хотя ни разу и словом с ним не перемолвилась.

Удача сегодня не на моей стороне.

Я смотрю на него, пока он пробирается к сцене. Невысокий, коренастый, пепельные волосы волнами спадает на лоб. Пит старается держаться, но в его голубых глазах ужас. Тот же ужас, что я так часто видела на охоте в глазах жертвы. Тем не менее Питу удастся твердым шагом подняться по ступеням и занять свое место на сцене.

Эффи Бряк спрашивает, нет ли добровольцев. Никто не выходит. У Пита два брата, я их видела в пекарне. Одному из них, наверно, уже больше восемнадцати, а другой не захочет. Обычное дело. В день Жатвы семейные привязанности не в счет. Поэтому все так потрясены моим поступком.

Мэр длинно и нудно зачитывает «Договор с повинными в мятеже дистриктами», как того требуют правила церемонии, но я не слышу ни слова.

«Почему именно он?» — думаю я. Потом пытаюсь убедить себя, что это не имеет значения. Мы с Питом не друзья, даже не соседи. Мы никогда не разговаривали друг с другом. Нас ничего не связывает... кроме одного случая несколько лет назад. Возможно, сам Пит о нем уже и не помнит. Зато помню я. И знаю, что никогда не забуду.

То было самое тяжелое время для нашей семьи. Три месяца раньше, в январе, суровее которого, по словам старожилов, в наших местах еще не бывало, мой отец погиб в шахте. Поначалу я почти ничего не чувствовала — словно окаменела, а потом пришла боль. Она накатывала внезапно из ниоткуда, заставляя корчиться и рыдать. «Где ты? — кричала я мысленно. — Почему ты ушел?». Ответить было не кому.

Дистрикт выделил нам небольшую компенсацию, достаточную, чтобы прожить месяц, пока мама найдет работу. Только она не искала. Целыми днями сидела, как кукла, на стуле или лежала скрючившись на кровати и смотрела куда-то невидящим взглядом. Иногда вставала, вдруг встрепенувшись, будто вспомнив о каком-то деле, но тут же снова впадала в оцепенение и не обращала никакого внимания на мольбы Прим.

Мне было страшно, очень страшно. Теперь я могу представить, в каком мрачном царстве тоски пришлось побывать маме, но тогда я понимала лишь одно: вместе с отцом я потеряла и ее. Прим всего семь лет, мне — одиннадцать, и я стала главой семьи. Что мне оставалось делать? Я покупала на рынке продукты, варила еду, как умела, и старалась прилично одеваться сама и одевать сестру — ведь если бы стало известно, что мама о нас не заботится, мы бы оказались в муниципальном приюте. В нашу школу ходили дети из приюта — понурые, с синяками на лицах, с согбенными от безысходности спинами. Я не могла допустить, чтобы Прим стала такой же. Добрая маленькая Прим, которая плакала, когда плакала я, еще даже не зная причины, расчесывала и заплетала мамины волосы перед школой, и каждый вечер по-прежнему вытирала отцово зеркало для бритья — он терпеть не мог угольную пыль, покрывавшую всё в Шлаке. Прим не выдержала бы приюта. А потому я никому словом не обмолвилась о том, как нам трудно.

Наконец деньги закончились, и мы стали умирать от голода. По-другому не скажешь. И продержаться-то нужно было всего лишь до мая, только до восьмого числа, а там мне бы исполнилось двенадцать, я бы взяла тессеры и получила на них драгоценные зерно и масло. Но до мая оставалось еще несколько недель, а к тому времени мы могли умереть.

В Дистрикте-12 голодная смерть не редкость. За примерами далеко ходить не надо: старики, не способные больше работать, дети из семей, где слишком много ртов, рабочие, искалеченные в шахтах. Бродил вчера человек по улицам, а сегодня, смотришь, лежит где-нибудь, привалившись к забору, и не шевелится. Или на Луговине наткнешься. А другой раз только плач из домов слышишь. Приедут миротворцы, заберут тело. Власти не признают, что это из-за голода. Официально причина всегда грипп, переохлаждение или воспаление легких.

В тот день, когда судьба свела меня с Питом Мелларком, я была в городе. Пыталась продать что-нибудь из старых вещичек Прим на публичном рынке. Раньше я несколько раз бывала с отцом в Котле, но одна ходить туда боялась — место очень уж суровое. Ледяной дождь лил непрерывным потоком. Отцова охотничья куртка промокла насквозь, и холод пробирал до костей. Последние три дня у нас во рту не было ничего, кроме кипяченой воды с несколькими листиками мяты, заваливавшимися в буфете. Простояв до самого закрытия рынка, я так ничего и не продала и дрожала так сильно, что уронила связку с детскими вещами в лужу. Подбирать не стала, побоялась, что сама упаду следом и тогда уже точно не встану. Да и кому нужны эти тряпки?

Домой нельзя. Невыносимо смотреть в потухшие глаза матери, видеть впалые щеки и потрескавшиеся губы сестры. В комнатке полно дыма: с тех пор как закончился уголь, топить приходилось сырыми ветками, которые я подбирала на краю леса. Как я могла вернуться туда с пустыми руками и без всякой надежды?

Не помню как, ноги привели меня на грязную улочку, тянувшуюся позади разных лавок и магазинов для богачей. Но сами-то заведения на первом этаже, а на втором живут их хозяева. Так что оказалась я у них на задворках. Возле домов пустые грядки, время посадки еще не пришло. Пара коз в сарае. Мокрая собака на цепи, обреченно сторбившаяся посреди грязной лужи.

Любое воровство в Дистрикте-12 карают смертью, а в ящиках с мусором можно рыться безнаказанно. Вдруг что-нибудь отыщется? Кость из мясной лавки или гнилые овощи от зеленщика. То, чего не станет есть никто, кроме моей семьи. Как назло, мусор недавно вывезли.

Когда я проходила мимо пекарни, от запаха свежего хлеба у меня закружилась голова. Где-то в глубине пылали печи, и через открытую дверь лил золотой жар. Я стояла, не в силах двинуться с места, прикованная теплом и дивным ароматом, пока дождь не охватил мне ледяными пальцами всю спину и не пробудил меня от очарования. Я подняла крышку мусорного ящика перед пекарней, и он тоже оказался безукоризненно, безжалостно пуст.

Вдруг я услышала крик и подняла глаза. Жена пекаря кричала, чтобы я шла своей дорогой, а то она позовет миротворцев, и как ей надоело все это отродье из Шлака, постоянно роющееся в ее мусоре. У меня не было сил ответить на ее брань. Я осторожно опустила крышку, попятилась назад и тут заметила светловолосого мальчика, выглядывающего из-за материнской спины. Я его встречала в школе. Он мой ровесник, но как его зовут, я не знала. У городских детей своя компания. Потом женщина, все еще ворча, возвратилась в пекарню, а мальчик, должно быть, наблюдал, как я зашла за свинарник и прислонилась к старой яблоне. Последняя надежда принести домой что-нибудь съестное пропала. Колени у меня подогнулись, и я безвольно соскользнула на землю. Вот и всё. Я слишком больна, слишком слаба и слишком устала — о, как же я устала. Пусть приедут миротворцы, пусть заберут нас в приют. А лучше пусть я сдохну прямо здесь под дождем.

До меня донесся шум: опять ругалась жена пекаря, потом раздался удар. Я смутно заинтересовалась происходящим. Хлюпая по грязи, ко мне кто-то шел. Это она. Хочет прогнать меня палкой, успела подумать я. Но нет, это был мальчик. В руках он держал две большие буханки хлеба с дочерна подгоревшей коркой — наверно, они упали в огонь.

— Брось их свинье, олух безмозглый! Какой дурак купит горелый хлеб?! — кричала ему вслед мать.

Он стал отрывать от буханок подгоревшие куски и бросать в корыто. Тут в пекарне зазвенел колокольчик, и мать поспешила к покупателю.

Мальчик даже ни разу не взглянул на меня, зато я смотрела на него не отрываясь. Потому что у него был хлеб. А еще из-за алого пятна на скуле. Чем она его так ударила? Мои родители нас никогда не били. Я и представить себе такого не могла.

Он воровато оглянулся — не смотрит ли кто, снова повернулся к свинарнику, и быстро бросил одну, потом другую буханку в мою сторону. Затем, как ни в чем не бывало, пошлепал назад к пекарне.

Я глядела на буханки и не верила своим глазам. Они были совсем хорошие, кроме подгорелых мест. Неужели это мне? Должно быть. Буханки

валялись у самых моих ног. Испугавшись, что кто-то мог видеть, как все произошло, я поскорее сунула их под рубашку, запахнула сверху охотничью куртку и быстро пошла прочь. Горячий хлеб обжигал кожу, а я только сильнее прижимала его к себе — в нем была жизнь.

Пока я дошла до дома, буханки подостыли, но внутри были еще теплыми. Я вывалила их на стол, и Прим сразу хотела отломить кусок. Я сказала ей немного подождать, уговорила маму сесть с нами за стол и налила всем горячего чаю. Соскребла с хлеба черноту и порезала. Это был настоящий, вкусный хлеб с изюмом и орехами. Мы съели целую буханку, ломоть за ломтем.

Оставив одежду сушиться у печки, я забралась в кровать и тут же провалилась в глубокий сон. Только утром мне пришло в голову, что мальчик мог нарочно подпалить буханки. Сбросил в огонь, зная, что накажут, а потом сумел передать мне. Хотя с чего это я взяла? Видно, все-таки случайно. Зачем ему помогать совсем чужой девчонке? Даже просто бросив хлеб, он проявил невероятное великодушие; узнай об этом мать, ему бы здорово досталось. Я не могла его понять.

На завтрак мы с сестрой опять поели хлеба и отправились в школу. За ночь, казалось, пришла весна: воздух чист и свеж, легкие пушистые облака в небе. В вестибюле школы я встретила того мальчика. Щека у него опухла, под глазом проступил синяк. Мальчик разговаривал с друзьями и ничем не показал, что знает меня. Но когда мы с Прим шли домой после занятий, я заметила, как он смотрит на нас с другой стороны школьного двора. На секунду наши глаза встретились; он тут же отвернулся, а я, смутившись, опустила взгляд на землю. А там, надо же — одуванчик, первый одуванчик в этом году. Сердце у меня учащенно забилося. Я вспомнила отца, как мы вместе охотились в горах, и внезапно поняла, что нужно делать, чтобы выжить.

До сих пор не могу отделаться от странной мысли, будто этот спасительный одуванчик оказался там не случайно, а как-то связан с Питом Мелларком и его хлебом, подарившим мне надежду. Потом еще не раз я ощущала на себе взгляд Пита, но он мгновенно отводил его, стоило мне обернуться. У меня такое чувство, будто я осталась ему что-то должна, а я не люблю ходить в должниках. Возможно, мне было бы легче, если бы хоть поблагодарила его. Я и правда хотела, просто возможности не подвернулось. Теперь поздно. Нас бросят на арену, и нам придется сражаться насмерть. Хороша я там буду со своим «спасибо»! Боюсь, слишком уж натянуто оно звучит, когда одновременно пытаешься перерезать благодетелю глотку.

Мэр наконец заканчивает читать нестерпимо скучный договор и жестом велит нам с Питом пожать друг другу руки. Ладони Пита плотные и теплые, как тот хлеб. Он глядит мне прямо в глаза и ободряюще сжимает мою ладонь. А может, это просто нервный спазм?

Играет гимн, и мы стоим повернувшись к толпе.

Что ж, думаю я. В конце концов, нас двадцать четыре. Есть шанс, что кто-то убьет его раньше меня.

Хотя в последнее время ни на что нельзя слишком полагаться.

Как только заканчивается гимн, нас берут под охрану. Нет, нам не надевают наручники — ничего такого. Просто пока мы идем к Дому правосудия, рядом неотступно следует группа миротворцев. Возможно, раньше трибуны пытались бежать. При мне такого не случилось.

Меня отводят в комнату и оставляют одну. Никогда не встречала такой роскоши: ноги утопают в мягких коврах, диван и кресла обиты бархатом. Я знаю, что это бархат, у мамы есть платье с воротником из такой ткани. Когда я сажусь на диван, то не могу удержаться, чтобы не погладить его. Мягкий ворс действует успокаивающе. Спокойствие, ох как оно мне понадобится в следующий час — время, отведенное на прощание с близкими. Нельзя позволить себе раскиснуть, нельзя выйти отсюда с опухшими глазами и натертым носом. Плачем делу не поможешь. А на вокзале повсюду будут камеры.

Первыми приходят сестра и мама. Я протягиваю руки к Прим, она забирается ко мне на колени, обхватывает за шею и кладет голову мне на плечо, совсем как маленькая. Мама сидит рядом и обнимает нас обеих. Несколько минут мы не в силах говорить. Потом, опомнившись, я тороплюсь высказать свои наставления о том, что им теперь делать.

Прим не придется брать тессеры. Они справятся без этого, если поведут дело с умом. Можно продавать козье молоко и сыр, а мама будет делать лекарства для людей из Шлака. Гейл обещал приносить травы, которые она не выращивает сама, надо только поточнее объяснять, какие именно — Гейл ведь не так хорошо в этом разбирается, как я. Дичью он тоже обеспечит — у нас с ним договор с прошлого года. Даже не возьмет платы, но все ж лучше его чем-нибудь благодарить — молоком или лекарствами.

Я не предлагаю Прим охотиться. Пару раз я пыталась ее научить, всё без толку. В лесу она пугалась, а стоило подстрелить какого-нибудь зверька, так и вовсе пускалась в слезы и просила, чтоб ей дали его вылечить. Зато за козой она здорово ухаживает. Пусть этим и занимается.

Рассказываю, где добывать дрова и уголь для печки, как торговать, чтоб не обманули, прошу Прим не бросать школу. Затем беру маму за руку и твердо смотрю ей в глаза.

— Послушай. Послушай меня внимательно!

Мама кивает, встревоженная моей настойчивостью. Она догадывается,

о чем пойдет речь.

— Ты не должна уйти снова, — говорю я.

Мама опускает взгляд.

— Я знаю. Я не уйду. В тот раз я не справилась...

— Теперь ты обязана справиться. Ты не можешь замкнуться в себе и бросить Прим совсем одну. Я уже не смогу вам помочь. Что бы ни случилось, что бы ни показывали на экране, обещаю тебе, что ты будешь бороться!

Мой голос срывается на крик. В нем — вся злость и все отчаяние, которые я чувствовала, пока мама находилась в плену своего безволия.

Она рассерженно высвобождает руку из моих тесно сжатых пальцев.

— Я была больна. Я смогла бы себя вылечить, будь у меня лекарства, какие есть теперь.

Возможно, мама права. Я уже не раз видела, как она возвращала к жизни людей, раздавленных горем. Наверно, это болезнь, но мы не можем себе позволить так болеть.

— Тогда позаботься, чтобы они у тебя были. И заботься о ней!

— За меня не волнуйся, Китнисс, — говорит Прим, хватывая ладонями мое лицо. — Главное, ты береги себя. Ты быстрая и смелая. Может быть, ты сумеешь победить.

Нет, я не сумею. Прим в душе это понимает. Это состязание мне не по силам. Дети из более богатых дистриктов, где победа в Играх считается огромной честью, тренируются всю жизнь. Парни в три раза крупнее меня, а девушки знают двадцать способов ударить ножом. Да, такие как я там, конечно, будут. Для разминки, пока не начнется настоящее веселье.

— Может быть, — соглашаюсь я. Какое у меня право требовать стойкости от мамы, если на саму себя я махнула рукой? Да и не в моем характере сдаваться без боя, даже когда нет надежды на победу. — Вот выиграю, и станем богачами, как Хеймитч.

— Мне все равно, будем мы богачами или нет. Я хочу, чтобы ты вернулась. Ты ведь постарайся? Постарайся, пожалуйста, очень-очень! — умоляет Прим.

— Я очень-очень постараюсь. Клянусь.

И я знаю, что должна сдержать эту клятву. Ради Прим.

В дверях появляется миротворец — время вышло. Мы до боли стискиваем друг друга в объятьях, а я все повторяю: «Я люблю вас. Я люблю вас обеих». В конце концов миротворец выдворяет их за дверь. Я утыкаюсь лицом в бархатную подушку, как будто могу укрыться в ней от всего мира.

Входит кто-то еще. Я поднимаю глаза и с удивлением вижу пекаря, отца Пита Мелларка. Даже не верится, что он пришел ко мне, ведь совсем скоро я, возможно, буду пытаться убить его сына. С другой стороны, мы с ним знакомы, а Прим он вообще хорошо знает. Когда она продает козий сыр в Котле, то всегда приберегает для него пару кусков, а пекарь, не скупясь, рассчитывается хлебом. Мы всегда предпочитаем сторговаться с ним, пока его жены-ведьмы нет рядом. Сам он неплохой человек. Я уверена, он ни за что не ударил бы сына за подгоревший хлеб. И все-таки зачем он пришел?

Пекарь смущенно присаживается на край плюшевого кресла. Большой, широкоплечий мужчина с лицом, опаленным от долгих лет работы у печи. Видно, только что попрощался с сыном.

Он достает из кармана куртки белый бумажный кулек и протягивает мне. Внутри печенье. Мы никогда не могли себе позволить таких лакомств.

— Спасибо, — говорю я. Пекарь, не слишком-то разговорчивый и в лучшие времена, сейчас вовсе не в состоянии выдать ни слова. — Сегодня утром я ела ваш хлеб. Мой друг Гейл отдал вам за него белку.

Пекарь кивает, как будто вспомнил.

— В этот раз вы продешевили.

В ответ он только плечами пожимает — не важно, мол.

Теперь и я не знаю, что сказать. Так мы и сидим молча, пока не приходит миротворец. Тогда пекарь встает и откашливается.

— Я присмотрю за малышкой. Голодать не будет, не сомневайся.

От этих слов на душе становится чуточку легче. Люди знают, что со мной можно иметь дело, зато Прим они по-настоящему любят. Надеюсь, этой любви хватит, чтобы она выжила.

Следующую гостью я тоже не ожидала. Уверенным шагом ко мне приближается Мадж. Она не плачет и не отводит глаз, но в ее голосе слышится странная настойчивость.

— На арену разрешают брать с собой одну вещь из своего дистрикта. Что-то, напоминающее о доме. Ты не могла бы надеть вот это?

Она протягивает мне круглую брошь — ту, что сегодня украшала ее платье. Тогда я не рассмотрела ее как следует, теперь вижу: на ней маленькая летящая птица.

— Твою брошь? — удивляюсь я. Вот уж не думала брать с собой что-то на память.

— Я приколю ее тебе, ладно? — Не дожидаясь ответа, Мадж наклоняется и прикрепляет брошь к моему платью. — Пожалуйста, не снимай ее на арене, Китнисс. Обещаешь?

— Да, — отвечаю я.

Надо ж как меня сегодня одаривают! Печенье, брошь. А еще, уходя, Мадж целует меня в щеку. Может быть, Мадж в самом деле всегда была моей настоящей подругой?

Наконец приходит Гейл. И пусть мы никогда не испытывали друг к другу романтических чувств, но когда он протягивает руки, я не раздумывая бросаюсь к нему в объятия. Мне все так знакомо в нем — его движения, запах леса. Бывало, в тихие минуты на охоте я слышала, как бьется его сердце. Однако впервые я чувствую, как его стройное, мускулистое тело прижимается к моему.

— Я хотел тебе сказать, Китнисс, — говорит он. — Ты запросто получишь нож, но главное — раздобыть лук. С луком у тебя больше всего шансов.

— Там не всегда бывают луки, — отвечаю я.

Мне вспомнилось, как в один год трибутам дали только жуткие булавы с шипами, которыми те забивали друг друга насмерть.

— Тогда сама сделай, — говорит Гейл. — Лучше плохой лук, чем никакого.

Я несколько раз пыталась изготовить лук по образцу отцовых, ничего путного не выходило. Не так это просто, как кажется. Даже отцу случалось портить заготовку.

— Может, там и деревьев не будет, — говорю я.

Как-то раз всех забросили в местность, где были сплошь только валуны и низкий уродливый кустарник. Тот год мне особенно не понравился. Многие погибли от укусов змей или обезумели от жажды.

— Деревья есть почти всегда, — возражает Гейл. — Никому ведь не интересно смотреть, когда половина участников умирает просто от холода.

Это верно. В один из сезонов мы видели, как игроки ночами замерзали насмерть. Их почти нельзя было разглядеть, так они съеживались, и ни одного деревца кругом, чтобы развести костер или хотя бы зажечь факел. В Капитолии посчитали, что такая смерть, без битв и без крови, не слишком захватывающее зрелище, и с тех пор деревья обычно бывали.

— Да, почти всегда есть, — соглашаюсь я.

— Китнисс, это ведь все равно что охота. А ты охотишься лучше всех, кого я знаю.

— Это не просто охота. Они вооружены. И они думают.

— Ты тоже. И у тебя больше опыта. Настоящего опыта. Ты умеешь убивать.

— Не людей!

— Думаешь, есть разница? — мрачно спрашивает Гейл.

Самое ужасное — разницы никакой нет, нужно всего лишь забыть, что они люди.

Миротворцы возвращаются слишком скоро, Гейл просит еще подождать, но они все равно его уводят, и мне становится страшно.

— Не дай им погибнуть от голода! — кричу я, цепляясь за его руку.

— Не дам! Ты же знаешь! Китнисс, помни, что я...

Миротворцы растаскивают нас в стороны, дверь захлопывается, и я никогда не узнаю, что он хотел сказать.

От Дома правосудия до станции рукой подать, особенно на машине. Никогда раньше не ездила на машине. На повозках и то редко. В Шлаке все ходят пешком.

Хорошо, что я не плакала. Вся платформа кишит репортерами, их похожие на насекомых камеры направлены прямо мне в лицо. Впрочем, я привыкла скрывать свои чувства. И сейчас мне это тоже удастся. Мой взгляд падает на экран, где в прямом эфире показывают наш отъезд, и я с удовольствием отмечаю, что вид у меня почти скучающий.

Пит Мелларк, напротив, явно плакал и, как ни странно, даже не пытается это скрыть. Мне приходит в голову мысль: уж не тактика ли у него такая? Казаться слабым и напуганным, убедить всех, что его и в расчет не стоит принимать, а потом вдруг развернуться, чтоб чертям тошно стало. Несколько лет назад это сработало. Джоанна Мейсон, девочка из Дистрикта-7, всё строила из себя дурочку и трусиху с глазами на мокром месте, пока из участников почти никого и не осталось. Изощреннейшей убийцей оказалась. Здорово придумано — ничего не скажешь. Но у Пита Мелларка этот номер не пройдет. Вон какие плечи широченные. Еще бы. Сын пекаря, голодом не измучен, и с хлебными лотками наупражнялся будь здоров — таскал их туда-сюда целыми днями. Тут уж все будут начеку, сколько сопли ни пускай.

Несколько минут мы стоим в дверях вагона под жадными объективами телекамер, потом нам разрешают пройти внутрь, и двери милостиво закрываются. Поезд трогается.

Мы несемся так быстро, что у меня дух захватывает. Я ведь никогда раньше не ездила на поезде. Перемещения между дистриктами запрещены кроме особо оговоренных случаев. Для нашего дистрикта особый случай — транспортировка угля. Но что такое обычный товарняк по сравнению с capitoлийским экспрессом, у которого скорость — двести пятьдесят миль в час? До Капитолия мы доберемся меньше чем за сутки.

Нам рассказывали в школе, что Капитолий построен в горах, когда-то

называвшихся Скалистыми. А Дистрикт-12 находится в местности, прежде известной как Аппалачи. Уже тогда, сотни лет назад, тут добывали уголь. Вот почему теперь шахты прорубают так глубоко.

В школе нас большей частью только про уголь и учат. Ну, еще читать и математике немножко. И каждую неделю обязательно лекция по истории Панема. Вечная болтовня о том, сколь многим мы обязаны Капитолию. Зато про восстание никогда толком не расскажут — почему и как все было. А рассказать, думаю, есть что. Впрочем, мне некогда этим интересоваться. Какая б ни была правда, на хлеб ее не намажешь.

Поезд, предназначенный для трибутов, даже еще роскошнее, чем комната в Доме правосудия. Нам выделяют по отдельному купе, к которому примыкают гардеробная, туалет и душ с горячей и холодной водой. В домах у нас горячей воды нет. Приходится греть.

В выдвижных ящиках — красивая одежда. Эффи говорит, я могу надевать что хочу и делать что хочу — здесь всё для меня. Нужно только через час выйти к ужину. Я снимаю мамино голубое платье и принимаю горячий душ. Я никогда раньше не была в душе. Это все равно что стоять под теплым летним дождем, только еще теплее. Затем надеваю темно-зеленую рубашку и штаны.

В последний момент вспоминаю о золотой броши Мадж. Теперь я рассматриваю ее как следует. Кажется, кто-то сделал сначала маленькую золотую птичку, а уж после прикрепил ее к кольцу. Птица касается кольца только самыми кончиками крыльев. Внезапно я узнаю ее — это ведь сойка-пересмешница!

Забавные птицы — сойки-пересмешницы, зато Капитолию они точно бельмо на глазу. Когда восстали дистрикты, для борьбы с ними в Капитолии вывели генетически измененных животных. Их называют перерождениями или просто переродками. Одним из видов были сойки-говоруны, обладавшие способностью запоминать и воспроизводить человеческую речь. Птиц доставляли в места, где скрывались враги Капитолия, там они слушали разговоры, а потом, повинуясь инстинкту, возвращались в специальные центры, оснащенные звукозаписывающей аппаратурой. Сначала повстанцы недоумевали, как в Капитолии становится известным то, о чем они тайно говорили между собою, ну а когда поняли, такие басни стали сочинять, что в конце концов капитолийцы сами в дураках и остались. Центры позакрывались, а птицы должны были сами постепенно исчезнуть — все говоруны были самцами.

Должны были, однако не исчезли. Вместо этого они спарились с самками пересмешников и так получился новый вид птиц. Потомство не

может четко выговаривать слова, зато прекрасно подражает другим птицам и голосам людей — от детского писка до могучего баса. А главное, сойки-пересмешницы умеют петь как люди. И не какие-нибудь простенькие мелодии, а целые песни от начала до конца со многими куплетами — надо только не лениться вначале спеть самому, и птицам должен понравится твой голос.

Отец очень любил соек-пересмешниц. В лесу, на охоте, он всегда насвистывал им сложные мелодии или пел песни, и, подождав немного, как бы из вежливости, они всегда пели в ответ. Такой чести удостоивается не каждый. Когда пел мой отец, все птицы замолкали и слушали. Его голос был такой красивый, мощный, светлый — в нем звучала сама жизнь, и хотелось плакать и смеяться одновременно. С тех пор как отец погиб, я забыла о сойках... Сейчас от взгляда на маленькую птичку на душе становится спокойнее. Будто отец все еще со мной и не даст меня в обиду. Я прикалываю брошь к рубашке, и на ее фоне кажется, что птица летит меж покрытых густой зеленью деревьев.

Эффи Бряк приходит, чтобы отвести меня на ужин. Я иду вслед за ней по узкому качающемуся коридору в столовую, отделанную полированными панелями. Посуда не из пластика — изящная и хрупкая. Питер уже ждет нас за столом, рядом с ним — пустой стул.

— Где Хеймитч? — бодро осведомляется Эффи.

— В последний раз, когда я его видел, он как раз собирался пойти вздремнуть, — отвечает Пит.

— Да, сегодня был утомительный день, — говорит Эффи.

Думаю, она рада, что Хеймитча нет. Я ее не виню.

Ужин состоит из нескольких блюд, и подают их не все сразу, а по очереди. Густой морковный суп, салат, бараньи котлеты с картофельным пюре, сыр, фрукты, шоколадный торт. Эффи постоянно напоминает нам, чтобы мы не слишком наедались, потому что дальше будет еще что-то. Я не обращаю на нее внимания — никогда еще не видела столько хорошей еды сразу. К тому же самая лучшая подготовка к Играм, на какую я сейчас способна, это набрать пару фунтов веса.

— По крайней мере у вас приличные манеры, — говорит Эффи, когда мы заканчиваем главное блюдо. — Прошлогодняя пара ела всё руками, как дикари. У меня от этого совершенно пропадал аппетит.

Те двое с прошлого года были детьми из Шлака, и они никогда за всю свою жизнь не наедались досыта. Неудивительно, что правила поведения за столом не сильно их заботили. Мы — другое дело. Пит — сын пекаря; нас с Прим учила мама. Что ж, пользоваться вилок и ножом я умею. Тем не

менее замечание задевает меня за живое, и до конца ужина я ем исключительно пальцами.

Потом вытираю руки о скатерть, заставляя Эффи поджать губы еще сильнее.

Наелась я до отвала, теперь главное удержать все это в себе. Пит тоже выглядит довольно бледно. К таким пирам наши желудки не привычны. Но раз уж я выдерживаю мышинное мясо с пороссячьими кишками — стряпню Сальной Сэй, а зимой и древесной корой не брезгую, то тут как-нибудь справлюсь.

Мы переходим в другое купе смотреть по телевизору обзор Жатвы в Панеме. В разных дистриктах ее проводят в разное время, чтобы все можно было увидеть в прямом эфире, но это, конечно, только для жителей Капитолия, которым не приходится самим выходить на площадь.

Одна за другой показываются все церемонии, называются имена; иногда выходят добровольцы. Мы внимательно разглядываем наших будущих соперников. Некоторые сразу врезаются в память. Здоровенный парень из Дистрикта-2 чуть из кожи не выпрыгнул, когда спросили добровольцев. Девочка с острым лисьим лицом и прилизанными рыжими волосами из Пятого дистрикта. Хромоногий мальчишка из Десятого. Неотвязнее всего запоминается девочка из Дистрикта-11, смуглая, кареглазая, и все же очень похожая на Прим ростом, манерами. Ей тоже двенадцать. Вот только когда она поднимается на сцену, и ведущий задает вопрос о добровольцах, слышен лишь вой ветра среди ветхих построек за ее спиной. Нет никого, кто бы встал на ее место.

Последним показывают Дистрикт-12. Вот называют имя Прим, вот выбегаю я и отталкиваю ее назад. В моем крике отчаяние, словно боюсь, что меня не услышат, и все равно заберут Прим. Я вижу, как Гейл оттаскивает сестру, и я взбираюсь на сцену. Потом — молчание. Тихий прощальный жест. Комментаторы, похоже, в затруднении. Один из них замечает, что Дистрикт-12 всегда был чересчур консервативен, но в местных традициях есть свой шарм. Тут, как по заказу, со сцены падает Хеймитч, и из динамиков раздается дружный хохот. Наше с Питом рукопожатие. Потом играет гимн, и программа заканчивается.

Эффи Бряк недовольна тем, как выглядел ее парик.

— Вашему ментору следовало бы научиться вести себя на официальных церемониях. Особенно когда их показывают по телевизору.

Пит неожиданно смеется.

— Да он пьяный был. Каждый год напивается.

— Каждый день, — уточняю я и тоже не удерживаюсь от улыбки.

Со слов Эффи выходит так, что Хеймитч просто несколько неотесан, и все можно исправить, если он будет следовать ее советам.

— Вот как! — шипит она. — Странно, что вы находите это забавным. Ментор, как вам должно быть известно — единственная ниточка, связывающая игроков с внешним миром. Тот, кто дает советы, находит спонсоров и организует вручение подарков. От Хеймитча может зависеть, выживете вы или умрете!

В этот момент в купе пошатываясь входит Хеймитч.

— Я пропустил ужин? — интересуется он заплетающимся языком, блюет на дорожный ковер и сам падает сверху.

— Что ж, смейтесь дальше! — заявляет Эффи Бряк и семенит в своих узких туфельках мимо лужи с блевотиной наружу.

Пару секунд мы с Питом молча наблюдаем, как наш ментор пытается подняться из скользкой мерзкой жижи. Вонь от блевотины и спирта стоит такая, что меня саму чуть не выворачивает. Мы переглядываемся. Да, толку от Хеймитча мало, однако больше нам рассчитывать не на кого, тут Эффи Бряк права. Не сговариваясь, мы берем Хеймитча за руки и помогаем ему встать на ноги.

— Я споткнулся? — осведомляется он. — Ну и запах!

Он закрывает ладонью нос, вымазывая лицо блевотиной.

— Давайте мы отведем вас в купе, — предлагает Пит. — Вам стоит помыться.

Хеймитч едва переставляет ноги, и мы почти тащим его на себе. Конечно, не может быть и речи, чтобы взвалить эту грязную тушу прямо на расшитое покрывало, мы заталкиваем его в ванну и включаем душ. Он почти не реагирует.

— Спасибо, — говорит мне Пит. — Дальше я сам.

Я невольно чувствую к нему благодарность. Меньше всего мне хочется сейчас раздевать Хеймитча, отмывать блевотину с волосатой груди и укладывать его в постельку. Возможно, Пит старается произвести хорошее впечатление, стать любимчиком. Хотя судя по состоянию Хеймитча, утром он все равно ничего не вспомнит.

— Ладно, — отвечаю я. — Могу позвать тебе на помощь кого-нибудь из капитолийцев.

Их тут полно в поезде. Готовят, прислуживают, охраняют. Заботиться о нас — их работа.

— Обойдусь.

Я киваю и отправляюсь к себе. Пита можно понять, сама не выношу капитолийцев. Хотя возиться с пьяным Хеймитчем — это как раз то, что

они заслуживают. Интересно, отчего Пит такой заботливый? И внезапно понимаю — просто он добрый и был таким всегда. Поэтому и хлеба мне тогда дал.

От этой мысли мне становится не по себе. Добрый Пит Мелларк гораздо опаснее для меня, чем злой. Добрые люди норовят проникнуть тебе в самое сердце. Я не должна этого допустить. Только не там, куда мы едем. С этого момента я решаю держаться от пекарского сына подальше.

Когда я прихожу в купе, поезд останавливается у платформы для заправки. Я быстро открываю окно и вышвыриваю печенье, которое мне дал отец Пита. Не хочу. Ничего не хочу от них.

Как назло, пакет падает на клочок земли, поросший одуванчиками. Поезд уже отправляется; я вижу рассыпавшееся среди цветов печенье всего одно мгновение, но этого достаточно. Достаточно, чтобы вспомнить тот другой одуванчик на школьном дворе...

Тогда, несколько лет назад, я только-только отвела взгляд от лица Пита Мелларка, как вдруг увидела одуванчик и поняла, что не все потеряно. Я бережно сорвала его и поспешила домой. Схватила ведро, и мы с Прим побежали на Луговину. Она и впрямь была вся усыпана золотистыми цветками. Мы рвали их вместе с листьями и стеблями, пока не набрали целое ведро, хотя для этого нам пришлось исходить Луговину до самого забора. Зато на ужин у нас было вдоволь салата из одуванчиков. А еще хлеб Пита.

Вечером Прим спросила:

— А что мы будем есть после? Сможем найти еще еду?

— Сможем. Много всего, — пообещала я. — Я обязательно что-нибудь придумаю.

У мамы сохранилась книга из аптеки. На ее старых пергаментных страницах тушью были нарисованы растения, и под каждым рисунком аккуратным подчерком указано название, место, где его нужно искать, когда оно цветет и от каких болезней помогает. А на свободных страницах папа добавил еще кое-то от себя — о растениях не для аптекарей, но которые можно есть. Одуванчики, лаконос, дикий лук, молодые сосновые побеги. Мы с Прим до поздней ночи просидели над этими записями.

На следующий день в школе не было занятий. Я покрутилась немного на краю Луговины, а потом все-таки решилась и подлезла под забор. В первый раз я оказалась там совсем одна, без отцовой защиты, без оружия. Я помнила, где спрятаны маленький лук и стрелы, которые отец сделал для меня. В тот день я едва ли отважилась уйти в лес больше чем на полсотни шагов. Почти сразу же я облюбовала большой старый дуб и устроилась в

его ветвях, надеясь застигнуть врасплох какую-нибудь дичь. Часа через два-три надежды оправдались, я подстрелила зайца. Мне и раньше доводилось стрелять зайцев, но то было с отцом. Теперь я все сделала сама.

К тому времени мы уже много месяцев не ели мяса. Когда мама увидела зайца, то как будто очнулась от наваждения. Поднялась, ободрала тушку и поставила мясо тушиться с зеленью, которую собрала Прим. Потом опять стала отрешенной и легла. Когда еда была готова, мы уговорили ее поесть.

Лес стал нашим спасителем, и с каждым днем я все смелее вступала в его зеленые объятия. Я твердо решила, что мы не будем больше голодать, и решимость победила страх. Я воровала яйца из гнезд, ловила сетями рыбу, иногда удавалось подстрелить белку или зайца. И, конечно, я собирала разные травы, попадавшие мне повсюду. С растениями смотри в оба. Съедобных среди них много, но стоит раз ошибиться, и тебе конец. Я всегда по сто раз сверялась с отцовыми рисунками.

Мы выжили.

Поначалу чуть какая опасность — вой вдалеке послышится, или ветка неожиданно хрустнет, — я тут же бросалась к забору. Потом привыкла спасаться на деревьях — собакам быстро надоедает ждать внизу, а медведи и рыси живут глубоко в лесу; наверно, запаха гари из дистрикта не любят.

Восьмого мая я отправилась в Дом правосудия и, получив тессеры, привезла домой на детской тачке сестры первую порцию зерна и масла. Теперь я имела право получать их восьмого числа каждого месяца. Тем не менее бросать охоту и собирательство было нельзя. Зерна и на еду-то не хватает, а нужно ведь еще другое покупать — мыло, молоко, нитки. То, без чего мы худо-бедно могли обойтись, я продавала в Котле. В первые разы идти туда одной было страшно, но люди помнили и уважали моего отца, и меня приняли. К тому же дичь есть дичь — неважно, кто ее подстрелил. Еще я стала ходить со своим товаром к домам богатых горожан. Тут тоже свои хитрости. Какие-то я помнила из разговоров с отцом, чему-то научилась сама. Мясник, к примеру, берет только зайцев, с белками к нему не лезь. Пекарь — другое дело, белок любит, хотя купит, только если жены нет рядом. Глава миротворцев — тому диких индеек подавай. Ну а для мэра лучше земляники ничего нет.

Однажды в конце лета я купалась в озере, и мое внимание привлекла высокая трава, торчащая из воды. У нее были белые цветы с тремя лепестками, а листья острые, как наконечники стрел. Я присела в воде и, раскопав пальцами мягкое дно, вытащила горсть корней. Невзрачные голубоватые клубни, но если сварить, не хуже картошки будут.

«Китнисс», — произнесла я вслух. Это давнее название стрелолиста дало мне имя. Я словно услышала веселый голос отца: «С голоду ты не умрешь, тебе нужно только найти себя». Несколько часов я выкапывала где палкой, где пальцами ног маленькие клубеньки. Вечером у нас был пир — рыба с корнями стрелолиста, и мы впервые за долгие месяцы наелись досыта.

Постепенно мама вернулась к жизни. Она начала убирать и готовить; делала соленья на зиму, когда было из чего. Потом к ней стали приходить люди за лекарствами. Платили деньгами или давали что-нибудь в обмен. Однажды я услышала, как мама поет.

Прим не помнила себя от радости, что мама снова в порядке, но я была настороже и все боялась, что это не надолго. Я ей больше не доверяла. Во мне выросло что-то жесткое и неуступчивое, и оно заставляло меня ненавидеть маму за ее слабость, за безволие, за то, что нам пришлось пережить. Прим сумела простить, я — нет. Между нами все стало по-другому. Я оградила себя стеной, чтобы никогда больше не нуждаться в маме.

Теперь я умру и ничего уже не исправлю. Я вспомнила, как кричала на нее сегодня в Доме правосудия. Но ведь я сказала, что люблю ее. Может быть, одно уравнивает другое?

Я стою и смотрю в окно, мне хотелось бы его открыть, да не знаю, что может случиться на такой скорости. Вдали виднеются огни другого дистрикта. Седьмого? Десятого? Я думаю о людях в тех домах, они уже ложатся спать. Потом представляю себе наш дом, с плотно закрытыми ставнями. Что сейчас делают мама и Прим? К ужину мы оставляли тушеную рыбу и землянику. Смогли ли они поесть? Или все так и осталось нетронутым? Наверняка они смотрели повтор Жатвы по нашему старенькому телевизору. Плакали. Держится ли мама? Хотя бы ради Прим. Неужели опять отстранится от всего мира, взвалив всю его тяжесть на хрупкие плечи Прим?

Прим, конечно же, ляжет спать с мамой. Рядом примостится старый верный Лютик, будет охранять их сон. Эта мысль меня немного утешает. Если Прим заплачет, он подберется поближе и приласкается, успокаивая ее. Хорошо, что я его не утопила.

От воспоминаний о доме становится тоскливо. День тянется бесконечно. Неужели только сегодня утром мы с Гейлом ели ежевику? Кажется, прошла целая жизнь. Очень долгий сон, превратившийся в кошмар. Может быть, если я лягу спать, то проснусь в своем Дистрикте-12?

В выдвижных ящиках, наверно, полно ночных сорочек, но я просто стягиваю штаны и рубашку и ложусь в кровать. Шелковые простыни

ласкают кожу, а легкое пуховое одеяло сразу окутывает теплом.

Если я собираюсь выплакаться, то сейчас самое время. Утром умоюсь. Слезы не приходят. Внутри все перегорело, я чувствую только усталость и хочу домой. Под мерное покачивание поезда я забываюсь.

Меня будит стук в дверь, сквозь оконные занавески уже просачивается серый свет. Я слышу голос Эффи Бряк: «Подъем, подъем! Нас ждет важный-преважный день!» Интересно, что творится в голове у этой женщины? Какие мысли занимают ее днем? Что ей снится по ночам? Трудно себе представить.

Я надеваю вчерашнюю одежду, она еще чистая, только немного измялась, провалявшись ночь на полу. Обвожу пальцем маленькую золотую сойку-пересмешницу и думаю о лесе, об отце, о том, что делали мама и Прим. Справятся ли они без меня? Я не распускала на ночь волосы, так и спала с косой, которую мама старательно заплела мне перед Жатвой. Прическа выглядит не так уж плохо. Пусть пока остается как есть. Все равно уже ненадолго. Скоро мы прибудем в Капитолий, и там моим образом для церемонии открытия Игр займется стилист. Надеюсь, не из тех, кто считает высшим писком моды наготу.

Когда я вхожу в вагон-ресторан, мимо меня, бормоча под нос ругательства, проскальзывает Эффи Бряк с чашкой кофе. Хеймитч давится от смеха. Лицо у него опухшее и красное от вчерашних возлияний. Пит с булочкой в руке сидит рядом. Выглядит он слегка смущенным.

— Давай садись! — машет мне Хеймитч.

Едва я опускаюсь на стул, передо мной возникает большой поднос. Ветчина, яйца, гора жареной картошки. На льду стоит ваза с фруктами. Булочек в корзинке хватило бы нашей семье на целую неделю. В изящном стакане апельсиновый сок. Я так думаю, что апельсиновый. Апельсин я пробовала всего один раз, папа купил его на новый год как подарок. Чашка кофе. Мама обожает кофе, хотя мы редко могли его купить, а я не понимаю, что в нем хорошего; только горечь во рту. И в довершение — красивая чашка с чем-то коричневым, чего я никогда не пробовала.

— Это горячий шоколад, — объясняет Пит. — Он вкусный.

Я пробую горячую густую жидкость на вкус, и по спине пробегают мурашки. Какими бы аппетитными ни выглядели другие кушанья, я забываю о них, пока не выпиваю все до капли. Потом запикиваю в себя все, что можно, стараясь не налегать на жирное. И без того еды навалом.

Когда мой живот уже чуть не лопается, я откидываюсь назад и молча смотрю на сотрапезников. Пит еще ест, отламывает кусочки булки и окунает их в горячий шоколад. Хеймитч почти ничего не взял со своего

подноса, зато регулярно опрокидывает стаканы с красным соком, разбавленным какой-то прозрачной жидкостью из бутылки. Пахнет спиртным. Я не была раньше знакома с Хеймитчем, однако часто встречала его в Котле, видела, как он горстями швырял деньги на прилавок, где продавали самогон. Когда приедем в Капитолий, он лыка вязать не будет.

Меня переполняет ненависть к Хеймитчу. Неудивительно, что ребята из нашего дистрикта не побеждают. Конечно, мы вечно полуголодные и тощие, и тренировки у нас никакой. Однако были же и среди наших трибутов сильные, те, кто мог бороться. И кто тогда виноват, что нет спонсоров, как не ментор? Богачи охотно поддерживают тех, у кого есть шансы — либо ставки делают, либо самолюбие хотят потешить, — а кому придет в голову вести переговоры с таким отребьем, как Хеймитч?

— Вы, значит, будете давать нам советы? — говорю я Хеймитчу.

— Даю прямо сейчас: останься живой, — отвечает Хеймитч и дико хохочет.

Я бросаю взгляд на Пита, прежде чем вспоминаю, что решила не иметь с ним никаких дел. С удивлением замечаю в его глазах жесткость.

— Очень смешно, — говорит он без обычного добродушия и внезапно выбивает из руки Хеймитча стакан. Тот разлетается на осколки и его содержимое течет по проходу, как кровь. — Только не для нас.

Хеймитч на секунду столбенеет, потом ударом в челюсть сшибает Пита со стула и, повернувшись, опять тянется к спиртному. Мой нож успевает раньше: вонзается в стол перед самой бутылкой, едва не отрубая Хеймитчу пальцы. Готовлюсь отвести удар, но Хеймитч вдруг откидывается на спинку стула и смотрит на нас с прищуром.

— Надо же! — говорит он. — Неужели в этот раз мне досталась пара бойцов!

Пит поднимается с пола и, захватив из-под вазы с фруктами пригоршню льда, собирается приложить его к красному пятну на щеке.

— Нет, — останавливает его Хеймитч, — пусть останется синяк. Все будут думать, что ты сцепился с кем-то из конкурентов еще до арены. Не утерпел.

— Это ведь не по правилам.

— Тем лучше. Значит, ты не только подрался, но и сумел сделать так, что тебя не поймали.

Хеймитч поворачивается ко мне.

— А ну-ка покажи еще, как ты ножом орудуешь!

Мое оружие — лук. Хотя с ножами я тоже дело имела. Если зверь крупный, стрелой его не всегда сразу возьмешь; лучше метнуть нож для

верности, а уж потом подходить. И вот теперь выпал шанс произвести на Хеймитча впечатление и доказать, что меня нужно принимать всерьез. Выдергиваю нож из стола и, взяв за лезвие, бросаю его в противоположную стену. Вообще-то я только хотела вогнать его покрепче в дерево, однако нож попадает в шов между двумя панелями, и кажется, будто я так и задумывала.

— Станьте вон там, вы оба! — командует Хеймитч, кивая на середину вагона.

Мы послушно становимся, и он ходит вокруг нас кругами, тычет в нас пальцами, словно мы лошади на рынке, щупает мускулы, заглядывает в лица.

— Ну... вроде не безнадежно. Не дохляки. А стилисты поработают, так даже симпатичными будете.

Мы с Питом понимаем. Голодные Игры — не конкурс красоты, но замечено не раз: чем смазливее трибут, тем больше спонсоров ему достается.

— Ладно. Предлагаю сделку: вы мне не мешаете пить, а я остаюсь достаточно трезвым, чтобы вам помогать, — говорит Хеймитч. — Только, чур, слушаться меня беспрекословно.

Условия, конечно, не идеальные, тем не менее по сравнению с тем, что было десять минут назад, прорыв огромный.

— Идет, — соглашается Пит.

— Вот и помогите, — говорю я. — Когда мы попадем на арену, как лучше всего действовать у Рога Изобилия, если...

— Не все сразу. Через пару минут мы прибываем на станцию, и вас отдадут стилистам. Уверен, вам понравится далеко не все из того, что они будут делать. Что бы это ни было, не возражайте.

— Но...

— Никаких «но». Делайте, как вам говорят.

Хеймитч берет со стола бутылку и уходит. Как только закрывается дверь, становится темно. Внутри вагона еще можно что-то разглядеть, кое-где горит подсветка, а за окнами словно опять наступила ночь. Мы, должно быть, въехали в туннель сквозь горы, отделяющие столицу от дистриктов. С востока в Капитолий почти невозможно проникнуть иначе, как через туннели. Это его географическое преимущество и есть главная причина того, почему дистрикты проиграли войну, а значит, и того, почему теперь я трибут. Воздушным силам Капитолия легче легкого было расстрелять повстанцев, когда те стали карабкаться по горам.

Пит Мелларк и я молча стоим на месте, пока поезд мчится сквозь

крошечную тьму. Туннелю, кажется, нет конца, и от мысли, сколько тонн скальной породы отделяет нас сейчас от неба, у меня сжимается сердце. Жутко и противно быть вот так замурованной в камень. На ум приходят шахты и мой отец, оказавшийся запертым внутри них, как в ловушке, без надежды увидеть солнце, навеки погребенный в их мраке.

Наконец поезд сбавляет ход, и вагон заливается светом. Как по команде, мы с Питом несемся к окну скорее увидеть то, что до сих пор видели лишь по телевизору — всевластный Капитолий, главный город Панема. Телекамеры ничуть не преувеличивали его великолепия. Скорее наоборот. Разве способно что-то передать такое величие и роскошь? Здания, уходящие в небо и сверкающие всеми цветами радуги. Блестящие машины, раскатывающие по широким мощеным улицам. Необычно одетые люди с удивительными прическами и раскрашенными лицами, люди, которым никогда не случалось пропускать обеда. Цвета кажутся ненастоящими — не бывает такого чистого розового, такого яркого зеленого, такого светлого желтого, что глазам больно смотреть. Они словно выпущены на фабрике, как те маленькие кругляши леденцов в кондитерском магазинчике в Дистрикте-12, о которых мы даже мечтать не осмеливались, настолько они дорогие.

Люди узнают поезд, перевозящий трибутов, и возбужденно тычут в нашу сторону. Я отступаю от окна, меня тошнит от того, как они воодушевляются, предвкушая зрелище нашей смерти. Пит, однако, остается на месте и даже машет рукой и улыбается зевакам до тех пор, пока поезд не заезжает на станцию и не скрывает нас от их глаз.

Пит видит, каким взглядом я на него таращусь, и пожимает плечами.

— Кто знает? — говорит он. — Среди них могут быть спонсоры.

Надо же, как я в нем ошибалась! Я вспоминаю все действия Пита с момента, как мы вышли на сцену. Дружеское рукопожатие. Его отец с печеньем и обещанием помогать Прим... может, сам Пит его и прислал? Слезы на станции. Вчерашняя забота о Хеймитче и вызывающее поведение сегодня, когда стало ясно, что играть в хорошего мальчика без толку. А теперь еще эти приветственные жесты из окна, желание сразу же понравиться толпе.

Все стало на свои места, все — часть одного плана. Пит не считает себя обреченным. Он уже изо всех сил сражается за жизнь. А значит, добрый сын пекаря, подаривший мне хлеб, изо всех сил постарается убить меня.

Вжи-и-ик! Я стискиваю зубы, когда Вения, женщина с волосами цвета морской волны и золотистыми татуировками над бровями, дергает за клейкую ленту, выдирая волосы на моей ноге.

— Прошу прощения, — пищит она, — но у тебя слишком много волос!

Почему у них всех такие дурацки писклявые голоса? Почему они едва раскрывают рот, когда говорят, а любая фраза звучит вопросом? Гласные какие-то не такие, слова оборванные, на месте «с» присвист... так и хочется передразнить.

Вения скрючивает сострадательную — как ей, наверное, кажется — гримасу.

— Могу тебя обрадовать. Эта — последняя. Готова?

Я вцепляюсь руками в края стола, на котором, сижу, и киваю. Рывок, боль, и последняя полоска волосков выдрана с корнем.

Здесь, в Центре преображения, я торчу уже Дольше трех часов и еще не видела своего стилиста. Очевидно, ему нет смысла встречаться со мной, пока его помощники не сделают самое необходимое. Сначала меня обтерли жесткой губкой, содрав при этом не только грязь, но и слоя три кожи, потом обрезали ногти так, чтобы все они стали одинаковой формы, и, самое главное, удалили волосы. С ног, с рук, с туловища, из подмышек. Даже брови наполовину вырвали. Теперь я как ощипанная курица, которую приготовили для жарки. Ощущение не из приятных. Вся кожа саднит, жжет и, кажется, сейчас прорвется. Однако я выполнила свою часть сделки с Хеймитчем, с моих губ не сорвалось ни слова протеста.

— А ты молодец, — говорит некто по имени Флавий, взбивая оранжевые локоны у себя на голове и накладывая свежий слой фиолетовой помады на губы. — Вот кого мы не любим, так это нытиков. Оботрите-ка ее лосьоном!

Вения и Октавия, полная женщина с телом, окрашенным в бледно-зеленый цвет, принимают за дело. Лосьон вначале щиплет, потом успокаивает измученную кожу. Меня стаскивают со стола и снимают тонкую накидку, которую мне время от времени позволяли надевать. Я стою совсем голая, пока они втроем суетятся вокруг меня с щипчиками, удаляя случайно уцелевшие волоски. Как ни странно, я нисколько не смущаюсь, эта тройка больше походит не на людей, а на стайку

экзотических птиц, клюющих что-то у моих ног.

Наконец они отходят и любуются результатом.

— Прелестно! Теперь ты выглядишь почти человеком! — говорит Флавий, и они смеются.

Я заставляю себя улыбнуться, чтобы не казаться неблагодарной.

— Спасибо, — любезно говорю я. — У нас в Дистрикте-12 редко выпадает повод выглядеть красиво.

Теперь их симпатии целиком на моей стороне.

— Да, конечно, бедняжка! — Октавия сочувственно всплескивает руками.

— Не переживай, — подбадривает Вения. — После того как тобой займется Цинна, ты будешь просто неотразима!

— Можешь не сомневаться! Мы только грязь и лишние волосы убрали, а ты уже ничего, не такая и страшенькая! — вторит ей Флавий. — Пойдем звать Цинну.

Они разом вылетают из комнаты. Я не испытываю к ним неприязни. Хотя они и кретины, но, похоже, честно стараются мне помочь.

Меня окружают холодные белые стены, и я с трудом подавляю желание набросить накидку. Все равно Цинна наверняка сразу же заставит ее снять. Вместо этого я ощупываю свою прическу, единственное, до чего не добрались помощники стилиста. Пальцы скользят по шелковистым косам, старательно заплетенным мамой. Мама. Ее голубое платье и туфли так и остались на полу вагона, и я даже не подумала их забрать, сохранить что-то, напоминающее о ней и о доме. Теперь я об этом жалею.

Дверь отворяется, и входит молодой человек — по-видимому, Цинна. Его внешность настолько обычная, что я поражена. Стилисты, которых показывают по телевизору, все как один крашенные и с карикатурными от множества пластических операций лицами. У Цинны коротко подстриженные каштановые волосы, вполне натуральные. Одет он в простую черную рубашку и брюки. Единственная уступка всеобщей тяге к самораскрашиванию — легкая золотистая подводка вокруг глаз. Несмотря на все мое отвращение к Капитолию и к его омерзительно причудливой моде, я невольно залюбовалась этими зелеными глазами с отражающимися в них золотыми крапинками.

— Привет, Китнисс. Я Цинна, твой стилист, — говорит он спокойным голосом, в котором почти не чувствуется капитолийской манерности.

— Привет, — настороженно отвечаю я.

— Так, посмотрим.

Цинна принимается ходить вокруг меня, не притрагиваясь, но

впитывая взглядом каждый дюйм моего обнаженного тела. Мне хочется скрестить руки на груди.

— Кто делал тебе прическу?

— Мама.

— Прекрасно. Классический вариант. Идеально сочетается с твоим профилем. У твоей мамы умные руки.

Цинна ни в чем не соответствует моим представлениям. На его месте я ожидала увидеть какого-нибудь молодящегося фигляра, для которого я всего лишь кусок мяса, ждущий, пока его искусно приготовят.

— Вы тут недавно, правда? Мне кажется, я вас раньше не видела, — говорю я.

Большинство стилистов, работающих с трибутами, хорошо известны. Некоторых я помню с детства.

— Да, это мой первый год на Играх.

— Поэтому вам всучили Дистрикт-12, — констатирую я. Новичкам обычно достается то, что не хотят брать другие.

— Я сам попросил, — говорит Цинна. — Можешь надеть халат, и мы обсудим твой образ.

Одевшись, я иду за Цинной в зал, где стоят два красных дивана с низким столиком посередине. Три голые стены, четвертая — из стекла, сквозь него открывается вид на город. Небо, с утра солнечное, теперь затянуто облаками, но судя по тому, как падает свет, сейчас около полудня. Цинна предлагает мне присесть и сам занимает место напротив. Он нажимает кнопку сбоку столика, тот раскрывается, и снизу выезжает полка с нашим завтраком. Цыплята в сливочном соусе с кусочками апельсина, уложенные на гарнир из жемчужно-белых зернышек, крохотных зеленых горошин и лука, булочки в форме цветов, а на десерт — пудинг медового цвета.

Здорово было бы приготовить такую еду дома. Курятина, правда, слишком дорогая, но можно взять дику индейку. Пришлось бы подстрелить двух индеек и одну сменить на апельсин. Козье молоко сойдет вместо сливок, горошек можно вырастить в огороде, а в лесу набрать дикого лука. Вот зерен этих я не знаю, то, что нам дают на тессеры, разваривается в неаппетитную коричневую кашу. За фигурными булочками нужно идти к пекарю, нести двух-трех белок. С пудингом еще сложнее, я даже не представляю, из чего он сделан... Чтобы раздобыть все необходимое, я потратила бы не один день, и все равно получилось бы лишь жалкое подобие обычного капитолийского обеда.

Каково это жить в мире, где еда появляется на столе по нажатию

кнопки? Что бы я делала все те часы, что трачу на прочесывание лесов в поисках пропитания? Чем заняты эти люди в Капитолии помимо расцвечивания собственных тел и ожидания очередной партии трибутов, пачками гибнущих ради их развлечения?

Я поднимаю глаза на Цинну, и наши взгляды встречаются.

— Ты, должно быть, нас презираешь, — говорит он.

Неужели это так ясно написано у меня на лице? Или он читает мои мысли? Он, конечно, прав. Меня тошнит от всей этой своры.

— Ладно, не имеет значения, — продолжает Цинна. — Итак, Китнисс, поговорим о твоём костюме для церемонии. Моя коллега Порция работает с твоим земляком Питом. Мы решили, что будет хорошо создать ваши образы в одном стиле, отражающем дух вашего дистрикта.

По традиции костюмы трибутов на церемонии открытия соответствуют основному занятию дистрикта, из которого они прибыли. В Одиннадцатом дистрикте — это сельское хозяйство, в Четвертом — рыбная ловля, в Третьем — фабричное производство. С нашим дистриктом у стилистов беда. Мешковатые и грубые шахтерские комбинезоны не очень-то привлекательны. Кроме касок с фонариками, на наших трибутах обычно вообще мало что надето. В один год так и вовсе голышом выпустили, только кожу чем-то черным обмазали вместо угольной пыли. Получилось ужасно. Как, впрочем, и всегда. Да уж, фаворитами у публики нам не стать. Я готовлюсь к худшему.

— Значит, я буду изображать шахтера? — спрашиваю я, надеясь не показаться бесцеремонной.

— Не совсем. Видишь ли, нам с Порцией кажется, что шахтерская тематика порядком приелась. Этим уже никого не удивишь. А наша задача сделать своих трибутов незабываемыми.

Точно — выставят голой, промелькнуло у меня в голове.

— Так что на сей раз мы решили обратиться к углю, а не к угледобыче.

Ну все, еще и в пыли обваляют.

— А что мы делаем с углем? Сжигаем его! — воодушевленно продолжает Цинна. — Надеюсь, ты не боишься огня, Китнисс?

Мое выражение лица вызывает у него улыбку.

Спустя пару часов я облачена в самый поразительный, а может стать, самый убийственный наряд за всю историю Игр. От щиколоток до шеи меня обтягивает обычное черное трико; на ногах — блестящие кожаные сапоги, зашнурованные до самых колен. Но главное — это легкая развевающаяся накидка из желтых, оранжевых, красных лент и соответствующий ей головной убор. Цинна подожжет их перед нашим

выездом на колесницах.

— Огонь, разумеется, ненастоящий. Нам с Порцией удалось раздобыть немного синтетического пламени. Совершенно безопасно, — уверяет Цинна.

Меня это не убеждает. Боюсь, пока мы прибудем в центр города, я успею хорошенько прожариться.

На моем лице минимум косметики, всего несколько легких штрихов. Мне расчесали волосы и снова заплели так, как я обычно их ношу.

— Я хочу, чтобы тебя узнавали на арене, — мечтательно произносит Цинна, — Огненную Китнисс.

«Да он просто сумасшедший, — думаю я обреченно. — А по виду ведь ни за что не скажешь».

Приходит Пит в точно таком же костюме, и, несмотря на то что утром я разгадала его хитроумные планы, мне становится спокойнее. Кому лучше знать об огне, как не сыну пекаря?

Пита сопровождает его стилист Порция с командой помощников. Все пьяны от возбуждения, предвкушая, какой фурор мы сейчас произведем. Все, кроме Цинны. Он лишь устало улыбается в ответ на поздравления.

Быстрый лифт доставляет нас на нижний этаж, представляющий собой гигантские конюшни. Церемония вот-вот начнется. Пары трибутов забираются в колесницы, запряженные четверками лошадей. Наша квадрига угольно-черная. Лошади так хорошо обучены, что сами идут куда нужно. Цинна и Порция указывают нам, как встать в колеснице, поправляют нашу одежду. Потом отходят в сторону и обсуждают что-то друг с другом.

— Что думаешь? — шепчу я Питу. — Об огне?

— Если что, я сорву твою накидку, а ты срывай мою, — говорит он, сжав зубы.

— Идет, — соглашаюсь я. Может, мы и не успеем очень уж сильно обгореть, если поторопимся. И все равно хорошего мало. На арену нас выбросят в любом случае; на ожоги не посмотрят. — Мы, конечно, обещали Хеймитчу подчиняться, однако на такой поворот событий он вряд ли рассчитывал.

— Кстати, а где Хеймитч? — вспоминает Пит. — Разве он не должен защищать нас в подобных ситуациях?

— Без Хеймитча, по-моему, куда безопаснее, — возражаю я. — Он так проспиртовался, что от огня, боюсь, вспыхнет как спичка.

Тут мы смеемся. Видно, умом тронулись от волнения. Да и неудивительно: мало нам Игр, так еще из нас факелы решили сделать!

Начинает играть музыка. Ее отлично слышно даже здесь, а снаружи, наверное, хоть уши затыкай. Массивные двери разъезжаются и открывают вид на улицу; по обеим ее сторонам стоят толпы народа. Вся поездка займет двадцать минут и закончится приветствием и гимном на Круглой площади, после чего нас отправят в Тренировочный центр, который станет нам домом и тюрьмой до начала Игр.

Первыми на колеснице, запряженной белоснежными лошадьми, выезжают трибуты Дистрикта-1. В серебристых туниках, сверкающих драгоценными камнями, они выглядят великолепно. Дистрикт-1 изготавливает для Капитолия предметы роскоши. При виде всегдашних фаворитов толпа взрывается овациями.

Следующий — Дистрикт-2. Через считанные минуты подходит и наша очередь. Под хмурым небом уже сгущаются сумерки. Как только трогаются трибуты Дистрикта-11, к нам подбегает Цинна с зажженным факелом.

— Ну, пора, — говорит он, и поджигает наши накидки, мы и ойкнуть не успеваем.

Я вздрагиваю от ужаса, но, как ни странно, чувствую не жар, а только легкую щекотку. Цинна взбирается повыше, подносит пламя к головным уборам и с облегчением переводит дух: «Работает». Затем мягко приподнимает мой подбородок.

— Выше голову! И улыбайтесь. Они вас любят!

Цинна спрыгивает с колесницы и вдруг, вспомнив что-то еще, кричит нам; его слова тонут в грохоте музыки. Он кричит опять и размахивает руками.

— Что он хочет? — спрашиваю я Пита.

Я поворачиваюсь к нему и слепну от яркого света его пламенеющей одежды. Должно быть, я полыхаю так же.

— По-моему, он говорит, чтобы мы взяли за руки, — отвечает Пит и сжимает мою ладонь.

Цинна одобрительно кивает головой и поднимает большой палец. Это последнее, что я вижу перед выездом.

При нашем появлении толпа ахает, потом восхищенно ревет и скандирует: «Двенадцатый, двенадцатый!» Все взгляды обращены в нашу сторону, остальные колесницы забыты. Я вижу нас на огромном экране, и моя первоначальная скованность проходит. Мы выглядим потрясающе: в вечерних сумерках лица сияют отблесками огня, а горящие накидки оставляют за собой шлейф искр. Хорошо, что Цинна не переусердствовал с косметикой. Мы вполне узнаваемы.

«Выше голову. И улыбайтесь. Они вас любят», — звучат в голове

слова Цинны. Я вздергиваю подбородок, приклеиваю на лицо самую обворожительную улыбку и приветственно машу свободной рукой. Рядом твердо, как скала, стоит Пит, и я рада, что могу за него держаться. Постепенно я совсем смелею и даже посылаю толпе воздушные поцелуи. Капитолийцы сходят с ума от восторга, забрасывают нас цветами и выкрикивают наши имена. Надо же, не поленились найти их в программках!

Оглушительная музыка, крики, овации будоражат кровь, и меня переполняет радостное возбуждение. Спасибо Цинне, он дал мне большое преимущество. Все запомнят Китнисс! Огненную Китнисс!

В первый раз передо мной мелькнул проблеск надежды. Ведь найдется же теперь хоть один спонсор! А если будет хоть небольшая помощь, сколько-нибудь еды да подходящее оружие, то на мне рано ставить крест. Я еще поборюсь!

Кто-то бросает мне алую розу. Я ловлю ее, подношу на мгновение к лицу и в ответ шлю воздушный поцелуй. Сотни рук взмывают вверх, словно его можно поймать.

«Китнисс! Китнисс!» — раздается отовсюду. Все ждут моих поцелуев.

Только когда мы въезжаем на Круглую площадь, я осознаю, насколько крепко сжимаю руку Пита. Должно быть, она совсем занемела. Пытаюсь разомкнуть пальцы, но Пит удерживает их.

— Не надо, пожалуйста, не отпускай, — говорит он. В его голубых глазах сверкают огненные блики. — А то я свалюсь с этой штуковины.

— Хорошо, — отвечаю я. Мы так и стоим рука в руке. Мне не дает покоя мысль, зачем Цинна связал нас друг с другом. Как-то нечестно выставлять нас напарниками, а потом выбросить на арену смертельными врагами.

Двенадцать колесниц объезжают площадь. Окна соседних домов заполнены самыми влиятельными зрителями Капитолия. Лошади подтягивают колесницу к президентскому дворцу. Звучат фанфары, и музыка обрывается.

Президент Сноу, маленький, тщедушный мужчина с белесыми волосами, произносит с балкона официальное приветствие. Пока звучит речь, телевизионщики показывают лица трибутов. Так бывало на всех церемониях. Но я вижу на экране, кому в этот раз отдают предпочтение. Похоже, с наступлением темноты наш блеск все сильнее притягивает взгляды. Во время национального гимна объектив камеры лишь мельком проскальзывает по всем парам, с тем, чтобы снова возвратиться к колеснице Дистрикта-12 и неотрывно следить за ней, пока она совершает

финальный обезд площади и исчезает в воротах Тренировочного центра.

Едва они закрываются, нас шумной стайкой окружают стилисты, наперебой тараторя поздравления. Другие трибуны бросают на нас недобрые взгляды — мы в самом деле всех затмили, можно не сомневаться. Подходят Цинна и Порция, помогают нам слезть с колесницы, осторожно снимают горящие накидки и головные уборы. Порция тушит их, брызгая чем-то из баллончика.

Я замечаю, что все еще крепко держусь за Пита, и с трудом разжимаю ладонь. Мы оба работаем пальцами, чтобы вернуть им чувствительность.

— Спасибо, что не отпускала меня. Я все время боялся упасть, — говорит Пит.

— Правда? Уверена, никто ничего не заметил.

— Я уверен, рядом с тобой меня вообще не заметили. Огонь тебе явно к лицу. Может, будешь чаще так ходить?

Улыбка Пита кажется такой искренней и немножко смущенной, что я невольно чувствую к нему теплоту.

«Не будь душой. Он только и думает, как тебя прикончить, — одергиваю я себя. — Завлекает, чтобы ты стала легкой добычей. Чем он любезнее, тем опаснее».

Почему бы ему не подыграть? Я встаю на цыпочки и целую его в щеку. В самый синяк.

Одна из высоток Тренировочного центра предназначена для трибутов и тех, кто их готовит. Там мы будем жить, пока не начнутся сами Игры. Каждому дистрикту отведен целый этаж. Заходишь в лифт и нажимаешь кнопку с номером своего дистрикта. Не запутаешься.

Дома я всего дважды ездила на лифте, в Доме правосудия. Первый раз, когда получала медаль за смерть отца, и вчера после Жатвы. Но то была вонючая темная кабинка, ползущая, как черепаха. Здесь стены сделаны из стекла, и, несясь стрелой вверх, ты видишь, как люди на первом этаже превращаются в букашек. Здорово. Мне хочется спросить Эффи Бряк, можно ли прокатиться еще, да боюсь, это покажется ребячеством.

Очевидно, обязанности Эффи не ограничиваются нашей доставкой в Капитолий, она будет опекать нас до самой арены. Пожалуй, так даже лучше; хотя бы скажет, куда и когда мы должны идти. Хеймитч будто сквозь землю провалился. С тех пор как пообещал нам свою помощь тогда в поезде, мы его не видели. Небось упился так, что и на ногах стоять не может. Эффи Бряк, напротив, как на крыльях летает. Еще бы, впервые ее трибуты стали фаворитами на Церемонии открытия. Она в восторге от того, как мы выглядели и как себя вели. Послушать Эффи, так она знает всех важных шишек в Капитолии и весь день бегала и расхваливала нас, подбивая стать нашими спонсорами.

— Я старалась, как могла, — говорит она, сощутив глаза, — хотя этот Хеймитч не счел нужным посвятить меня в ваши планы. Рассказывала, как Китнисс пожертвовала собой ради сестры, как вы оба возвысились над варварством своего дистрикта.

Варварство? Звучит как злая насмешка из уст того, кто ведет нас на бойню. И что значит «возвысились»? Умеем вести себя за столом?

— Мне пришлось воевать с предубеждениями. Вы ведь из угольного дистрикта. Но я им сказала — и очень удачно, заметьте: «Что ж, если как следует надавить на уголь, он превращается в жемчуг!»

Эффи так довольна собой, и нам ничего не остается, как восхититься ее находчивостью, даром что она мелет полную чушь. Уголь никогда не превращается в жемчуг. Жемчужины вырастают в раковинах. Наверное, она имела в виду алмазы. Хотя это тоже неправда. Я слышала, в Дистрикте-1 есть машина, делающая алмазы из графита. У нас графит не добывают. Этим занимался Дистрикт-13, пока его не разрушили.

Интересно, люди, которым она нас рекламировала, тоже так считают? Или им без разницы?

— К сожалению, я не могу подписывать за вас договоры со спонсорами. Тут без Хеймитча не обойтись, — продолжает она с досадой. — Не беспокойтесь! Будет надо, я его под дулом пистолета приведу.

Пусть Эффи Бряк не блещет умом и тактом, зато решимости ей не занимать.

Номер, в котором меня поселили, больше всего нашего дома в Дистрикте-12. Кругом бархат, как в поезде; а еще здесь столько всяких автоматических штукovin наткано, что я вряд ли успею все их испробовать. В одном только душе около сотни регуляторов и кнопочек: можно задавать температуру и напор воды, выбирать сорта мыла и шампуней, ароматы и масла, включать массажные губки. Едва ступаешь на коврик, тут же включаются сушилки, обдающие тело теплым воздухом. Я касаюсь ящичка, посылающего импульсы к моей голове, и волосы, моментально распутавшись и высохнув, спадают на плечи ровными, блестящими прядями.

Шкаф по команде выдает нужную одежду. Окна могут увеличивать или уменьшать отдельные части панорамы города. Стоит произнести в микрофон название блюда из гигантского списка, и меньше чем через минуту оно появляется перед тобой, дымящееся и аппетитное. Я хожу по комнате и жую бутерброды из пышного хлеба с гусиной печенью, пока не раздастся стук в дверь — Эффи зовет к обеду.

Самое время. Я как раз проголодалась.

Когда я вхожу в столовую, Пит, Цинна и Порция стоят на балконе, выходящем на город. Я рада стилистам; особенно когда узнаю, что к нам присоединится Хеймитч. Если за столом верховодят Эффи и Хеймитч, это катастрофа. К тому же еда сейчас не главное, главное — обсудить нашу будущую стратегию, а Цинна и Порция уже показали себя отменными мастерами.

Молодой человек в белой тунике молча подносит фужеры с вином. Я хотела отказаться, но передумала — вдруг больше не придется попробовать? Раньше я пила только мамино вино от кашля. Делаю глоток терпкой, кисловатой жидкости и втайне думаю, что от пары ложек меда она стала бы лучше.

Хеймитч появляется, когда подают первое блюдо. Он такой чистый и ухоженный, что кажется, с ним тоже поработал стилист. А еще он трезв как стеклышко. Никогда не видела его таким. Хеймитч выпивает предложенное

вино и принимается за еду. Раньше он только пил, впервые вижу, как он ест. Может, он и в самом деле сдержит свое обещание?

Цинна и Порция, похоже, благоприятно влияют на наших кураторов. Во всяком случае, они вежливы друг с другом. И наперебой поздравляют стилистов с успешным стартом. Пока идет светская беседа, я сосредотачиваюсь на еде. Грибной суп, зелень с крохотными помидорчиками, жареное мясо с кровью, нарезанное тонюсенькими лепестками, макароны в зеленом соусе, нежный сыр, подаваемый со сладким черным виноградом. Официанты — молодые люди в белых туниках — безмолвно снуют вокруг стола, наполняя бокалы и меняя блюда.

Когда мой бокал с вином наполовину пустеет, чувствую легкое головокружение и перехожу на воду. Это состояние мне совсем не нравится, надеюсь, оно скоро пройдет. Как только Хеймитч выдерживает так целыми днями? Я пытаюсь вникнуть в разговор — он как раз коснулся наших костюмов для интервью, — но тут официантка ставит на стол роскошный торт и ловко поджигает его. На мгновение он ярко вспыхивает, языки пламени плещутся по краям и гаснут.

— Ничего себе! Это спирт? — спрашиваю я, поднимая глаза на девушку. — Сейчас мне как-то не до... О, я тебя знаю!

Не помню, где и когда я ее видела. Но видела точно. Темно-рыжие волосы, яркие черты лица, белая как фарфор кожа. Еще не договорив, я чувствую, как все сжалось у меня внутри от вины и страха. С ней связано что-то нехорошее, только я никак не могу вспомнить что. Лицо девушки искажается от ужаса, отчего мне еще больше становится не по себе. Она отрицательно качает головой и убегает.

Я поворачиваюсь к столу и вижу, что взрослые смотрят на меня, широко раскрыв глаза.

— Не мели чепуху, Китнисс. Откуда ты можешь знать безгласую? — резко говорит Эффи. — Как тебе такое взбрело в голову?

— Что значит «безгласая»? — ошарашено спрашиваю я.

— Преступница. Ей отрезали язык в наказание, — поясняет Хеймитч. — Скорее всего, за измену. Ты не можешь ее знать.

— А если бы и знала, не должна обращаться к ней иначе как с приказом, — добавляет Эффи. — Разумеется, ты ее не знаешь.

Дело в том, что они ошибаются. Теперь, когда Хеймитч произнес слово «измена», я вспомнила. Признаваться в этом, конечно, нельзя, да я и не собираюсь.

— Да-да, я, наверное, обозналась. Просто... — бормочу я, не зная, как выкрутиться. Видно, от вина туго соображать стала.

Пит щелкает пальцами.

— Делли Картрайт. Вот на кого она похожа! Точная копия.

Делли Картрайт, толстушка с бледным лицом и светлыми волосами, похожа на нашу официантку не больше, чем улитка на бабочку. А еще Делли самая приветливая девочка в школе, она всех встречает улыбкой, Даже меня. Как улыбается та темноволосая девушка, я никогда не видела... Я с радостью хватаюсь за спасительную соломинку, брошенную Питом:

— Да, правда. С ней я и спутала. Наверное, из-за волос.

— И глаза похожи, — поддерживает Пит. Атмосфера за столом разряжается.

— Вот и ладно. Разобрались, — говорит Цинна. — Да, это был спирт, но он весь сгорел. Я специально заказал такой торт в честь вашего огненного дебюта.

Покончив с обедом, мы идем в гостиную смотреть повтор церемонии открытия. Несколько пар выглядят неплохо, хотя до нас им далеко. Мы сами ахаем, когда видим себя выезжающими из ворот.

— Кто подал идею держаться за руки? — интересуется Хеймитч.

— Цинна, — отвечает Порция.

— Здорово придумано. Есть что-то бунтарское, но в меру.

Бунтарское? Мне это не приходило в голову. Потом я вспоминаю других трибутов, как они стояли каждый сам по себе, не касаясь и не желая замечать друг друга, будто Игры уже начались, и понимаю, что хотел сказать Хеймитч. Наши дружески соединенные руки выделяли нас не меньше, чем горящие одежды.

— Завтра утром первая тренировка. Встретимся за завтраком, и я вам скажу, как действовать дальше, — обращается Хеймитч к Питу и мне. — Теперь поспите немного, пока взрослые разговаривают.

Мы идем к своим комнатам. Когда подходим к моей двери, Пит прислоняется к косяку, задерживая меня.

— Значит, у Делли Картрайт объявился двойник?

Он ждет объяснений, и я почти готова их дать. Мы оба понимаем, что он меня прикрыл. И вот я снова в должниках. Если я расскажу правду о той девушке, то, возможно, мы станем квиты. Да и чем мне это повредит? Ну выдаст он меня, так что с того? Я всего лишь свидетель. К тому же про Делли Картрайт придумал сам Пит.

Если подумать, мне самой хочется поговорить с кем-то об этой истории. С кем-то, кто сможет меня понять. Больше всего подошел бы Гейл, но увижу ли я его еще? Вряд ли мои откровения дадут Питу какое-то преимущество. Напротив, он решит, что я ему полностью доверяю и

считаю своим другом.

Кроме того, мне стало жутко. Девушка с отрезанным языком вернула меня к действительности. Я здесь не для того, чтобы красоваться в шикарной одежде и набивать живот деликатесами, а для того, чтобы умереть кровавой смертью под гиканье зрителей, приветствующих моего убийцу.

Рассказать или нет? Голова все еще затуманена вином. Я таращусь в пустой коридор, как будто надеюсь найти там ответ.

Пит видит мое замешательство.

— Ты не была на крыше? Я качаю головой.

— Цинна меня водил. Оттуда виден почти весь город. Правда, шумновато из-за ветра.

Наверное, намекает, что там нас никто не подслушает. У меня тоже такое чувство, будто за нами следят.

— Туда можно вот так запросто подняться? — спрашиваю я.

— Конечно. Пойдем.

Я иду за Питом по лестнице, ведущей на крышу. Мы оказываемся в маленькой куполообразной комнатке, откуда есть выход наружу. Когда мы ступаем в вечернюю прохладу, у меня захватывает дух. Капитолий светится огнями, как огромное поле светлячков. В Дистрикте-12 вечера частенько приходится проводить со свечкой, электричество бывает редко. Наверняка, только если по телевизору показывают Игры или какое-нибудь важное правительственное заявление. Но тут не экономят. Ни на чем.

Мы подходим к ограждению у края крыши. Я смотрю вниз на улицу, кишашую людьми. Гудят машины, что-то звякает, иногда доносится чей-нибудь голос. В Дистрикте-12 в это время уже все спят.

— Я спрашивал Цинну, почему нас «отпускают». Кому-то из трибутов может прийти в голову броситься вниз.

— И что он ответил?

— Что не выйдет. — Пит вытягивает руку за перила, раздается сухой треск, и руку отбрасывает назад. — Здесь какое-то электрическое поле. Оно швыряет тебя обратно на крышу.

— Как о нас заботятся! — говорю я. Хотя Цинна сам приводил сюда Пита, я не уверена, можно ли нам находиться здесь одним так поздно. Никогда не видела трибутов на крыше Тренировочного центра. Из чего вовсе не следует, что тут нет камер. — Думаешь, за нами наблюдают?

— Возможно, — признает Пит. — Давай посмотрим сад.

С другой стороны купола разбиты клумбы с цветами, и растут деревья в кадках. С веток свисают сотни музыкальных подвесок. Вот откуда

раздавался звон. При таком ветре нас точно не услышат. Пит смотрит на меня вопросительно. Я притворяюсь, что разглядываю цветок.

— Однажды, когда мы охотились в лесу и сидели в засаде, — начинаю я шепотом.

— Ты с отцом? — шепчет Пит.

— Нет, с моим другом Гейлом. Вдруг все птицы разом умолкли. Кроме одной, которая будто предупреждала нас о чем-то. И тут я увидела девушку. Это точно та девушка. С ней был парень. У обоих одежда изодрана в клочья, черные круги под глазами. Они бежали так, словно от этого зависела их жизнь.

На минуту я замолчала, вспомнив, как вид этой странной пары, явно не из нашего дистрикта, заставил нас замереть. Позже я часто спрашивала себя, могли ли мы им помочь. Наверное. Могли спрятать их. Если бы действовали быстро. Да, нас с Гейлом застигли врасплох, но мы ведь охотники и знаем, как выглядит загнанная дичь. Мы с первого взгляда поняли, что эти молодые люди в опасности. Тем не менее мы только смотрели.

— Потом, словно ниоткуда, появился планолет, — продолжаю я. — Только что небо было чистым, и вот он уже над ними. Он летел почти бесшумно, но они его заметили. На девушку сбросили сеть и, подхватив, утащили вверх. Быстро, как на лифте. Парню повезло меньше. Его пронзили копьем, привязанным к тросу, и тоже подняли в планолет. Мы услышали, как кричит девушка. Какое-то имя. Наверное, того парня. Планолет исчез. Просто растворился в воздухе. И птицы стали петь снова, будто ничего не случилось.

— Они вас видели? — спросил Пит.

— Не знаю. Мы сидели под выступом скалы, — отвечаю я.

Я лукавлю. Как раз после птичьего крика, когда еще не появился планолет, глаза девушки на мгновение встретились с моими, и в них была мольба. Но ни я, ни Гейл даже пальцем не пошевелили, чтобы ей помочь.

— Ты вся дрожишь, — говорит Пит.

Я и правда заледенела. Ветер обдает меня холодом снаружи, а воспоминания — изнутри. Крик девушки и сейчас звучит у меня в ушах. Возможно, то имя было последним словом, какое она произнесла.

Пит снимает пиджак и набрасывает мне на плечи. Я хотела отстраниться, а потом решила: почему бы и нет? Пусть думает, что я все принимаю за чистую монету.

— Они отсюда? — спрашивает Пит, застегивая пиджак у меня под подбородком.

Я киваю. В них точно было что-то капитолийское.

— Как думаешь, куда они направлялись?

— Не знаю, — признаюсь я. Дистрикт-12 и так на отшибе. Дальше — сплошь лес, дикие места, если не считать источающих яд развалин, что остались от Дистрикта-13 после химических атак. Иногда их показывают по телевизору, чтобы мы не забывали. — Не представляю, почему они убежали отсюда.

Хеймитч сказал, что безгласые наказаны за измену. Измену чему? Получается, Капитолию... Тут ведь есть все, что душе угодно. Живи и радуйся. Против чего бунтовать?

— Я бы отсюда тоже убежал, — выпаливает Пит и нервно оглядывается вокруг. Он произнес это так громко, что даже музыкальные подвески не смогли заглушить. — Я бы тут же убежал домой, если бы мне только позволили. Хотя надо признать, кормят здесь отменно, — смеется он.

Снова выкрутился. Теперь тот возглас — обычная реплика испуганного трибута, а вовсе не сомнение в безупречности Капитолия.

— Похолодало. Может, войдем внутрь? — предлагает Пит, и когда мы заходим под теплый, залитый светом купол, непринужденно продолжает разговор: — Твой друг Гейл, это тот самый парень, который забрал от тебя сестру на Жатве?

— Да. Ты его знаешь?

— Не так чтобы... Слышал, как девчонки по нему вздыхали. Я думал, он твой двоюродный брат или вроде того. Вы очень похожи.

— Нет, мы не родственники.

Пит кивает с тем же непроницаемым видом.

— Приходил с тобой попрощаться? — спрашивает он опять.

— Приходил, — отвечаю я и внимательно смотрю ему в лицо. — А еще твой отец приходил. С печеньем.

Пит поднимает брови, будто впервые слышит. Ну, врать-то и притворяться он мастер. Видела сегодня.

— Правда? Вообще-то он всегда вас любил, тебя и твою сестру. Наверное, он предпочел бы иметь дочь вместо своры мальчишек.

Мысль о том, что в доме Пита когда-то заходила речь обо мне, за столом, а может, у пекарской печи, совершенно меня огорошила. Во всяком случае, это явно случилось не при матери.

— В детстве он был знаком с твоей мамой.

Вот так раз! Еще одна новость. Похоже на правду.

— А... да. Она выросла в городе, — отвечаю я. Не могу же я сказать,

что мама никогда не упоминала об отце Пита иначе как о пекаре, когда хвалила его хлеб.

Мы подходим к моей двери, и я возвращаю Питу пиджак.

— Пока. Утром увидимся.

— До завтра, — отвечает он и идет дальше по коридору.

Когда я открываю дверь, рыжеволосая девушка подбирает с пола мои ботинки и трико, где я их бросила перед душем. Я хочу извиниться за то, что, возможно, навлекла на нее неприятности, потом вспоминаю, что могу обращаться к ней только с приказом.

— О, прости, — говорю я. — Их следовало отнести Цинне. Прошу прощения, ты не могла бы сделать это за меня?

Избегая моего взгляда, девушка коротко кивает и направляется к двери.

Я старалась, чтобы в моих словах прозвучало сожаление о том, как глупо повела себя во время обеда, но понимаю, что сожалею о гораздо большем. Мне стыдно, что я даже не пыталась помочь ей в лесу, позволив Капитолию искалечить ее и убить парня.

Точно смотрела Игры по телевизору.

Я сбрасываю туфли и забираюсь в кровать прямо в одежде. Дрожь не проходит. Возможно, она меня и не помнит. Нет, зачем себя обманывать. Нельзя забыть того, кто был твоей последней надеждой. Я натягиваю одеяло на голову, надеясь спрятаться от взгляда рыжеволосой немой девушки, взгляда, проникающего сквозь двери и стены. Будет ли она рада видеть, как я умираю?

Всю ночь меня преследуют кошмары. Рыжеволосая девушка, кровавые эпизоды прошлых Голодных игр, отрешенная и чужая мама, худенькая, испуганная Прим, отец... Я вскакиваю с криком: «Спасайся!», когда шахта взрывается миллионом ярких осколков.

В окна пробиваются первые утренние лучи. Под завесой клубящегося тумана Капитолий выглядит жутко. У меня болит голова. Во рту привкус крови, видно, во сне прикусила щеку.

Я сползаю с кровати и тащусь в душ. Наугад тыкаю кнопки на панели и прыгаю под струями воды, то ледяными, то обжигающими. Потом меня облепляет лимонная пена, которую приходится соскребать жесткой щеткой. Ну и ладно, зато взбодрилась.

Обсохнув и обтершись лосьоном, беру одежду, оставленную мне перед шкафом: черные узкие брюки, бордовую тунику с длинными рукавами, кожаные туфли. Заплетаю косу. Первый раз после Жатвы я выгляжу собой. Никаких изысканных причесок и платьев, никаких огненных накидок. Такая как есть. Как будто собралась в лес. Это меня успокаивает.

Хеймитч не уточнил, во сколько именно мы встретимся за завтраком, утром тоже никто не приходил, однако я голодна и потому решаю пойти в столовую без приглашения. Еда, должно быть, уже готова. Надежды меня не обманули. Стол еще не накрыт, но на стойке у стены не меньше двадцати кушаний. Рядом, вытянувшись в струнку, стоит безгласый официант. Он утвердительно кивает на вопрос, можно ли мне самой взять себе еды. Я накладываю на большое блюдо яйца, сосиски, оладьи с апельсиновым вареньем, ломтики красного арбуза. Ем все это, глядя, как над Капитолием встает солнце. Потом беру вторую тарелку — горячую кашу с тушеной говядиной. И наконец наслаждаюсь десертом: беру гору булочек, ломаю их кусочками и ем, обмакивая в горячий шоколад, как Пит в поезде.

Мысли уносятся к маме и Прим. Они, должно быть, уже встали. Мама готовит на завтрак кашу-размазню. Прим нужно до школы подоить козу. Всего два утра назад я была дома. Неужели правда? Да, всего два. А теперь дом осиротел. Что подумали они о моем вчерашнем огненном дебюте на Играх? Появилась ли у них надежда или они совсем упали духом, увидев воочию две дюжины трибутов, из которых в живых суждено остаться одному?

Входят Хеймитч и Пит, желают мне доброго утра и садятся есть. Мне

не нравится, что Пит одет так же, как и я. Надо поговорить с Цинной. Не будем же мы, в конце концов, изображать близнецов на самих Играх? Наверняка стилисты это понимают. Я вспоминаю, что Хеймитч приказал нам во всем им подчиняться. Будь на месте Цинны кто-то другой, я бы могла послушаться. Но после вчерашнего триумфа у меня язык не повернется что-то ему возразить.

Я волнуюсь из-за тренировок. Три дня трибуты готовятся все вместе, на четвертый каждый получает возможность продемонстрировать свои умения перед распорядителями Игр. Предстоящая встреча лицом к лицу с другими трибутами вызывает у меня мандраж. Я взяла из корзинки булочку и верчу в руках, аппетит пропал.

Покончив с очередной порцией тушеного мяса, Хеймитч со вздохом отодвигает тарелку, достает из кармана фляжку и делает большой глоток.

— Итак, приступим к делу, — говорит он, облокотившись на стол, — во-первых, как мне вас готовить? Вместе или порознь? Решайте сейчас.

— А зачем порознь? — спрашиваю я.

— Ну, скажем, у тебя есть секретный прием или оружие, и ты не хочешь, чтобы об этом узнали другие.

Я смотрю на Пита.

— У меня секретного оружия нет, — говорит он. — А твое мне известно, верно? Я съел немало подстреленных тобой белок.

Оказывается, Пит ел моих белок. Мне всегда представлялось, как пекарь тихонько уходит и жарит их для себя одного. Не из жадности, просто городские семьи предпочитают дорогое мясо, купленное у мясника, — говядину, конину, курятину.

— Готовь нас вместе, — говорю я Хеймитчу, и Пит согласно кивает.

— Договорились. Теперь мне нужно получить представление о том, что вы умеете.

— Я — ничего, — отвечает Пит. — Разве что хлеб испечь придется.

— К сожалению, не придется, — говорит Хеймитч. — А ты, Китнисс? Я уже видел, с ножом ты управляться умеешь.

— Не так чтобы очень. Я могу охотиться с луком и стрелами.

— Хорошо?

Я задумываюсь. Мы четыре года питались тем, что я добывала на охоте. Не так плохо. До отца мне, конечно, далеко, да и опыта у него было куда больше. Зато Гейла по части стрельбы я превзошла. Гейл — мастер ставить капканы и силки.

— Довольно хорошо.

— Великолепно, — встревает Пит. — Мой отец покупает у нее белок и

удивляется, что стрелы всегда попадают точно в глаз. То же самое и с зайцами для мясника. Китнисс даже оленя убить может.

Такая оценка моих способностей со стороны Пита заставляет меня врасплох. Не думала, что он обо мне столько знает. И с чего он взялся меня расхваливать?

— Что это ты так разошелся? — спрашиваю я с подозрением.

— А что такого? Хеймитчу, чтобы тебе помочь, надо знать твои реальные возможности. Не стоит себя недооценивать.

Почему-то я злюсь еще больше.

— А ты сам? Я видела тебя на рынке. Как ты таскал стофунтовые мешки с мукой, — обрываю я его. — Что ж ты ему не расскажешь? Или это, по-твоему, ничего?

— Да, на арене наверняка будет полно мешков с мукой, и я заброшаю ими противников. Мешки — не оружие. Сама понимаешь, — выпаливает Пит.

— Он умеет бороться, — говорю я Хеймитчу. — На школьных соревнованиях в прошлом году занял второе место, уступив только брату.

— И что толку? Ты часто видела, чтобы один борец задавливал другого насмерть? — с отвращением произносит Пит.

— Зато всегда бывают рукопашные схватки. Если ты раздобудешь нож, у тебя по крайней мере будет шанс. А если кто навалится на меня, я — труп!

От злости мой голос срывается на крик.

— Никто на тебя не навалится. Будешь жить на дереве, питаясь сырыми белками, и отстреливать соперников из лука. Знаешь, когда мама пришла прощаться, она сказала, что в этот раз Дистрикт-12, возможно, победит. Я думал, она хочет меня подбодрить, а оказалось, она имела в виду тебя!

— Конечно, она говорила о тебе! — отмахиваюсь я.

— Нет, она сказала «победительница». Победительница, то есть ты!

Я оторопела. Неужели его мать так сказала? Неужели она оценивает меня выше своего сына? Судя по боли в глазах Пита, он не врет.

Я снова на задворках пекарни. По спине текут ледяные струйки дождя, в животе пусто. И одиннадцатилетняя девочка во мне говорит:

— Только потому, что кое-кто мне помог. Взгляд Пита падает на булочку у меня в руках, и я понимаю, что он тоже помнит тот день. Он пожимает плечами.

— На арене тебе тоже помогут. От спонсоров отбоя не будет.

— Не больше, чем у тебя.

Пит переводит глаза на Хеймитча.

— Она совсем не понимает, какое впечатление производит на всех.

Он проводит пальцем по столу, не глядя на меня.

Что он хочет сказать? Мне помогут? Когда мы умирали от голода, никто не помог! Никто, кроме Пита. Мне ничего не давали даром. Дела пошли в гору, только когда появилась добыча. Я умею торговать. Или нет? Какое впечатление я произвожу? Слабой и нуждающейся в помощи? Он думает, торговля мне удавалась, потому что люди меня жалели? Неужели так и есть? Возможно, кто-то и был со мной щедрее обычного, но я всегда считала, что это из-за отца, которого многие хорошо знали. Да и дичь всегда была первоклассная... Нет, никто меня не жалел!

Я сердито смотрю на булочку. Пит нарочно хотел меня задеть.

Минуту спустя Хеймитч произносит:

— Так. Так, так, Китнисс, гарантировать, что на арене будут луки и стрелы, я не могу, но перед распорядителями Игр покажи все, на что способна. До тех пор о стрельбе забудем. Как у тебя дела с установкой ловушек?

— Ну, простенькие силки поставлю, — бормочу я.

— Это может пригодиться в плане добычи пропитания, — говорит Хеймитч. — Да, Пит, она права, физическая сила на арене не последнее дело. Часто только она и выручает. В Тренировочном центре есть гири, но не показывай другим, сколько ты можешь поднять. Для вас обеих стратегия одна. Походите на групповые тренировки. Постарайтесь выучиться там чему-то новому. Побросайте копья, помашите булавами, научитесь вязать толковые узлы. А то, что умеете лучше всего, приберегите для индивидуальных показов. Все ясно?

Пит и я киваем.

— И последнее. На людях держаться вместе и во всем помогать друг другу! — продолжает Хеймитч. Мы оба начинаем возражать, он ударяет ладонью по столу. — Во всем! Это не обсуждается! Вы согласились делать, что я скажу! Вы будете вместе и будете вести себя как друзья. Теперь убирайтесь. В десять подходите к лифту. Эффи отведет вас на тренировку.

Закусив губу, я отправляюсь в свой номер и погромче хлопаю дверью, чтобы Пит слышал. Сажусь на кровать. Я ненавижу Хеймитча, ненавижу Пита, ненавижу себя за то, что вспомнила тот главный день под дождем. Что за выдумки! Мы с Питом должны притворяться друзьями! Восхищаться друг другом, какие мы сильные и ловкие, подбадривать. Тем не менее наступит момент, и нам придется бросить валять дурака и стать теми, кто мы есть, — жестокими противниками. Я и сейчас готова к этому,

если бы не Хеймитч со своими нелепыми указаниями. Что ж, сама виновата, согласившись тренироваться вместе. Так я ведь не имела в виду, что буду во всем опорой Питу. Между прочим, он тоже явно не горит желанием мне помогать.

В ушах звучат слова Пита: «Она не понимает, какое впечатление производит на людей». Хотел унижить. Ясно же. Глубоко в душе зарождается крохотное сомнение: может, это был комплимент и он хотел сказать, что я могу нравиться. Удивительно, как много он обо мне знает... Впрочем, получается, я тоже не выпускала из виду его, мальчика с хлебом. Мешки, борьба... да мне чуть ли не каждый его шаг известен!

Почти десять. Я чищу зубы и поправляю волосы. Злость заставила меня забыть о страхе перед встречей с другими трибутами, а теперь волнение возвращается. Подходя к лифту, ловлю себя на том, что грызу ногти, и тут же прекращаю.

Помещения для тренировок расположены в том же здании, под первым этажом. На здешнем лифте спуститься меньше минуты. Двери растворяются, и перед нами — громадный зал со множеством всяческого оружия и полосами препятствий. Хотя еще нет десяти, мы прибыли последними. Остальные трибуты стоят тесным кружком, у каждого к одежде приколот квадрат с номером дистрикта. Я быстро осматриваюсь, пока кто-то прикалывает такой же квадрат мне на спину. Только мы с Питом одеты одинаково. Когда мы присоединяемся ко всем, подходит главный тренер, высокая, атлетического сложения женщина по имени Атала, и знакомит нас с программой тренировок. Зал разбит на секции. В каждой свой инструктор. Мы можем свободно перемещаться от секции к секции, руководствуясь указаниями наших менторов. В одних секциях обучают навыкам выживания, в других — приемам боя. Запрещено выполнять боевые упражнения с другими трибутами. Если нужен партнер, для этого есть специальные помощники.

Пока Атала читает перечень секций, мой взгляд невольно перебегает от одного трибута к другому. Первый раз мы стоим рядом друг с другом, в простой одежде. Я падаю духом. Почти все юноши и добрая половина девушек выше и крупнее меня, хотя многие, очевидно, жили впроголодь: кожа тонкая, кости торчат, глаза впалые. Пожалуй, у меня даже есть фора. Несмотря на худобу, я стройная и сильная. Видно, сказала семейная предприимчивость: я сама добывала себе пропитание в лесу, и это закалило меня. Думаю, мое здоровье крепче, чем у большинства трибутов.

Другое дело — добровольцы, приехавшие из богатых дистриктов, те, кого всю жизнь готовили к Играм, и у кого никогда не было недостатка в

еде. Обычно это участники из дистриктов 1, 2 и 4. Формально тренировать трибутов до их прибытия в Капитолий запрещено, однако на деле это правило нарушается из года в год. У нас в Дистрикте-12 таких трибутов называют профессиональными или профи. Можно ставить десять против одного, что победителем окажется кто-то из них.

При виде таких соперников все надежды, что наше вчерашнее феерическое появление перед публикой дало нам какие-то преимущества, растаяли как дым. Другие трибуты завидовали нам, но не потому, что мы такие молодцы, а лишь потому, что у нас такие потрясающие стилисты. Сегодня профи смотрят на нас с презрением. Они источают высокомерие и животную силу. Самый мелкий из них тяжелее меня фунтов на пятьдесят, а самый крупный — на все сто. Едва Атала заканчивает объяснения, профи прямиком направляются в секции с самым опасным и внушительным оружием, где демонстрируют, как легко и просто умеют с ним обращаться.

«Хорошо, что я быстро бегаю», — думаю я и вздрагиваю, когда кто-то толкает меня локтем. Это Пит, он рядом, как наказывал Хеймитч, и лицо у него озабоченное.

— С чего хочешь начать?

Я смотрю на профи, которые выделяются, как могут, явно стараясь всех запугать. Потом на их соперников — тощих и неумелых, впервые берущих в руки нож или топор.

— Может, займемся узлами? — предлагаю я.

— Давай, — соглашается Пит. Мы идем в пустующую секцию; инструктор рад, что у него появились ученики: вязание узлов, похоже, не пользуется особой популярностью при подготовке к Голодным играм. Узнав, что я кое-что понимаю в силках, он показывает нам простую, но эффективную петлю-ловушку, вздергивающую незадачливого противника за ногу вверх. Мы сосредотачиваемся на одном этом искусстве, и за час оба в совершенстве его осваиваем. Затем переходим в секцию маскировки. Пит с нескрываемым удовольствием размазывает по своей бледной коже различные комбинации грязи, глины и раздавленных ягод, составляя сложные рисунки выющихся стеблей и листьев. Инструктор приходит в восторг.

— Я ведь имел дело с пирогами, — объясняет Пит.

— С пирогами? — удивляюсь я, отвлекаясь от наблюдения за парнем из Дистрикта-2, всаживающим копье в сердце манекена с расстояния в пятнадцать ярдов. — Какими пирогами?

— Глазированными, для праздников. Теперь до меня дошло, о чем он говорит, — о пирогах на витрине пекарни, разрисованных всякими

финтифлюшками и цветами. Для дней рождения и Нового года. Когда мы бывали на площади, Прим всегда тащила меня туда полюбоваться. Хотя у нас никогда не было на них денег, я соглашалась — в Дистрикте-12 так мало красивого.

Я внимательно рассматриваю узор на руке Пита. Затеяливо чередующиеся светлые и темные пятна напоминают игру солнечных лучей, пронизывающих листву деревьев в лесу. Но где ее мог видеть Пит? Вряд ли он когда-то выходил за ограждение. Неужели ему хватило косматой старой яблони у них на заднем дворе? Почему-то все это — умение Пита, похвала специалиста по маскировке, воспоминание о недостижимых пирогах — возбуждает во мне злость.

— Очень мило. Жаль, у тебя не будет возможности заглазирывать кого-нибудь до смерти, — язвительно замечаю я.

— Не задавайся. Никто не знает, что там будет на арене. Вдруг — огромный пи...

— Ты не собираешься идти дальше? — обрываю я его.

Следующие три дня мы так и ходим, не торопясь, от секции к секции, учась некоторым полезным вещам: от разведения огня и метания ножей до постройки шалаша. Несмотря на приказ Хеймитча не высовываться, Пит таки отличился в рукопашном бою, а я шутя прошла тест на знание съедобных растений. От стрельбы из лука и тяжелой атлетики мы, однако, держимся подальше, бережем козыри для индивидуальных сессий.

Распорядители Игр появились в первый же день, вскоре после начала тренировки — около двух десятков мужчин и женщин в пурпурных одеяниях. Они сидят на скамьях, устроенных вдоль стен зала, иногда прохаживаются, смотрят, что-то записывают. А чаще всего пируют за огромным столом, куда слуги подносят все новые кушанья, и как будто не обращают ни на кого внимания. Хотя пару раз, повернувшись в их сторону, я натыкалась на чей-нибудь взгляд. Во время наших перерывов на еду распорядители совещаются о чем-то с инструкторами. Когда мы возвращаемся, они сидят вместе.

Завтрак и обед нам подают отдельно на своих этажах, ленч — для всех двадцати четырех сразу в столовой рядом с тренировочным залом. Блюда расставлены на тележках — подходи и бери, что хочешь. Профи обычно собираются шумной компанией за одним столом, подчеркивая свое превосходство — мол, мы друг друга не боимся, а на остальных нам и вовсе наплевать. Большинство других сидят поодиночке, словно овцы, отбившиеся от стада. С нами никто не заговаривает; мы едим вместе и даже пытаемся поддерживать дружескую беседу — Хеймитч на этот счет все

уши прожужжал.

Знать бы еще, о чем говорить. О доме — грустно, о настоящем — невыносимо. Однажды Пит вытащил хлеб из корзинки и стал показывать мне разные сорта. Организаторы позаботились, чтобы в корзинах был хлеб из всех дистриктов вдобавок к непревзойденному capitoлийскому. Буханки в форме рыбы, зеленые от добавленных в них водорослей, из Дистрикта-4. Маленькие полумесяцы, усыпанные семенами, из Дистрикта-11. Почему-то выглядят они гораздо аппетитнее, чем обычные растрескавшиеся кругляшки у нас дома, хотя и сделаны из такого же теста.

— Вот так вот, — подытоживает Пит, сгребая буханки обратно в корзину.

— Ты много знаешь, — говорю я.

— Только о хлебе, — возражает он. — Ладно, теперь засмейся, будто я сказал что-то смешное.

Мы оба прыскаем от смеха, довольно убедительно, и словно бы не замечаем, как остальные на нас глазают.

— Отлично, а сейчас я продолжаю мило улыбаться, а ты что-нибудь говори, — продолжает Пит.

Эта так называемая дружба изматывает будь здоров. Тем более что с тех пор как в тот раз я хлопнула дверью, отношения между нами охладели. Но приказ есть приказ.

— Я не рассказывала, как однажды за мной гнался медведь?

— Нет, хотя звучит интригующе.

Я начинаю рассказ, старательно разукрашивая его мимикой и жестами. История эта произошла на самом деле — как-то раз я сдуру решила поспорить с медведем-барibalом, у кого из нас больше прав на дупло с медом. Пит хохочет и к месту задает вопросы. У него это получается гораздо лучше, чем у меня.

На второй день, когда мы пробуем свои силы в метании копья, Пит шепчет мне на ухо:

— Кажется, мы обзавелись еще одной тенью.

Я метая копье — с небольшого расстояния выходит не так уж плохо — и вижу, что чуть поодаль сзади за нами наблюдает девочка из Дистрикта-11, та самая двенадцатилетняя, которая так напомнила мне Прим. Вблизи она выглядит на десять. Блестящие темные глаза, атласная кожа. Девочка слегка наклонилась вперед на носочках и чуть-чуть отстранила локти от боков, готовая упорхнуть при малейшем звуке. Будто маленькая птичка.

Пока Пит бросает, я наклоняюсь за другим копьем.

— Кажется, ее зовут Рута, — негромко говорит он.

Я закусываю губу. Рута — маленький желтый цветок, растущий на Луговине. Рута, Прим — в каждой из них едва ли семьдесят фунтов, да и то если в мокрой одежде.

— Ну и что ты предлагаешь? — спрашиваю я несколько резче, чем хотела.

— Ничего, — отвечает он. — Просто поддерживаю разговор.

Теперь, когда я знаю, что она рядом, мне трудно ее игнорировать. Девочка молча ходит следом и учится в тех же секциях, что и мы. Она не хуже меня разбирается в растениях, быстро лазает, метко стреляет — раз за разом попадает в мишень из рогатки. Но что такое рогатка против здорового парня с мечом?

За завтраком и обедом Хеймитч и Эффи дотошно выпрашивают нас о каждой минуте, проведенной в тренировочном зале: что делали, кто за нами наблюдал, какое впечатление производят другие трибуны. Цинна и Порция с нами не едят, так что наших кураторов ничто не сдерживает. Нет, друг с другом они больше не схватываются, зато с завидным единодушием принялись за нас. Не знаю, как Пит терпит, а я от нескончаемых указаний, что делать и чего не делать на тренировках, уже на стенку лезу.

Когда во второй вечер нам наконец удастся от них улизнуть, Пит ворчит:

— Уж лучше бы Хеймитч опять запил.

Пытаюсь засмеяться, но получается только фырканье. Осекаюсь и понимаю, что совсем запуталась, когда мы друзья, а когда нет. На арене я, по крайней мере, буду знать точно.

— Не надо. Зачем притворяться наедине.

— Ладно, Китнисс, — устало отвечает Пит. После этого мы разговариваем только на людях.

На третий день, после ленча, нас начинают вызывать на индивидуальные показы к распорядителям Игр. Дистрикт за дистриктом, вначале юношу, потом девушку. Как обычно, Дистрикт-12 последний. Мы торчим в столовой, не зная, куда еще податься. Те, кто уходят, обратно не возвращаются. Комната постепенно пустеет, и необходимость играть на публику отпадает. Когда вызывают Руту, мы с Питом остаемся одни и сидим молча, пока не приходит его очередь. Он встает.

— Помни, что Хеймитч советовал выложиться по полной, — невольно срывается у меня с губ.

— Спасибо. Так и сделаю. Ни пуха тебе.

Я киваю. Зачем я вообще что-то говорила? Хотя... если мне суждено

проиграть, то пусть лучше выиграет Пит. Будет лучше для нашего дистрикта, а значит, для мамы и Прим.

Минут через пятнадцать называют мое имя. Я приглаживаю волосы, расправляю плечи и... войдя в зал, сразу понимаю, что ничего хорошего меня не ждет. Слишком долго они здесь просидели, эти распорядители, слишком много демонстраций посмотрели, а многие и выпили лишка. Больше всего им сейчас хочется пойти домой.

Мне не остается ничего другого как выполнять задуманное. Я направляюсь к секции стрельбы из лука. Вот они, долгожданные! Все эти дни у меня прямо руки чесались до них добраться. Луки из дерева, пластика, металла и еще из каких-то незнакомых мне материалов. Стрелы с безупречно ровным оперением. Я выбираю лук, надеваю тетиву и набрасываю на плечо подходящий колчан со стрелами. Выбор мишеней невелик: обычные круглые и силуэты людей. Я иду в центр зала и выбираю первую цель — манекен для метания ножей. Еще натягивая стрелу, понимаю: что-то не так. Тетива туже, чем та, которой я пользовалась дома, а стрела жестче. Я промахиваюсь на несколько дюймов, и теперь на меня уж точно никто и не взглянет. Вот так показала себя! Я собираю волю в кулак и возвращаюсь к щиту с мишенями. Выпускаю одну стрелу за другой, пока руки не привыкают к новому оружию.

Опять занимаю ту же позицию в центре зала и поражаю манекен в самое сердце. Следующей стрелой перерубаю веревку, на которой подвешен мешок с песком для боксеров. Мешок бухается на пол и с треском лопается. Тут же делаю кувырок, встаю на колено и точным выстрелом сбиваю светильник высоко под потолком. Вниз летит сноп искр.

Вот теперь то, что надо! Я поворачиваюсь к распорядителям, ожидая их реакции. Некоторые одобрительно кивают, но большинство увлечены жареным поросенком, только что поданным на стол.

Меня охватывает ярость. От этого, возможно, зависит моя жизнь, а им и дела нет. Поросенок куда важнее! Сердце колотится в груди, щеки пылают. Не думая, выхватываю стрелу и посылаю ее в сторону стола. Раздаются вскрики, едоки шарахаются в стороны. Стрела пронзает яблоко во рту поросенка и прищипливает его к стене. Все таращатся на меня, не веря глазам.

— Спасибо за внимание, — говорю я с поклоном и, не дожидаясь разрешения, иду к выходу.

По пути к лифту забрасываю лук на плечо, пролетаю мимо изумленных безгласых у дверей лифта и ударяю кулаком по кнопке с номером 12. Двери затворяются, и лифт несет меня вверх. Я успеваю доехать до своего этажа, прежде чем первые слезы скатываются у меня по щекам, и несусь по коридору в комнату, не обращая внимания на окрики из гостиной. Запираю дверь, падаю на кровать и наконец даю волю слезам.

Это конец! Я все испортила! Если у меня и была малюсенькая надежда, то этой стрелой я ее разбила. Что со мной сделают? Арестуют? Казнят? Отрежут язык и заставят прислуживать трибутам? Чем я думала, когда стреляла в распорядителей? Конечно, я не в них стреляла, а в яблоко. Я так разозлилась, что меня игнорируют. Если бы я хотела кого-то убить, то не промахнулась бы!

Хотя какая разница? Все равно я бы не выиграла. Пусть делают со мной, что хотят. По настоящему меня пугает то, что они могут сделать с мамой и Прим. Как эта дурацкая выходка отразится на моей семье? Отберут их скудные пожитки? Или посадят маму в тюрьму, а Прим отправят в приют? А может, их тоже убьют? Неужели убьют? Почему нет? Кого они жалеют?

Что я наделала? Вместо того чтобы извиниться или, рассмеявшись, превратить все в шутку, я гордо удалилась. Можно сказать, послала всех к черту. Теперь нечего ждать снисхождения.

Эффи и Хеймитч стучат мне в дверь. Я кричу, чтобы они убирались, и через какое-то время они отступают. Через час, может, больше я перестаю плакать, глажу ладонью шелковые простыни и смотрю, как дома и крыши Капитолия, будто леденцы, блестят в лучах заходящего солнца.

Вначале я жду, что за мною явится стража. Время идет, и постепенно я успокаиваюсь. Им ведь по-прежнему нужна девушка-трибут из Дистрикта-12, не так ли? Если распорядители захотят меня наказать, то сделают это публично. Подождут, пока я окажусь на арене, и спустят на меня голодных диких зверей. Лука и стрелу меня, ясное дело, не будет — об этом они позаботятся.

Ну а для начала дадут мне такой низкий балл, что никому в здравом уме и в голову не придет стать моим спонсором. Баллы объявят еще сегодня. Так как тренировки закрыты для зрителей, распорядители сами оценивают шансы каждого трибута, задавая ориентир для заключения пари

— занятия, которому здесь с удовольствием предаются от начала до конца Игр. Самый низкий балл — единица, хуже и придумать нельзя; самый высокий и практически недостижимый — двенадцать. Оценка, конечно, еще не гарантия победы, она лишь отдает должное способностям и умениям, проявленным трибутом во время тренировок. Как все сложится на арене, абсолютно непредсказуемо, и нередко те, кто получили высокий балл, гибнут одними из первых. А победителем пару лет назад стал парень, которого оценили на тройку. Но вот в том, что касается спонсорства, баллы действительно могут помочь. Или навредить. Я-то надеялась заслужить своей стрельбой семерку или хотя бы шестерку, а теперь ясно: у меня балл будет худшим из двадцати четырех. А без спонсоров шансы выжить падают почти до нуля.

Когда Эффи стучит в дверь и зовет меня к обеду, я решаю пойти. Чего ради прятаться? Шила в мешке не утаишь. Вечером результаты покажут по телевизору. Я иду в ванную и умываюсь, но лицо все равно красное и опухшее от слез.

За столом собрались все, включая Цинну и Порцию. Уж хотя бы стилистов не было! Меньше всего мне хочется разочаровать их. Все, что они сделали для церемонии открытия, пошло псу под хвост. Я хлебаю мелкими ложечками рыбный суп, стараясь ни на кого не смотреть. Суп соленый и напоминает мне о слезах.

Врослые заводят разговор о прогнозе погоды, а я ловлю взгляд Пита. Он вопросительно поднимает брови: что случилось? Я только мотнула головой. Когда подают главное блюдо, Хеймитч обращается к нам:

— Ладно, хватит о пустяках, скажите-ка лучше, как вы сегодня преуспели? С большим треском?

Пит отвечает не долго думая:

— С треском или нет, кажется, без разницы. К тому времени как я туда попал, им уже было не до меня. Пели какую-то застольную песню. Никто и не глянул в мою сторону. Ну, я и бросал туда-сюда всякие тяжелые штуки, пока не отпустили.

От этого признания мне становится чуть-чуть спокойнее. Хоть Пит и не нападал на распорядителей, но по крайней мере его они тоже провоцировали.

— Ну а как твои дела, солнышко? — поворачивается Хеймитч ко мне.

Это его «солнышко» разозлило меня и заставило заговорить:

— А я запустила в распорядителей стрелу. Все перестают есть.

— Что? — Ужас в голосе Эффи подтверждает мои наихудшие опасения.

— Я выстрелила в них. То есть... не совсем в них. В их сторону. Сначала было примерно как у Пита. Я стреляла и стреляла, а им хоть бы хны... Ну я слетела с катушек да и выбила яблоко из пасти их дурацкого жареного поросенка! — с вызовом заявляю я.

— И что они сказали? — осторожно спрашивает Цинна.

— Ничего. Точнее, не знаю. Я сразу же ушла.

— Тебя не отпустили? — ахает Эффи.

— Я сама себя отпустила.

Тут я вспоминаю, как обещала Прим сделать все, чтобы победить, и на меня словно бы обрушивается тонна угля.

— Что ж, дело сделано, — констатирует Хеймитч, намазывая маслом булочку.

— Думаете, меня арестуют?

— Вряд ли. Трудновато будет найти тебе замену, — говорит он.

— А что с мамой и Прим? Их накажут?

— Не думаю. Какой прок? Если для острастки, чтобы другим неповадно было, то придется раскрыть все, что случилось. Едва ли они захотят. А иначе только морока. Скорее уж они устроят тебе ад на арене.

— Так ведь Игры для того и проводят, чтобы нам жизнь медом не казалась, — встревает Пит.

— Вот именно, — соглашается Хеймитч, и я понимаю, что, как это ни глупо звучит, им двоим удалось меня развеселить.

Хеймитч хватая пальцами свиную отбивную, заставляя Эффи нахмуриться, окунает ее в бокал с вином. Потом раздирает кусок руками и со смехом спрашивает:

— И как они выглядели?

Уголки моего рта невольно приподнимаются:

— Ошарашенными, испуганными. Некоторые смешными. — Перед глазами у меня возникает картина. — Один мужчина сел в чашу с пуншем.

Хеймитч громко гогочет, и мы все тоже смеемся, кроме Эффи, хотя и она, похоже, с трудом подавляет улыбку.

— Так им и надо. Смотреть на вас — их работа, и то, что вы из Дистрикта-12, еще не причина отлынивать от обязанностей. — Она озирается, будто сказала что-то из ряда вон выходящее. — Может, я слишком резка, но таково мое мнение, — добавляет она, не обращая ни к кому в отдельности.

— Теперь я получу самый низкий балл, — говорю я.

— Баллы играют роль, только когда они очень высокие. Плохие и посредственные никого не интересуют. Кто знает, может, ты нарочно

притворялась, чтобы получить оценку пониже? Бывает ведь такое, — возражает Порция.

— Надеюсь, мою четверку воспримут именно так, — говорит Пит. — Если я хоть столько получу. В самом деле, что может быть скучнее? Вышел парень, покидал железный шар на пару ярдов, раз чуть себе ногу не отшиб... Зрелище так себе.

Я улыбаюсь и чувствую, что умираю от голода. Отрезаю себе кусок свинины, захватываю им комок картофельного пюре и начинаю есть. Все в порядке, моя семья в безопасности. Остальное — ерунда.

После обеда идем в гостиную смотреть объявление результатов. Сначала показывают фотографию трибута, через пару секунд внизу экрана — его балл. Профи, как следовало ожидать, получают от восьми до десяти. Большинство других — около пяти. Маленькую Руту неожиданно оценивают на семерку. Интересно, чем ей так удалось поразить судей? Хотя при ее крохотных размерах что угодно покажется невероятным. Дистрикт-12, разумеется, последний. Питу достается восьмерка. Стало быть, кто-то на него все-таки смотрел. Мои ногти впиваются в ладони, пока я напряженно смотрю в телевизор, ожидая худшего. И тут на экране вспыхивает — одиннадцать! Одиннадцать!

Эффи Бряк испускает визг, все хлопают меня о спине и кричат поздравления. Я все еще не могу поверить.

— Тут какая-то ошибка. Как, как это возможно? — спрашиваю я Хеймитча.

— Видно, понравился твой характер. Им ведь нужно устроить зрелище, и горячие головы тут как раз пригодятся.

— Огненная Китнисс! — говорит Цинна, обнимая меня. — Подожди, вот увидишь свое платье для интервью!

— Опять пламя?

— В некотором роде, — лукаво отвечает он. Мы с Питом поздравляем друг друга — снова неловкость. У нас обоих хорошие результаты, только вот что это значит для другого? При первой возможности я убегаю в свой номер и с головой зарываюсь в подушки. Я выжата как лимон от сегодняшних волнений и слез. Медленно я погружаюсь в сон. Приговор отложен, есть передышка; под закрытыми веками все вспыхивает число «одиннадцать».

Проснувшись на рассвете, я еще некоторое время лежу в постели, глядя, как на ясном небе встает солнце. Сегодня воскресенье. Дома — выходной. Интересно, где сейчас Гейл? В лесу? Обычно по воскресеньям мы делаем запасы на неделю. Встаем рано, охотимся, собираем, потом

торгуем в Котле. Как там Гейл без меня? Каждый из нас умеет охотиться в одиночку, но вдвоем сподручнее, особенно когда на крупного зверя идешь. Да и вообще — с напарником и ноша легче, и веселее.

Целых полгода я лазала по лесам одна, пока не столкнулась с Гейлом. Было тоже воскресенье, октябрь, воздух прохладный и пряный от мертвых листьев. Все утро я соревновалась с белками, собирая орехи, а после обеда, когда потеплело, выкапывала на мелководье клубеньки стрелолиста. Из дичи удалось подстрелить только одну белку, она так увлеклась поиском желудей, что прямо в руки мне бежала. Но дичью можно будет заняться и потом, когда на землю ляжет снег, и под ним ничего не найдешь. Забравшись в тот день дальше обычного, я уже спешила домой, с трудом таща мешки, и тут наткнулась на мертвого зайца, подвешенного на тонкой проволоке в нескольких футах от земли. Ярдов через пятнадцать висел другой. Я узнала эти петли-ловушки, такие ставил мой отец. Когда в нее попадает зверь, петля затягивается и поднимает его вверх, чтобы другие животные не добрались. Все лето я безуспешно пыталась делать эти штуки, поэтому теперь остановилась, чтобы рассмотреть поближе. Я только взялась за проволоку чуть повыше кролика, как раздался чей-то голос: «Лучше не трогай!» Я отскочила на несколько шагов назад, и из-за дерева появился Гейл. Должно быть, он наблюдал за мной. Ему тогда было всего четырнадцать, но со своим ростом больше шести футов он казался мне совсем взрослым. Я и раньше встречала еще в Шлаке и в школе. И еще один раз... Он тоже потерял отца при том взрыве в шахте, и в январе, вместе со мной, получал медаль «За мужество» в Доме правосудия. Два его маленьких брата цеплялись за подол матери, по огромному животу которой было ясно: со дня на день семью ждет пополнение.

— Как тебя зовут? — спросил Гейл, подходя ближе и вытаскивая кролика из петли. На поясе у него уже висело три тушки.

— Китнисс, — ответила я едва слышно.

— Ты что, не знаешь, Кискисс, воровство у нас наказывается смертью?

— Китнисс, — поправила я громче. — Я не собиралась воровать. Просто хотела посмотреть, как устроена ловушка. В мои никогда ничего не попадает.

Он нахмурился и спросил с подозрением: — А белка у тебя откуда?

— Подстрелила.

Я сняла с плеча лук — маленький, детский, отец смастерил его специально для меня. К большому я еще только принаравливалась, когда было время, и надеялась весной добыть первую крупную дичь.

Гейл уставился на лук.

— Можно взглянуть?

— Бери, только помни: воровство карается смертью.

Тут я впервые увидела, как Гейл улыбается. Его лицо сразу преобразилось: из угрожающего оно стало приветливым. С ним даже захотелось подружиться. Тем не менее прошел не один месяц, прежде чем я улыбнулась ему в ответ.

Мы поговорили об охоте. Я сказала Гейлу, что, возможно, достану ему лук, если он даст мне кое-что взамен. Не еду. Я хотела знаний. Хотела научиться ставить такие ловушки, чтобы каждый день пояс был обвешан жирными кроликами. Гейл ответил, что звучит заманчиво, но нужно подумать. Со временем, сначала неохотно и с опаской, мы начали делиться друг с другом умениями, оружием, своими тайными местами; где росли дикие сливы или водились индейки. Гейл научил меня делать силки и ловить рыбу. Я показала ему съедобные растения и в конце концов отдала один из своих драгоценных луков. Пришел день, когда мы без лишних слов поняли, что стали командой. Делили трудности и делились добычей, чтобы ни его, ни моя семья не голодали.

С Гейлом я чувствовала себя в безопасности, чего мне так не хватало после смерти отца. Теперь я не была такой одинокой в многочасовых блужданиях по лесу. И охотиться стало легче. Не нужно постоянно оглядываться назад, когда кто-то прикрывает тебя с тыла. Гейл значил для меня намного больше, чем просто напарник на охоте.

Я ему доверяла как никому другому, могла высказать все те мысли, что тщательно скрывала внутри дистрикта. И он отвечал мне тем же. В лесу, рядом с Гейлом, я иногда бывала счастлива.

Я считаю его другом, но «друг» слишком слабо сказано для того, чтобы выразить, чем он стал мне в последний год. Мое сердце сжимается от тоски. Если бы он был здесь! Нет, конечно, я не хочу этого на самом деле. Не хочу, чтобы он оказался на арене и погиб. Просто... просто я очень скучаю. И мне жутко одиноко. Что чувствует он? Скучает ли? Наверно.

Я вспоминаю число «одиннадцать», вспыхнувшее под моим именем вчера вечером, и точно знаю, как бы это прокомментировал Гейл. «Тебе есть над чем поработать!» — сказал бы он с улыбкой, и теперь я бы без колебаний улыбнулась ему ответ.

Насколько мне легко с Гейлом, настолько трудно с Питом. Трудно даже притворяться друзьями. Я постоянно задаюсь вопросом, зачем он что-то сделал или сказал. Хотя как тут можно сравнивать? С Гейлом мы сошлись потому, что так было легче выжить нам обоим. С Питом все иначе: выживание одного значит смерть другого. И никуда этого не деться.

Эффи стучит в дверь напомнить, что меня снова ждет «важный-преважный день». Завтра у нас берут интервью для телевидения, так что сегодня у всей группы забот полон рот.

Встаю и принимаю душ, стараясь в этот раз быть повнимательнее с кнопками. Пит, Эффи и Хеймитч собрались за столом и о чем-то шушукаются. С чего бы это? Впрочем, голод сильнее любопытства, сперва я нагружаю блюдо завтраком, а потом уж присоединяюсь к остальным.

Из мясного сегодня баранина с черносливом, уложенная на гарнир из зизании, черного риса. Вкусно — пальчики оближешь. Только когда на тарелке остается меньше половины, замечаю, что все почему-то молчат. Я делаю глоток апельсинового сока и вытираю рот.

— В чем дело? Вы ведь должны натаскивать нас для интервью, верно?

— Верно, — соглашается Хеймитч.

— Ну так не стесняйтесь. Я вполне могу есть и слушать одновременно.

— Понимаешь, мы несколько изменили планы... В том, что касается нашего текущего подхода...

— Какого еще подхода? — удивляюсь я, не в силах вспомнить из данных нам за последнее время инструкций ничего, достойного такого наименования. Разве что не выпендриваться перед другими трибунами.

Хеймитч пожимает плечами:

— Пит попросил, чтобы его готовили отдельно.

Предатель! Это было первой мыслью, мелькнувшей у меня в голове после известия Хеймитча. Глупее не придумаешь. Нельзя назвать предателем того, кому ты и так никогда не доверял. Да и о каком доверии между трибутами может идти речь? И все же... он тот мальчик, который стерпел побои ради того, чтобы дать мне хлеб, тот, на кого я опиралась в колеснице, кто прикрыл меня в случае с рыжеволосой девушкой, безгласой, и кто так стремился, чтобы Хеймитч узнал о моем умении стрелять... Разве могла я после всего этого в самом деле совершенно не доверять ему? С другой стороны, я чувствую облегчение, наконец-то не нужно притворяться друзьями. Если между нами и успела возникнуть какая-то слабая, неуместная привязанность, то теперь с ней покончено. И самое время. Через два дня начинаются Игры, там сантименты ни к чему. Что бы ни повлияло на решение Пита (подозреваю, дело в моем превосходстве на тренировках), я должна быть ему благодарна. Видно, он в конце концов смирился с тем, что чем скорее мы станем вести себя как враги, тем лучше.

— Хорошо, — говорю я. — И какое у нас расписание?

— Эффи четыре часа учит одного из вас, как себя вести, а с другим я в это же время обсуждаю, что он должен говорить, — поясняет Хеймитч. — Ты, Китнисс, начнешь с Эффи.

Как ни трудно вообразить, чему я могу четыре часа учиться у Эффи, у меня нет ни одной свободной минуты. Мы идем в мою комнату, Эффи заставляет меня надеть длинное вечернее платье и туфли на высоком каблуке и учит в этом ходить. Больше всего трудностей из-за туфель. Я никогда не носила обувь на каблуках, и ступни у меня буквально вихляются из стороны в сторону — ощущение не из приятных. Но Эффи ведь ходит так каждый день, значит, смогу и я. С платьем другая проблема: оно путается вокруг ног, а как только я пытаюсь его подобрать, тут же коршуном налетает Эффи и с криком: «Не выше лодыжек!» бьет меня по рукам. Когда с ходьбой наконец покончено, оказывается, что и сидеть-то я толком не умею! То и дело норовлю склонить голову вниз и не смотреть собеседнику в глаза. А потом еще жесты, улыбки... Улыбаться нужно почти непрерывно. Эффи по сто раз велит мне повторять всякие банальные фразочки, не стирая с лица улыбки. Ко второму завтраку щеки у меня подергиваются от перенапряжения.

— Что ж, я сделала, что могла, — вздыхает Эффи. — Не забывай,

Китнисс: зрители должны тебя полюбить.

— Думаете, это возможно?

— Нет, если ты будешь испепелять их взглядом. Прибереги свой гнев для арены, представь, что ты среди друзей.

— Друзей! Да они ставки делают, сколько я проживу! — выпаливаю я.

— Значит — сделай вид! — прикрикивает Эффи, затем берет себя в руки и одаряет меня лучезарной улыбкой. — Вот так. Видишь, я улыбаюсь, несмотря на то, что ты невыносима.

— Очень убедительно, — говорю я. — Пойду есть.

Я сбрасываю туфли и, задрав платье до бедер, шлепаю босиком в столовую.

Пит и Хеймитч выглядят вполне довольными, и у меня появляется надежда, что вторая консультация выйдет удачнее, чем первая. Какая наивность! После ленча Хеймитч ведет меня в гостиную и, усадив на диван, хмурится.

— Что такое? — не выдерживаю я.

— Пытаюсь понять, что с тобой делать. Как мы тебя подадим. Очаровательной? Чопорной и холодной? Яростной? До сих пор ты была звездой: ради сестры добровольно пошла на Игры, потом твой дебют — незабываемый, благодаря Цинне, — самый высокий балл на тренировках. Публика заинтригована, но никто не знает, какая ты есть на самом деле. И от впечатления, которое ты произведешь завтра, напрямую зависит, сколько спонсоров я смогу для тебя заполучить.

Я с детства смотрела интервью с трибунами и понимаю, что Хеймитч прав. Если ты понравился публике — юмором ли, грубой силой или эксцентричностью, — это большой плюс.

— Как будет вести себя Пит? Или это секрет?

— Как приятный, обходительный молодой человек. Он очень мило и естественно умеет посмеяться над самим собой, — говорит Хеймитч. — А ты такая мрачная и озлобленная, что только заговоришь, будто холодом веет.

— Неправда! — возражаю я.

— Да перестань. Не знаю, откуда взялась та жизнерадостная, приветливо машущая ручкой девушка с колесницы, только ни прежде, ни потом я ее не видел.

— А вы мне много дали поводов для радости? — возмущаюсь я.

— Тебе не надо нравиться мне, я не спонсор. Итак, представь, что я публика. Восхити меня.

— Хорошо! — рычу я.

Хеймитч выполняет роль ведущего, а я пытаюсь отвечать ему со всей любезностью, на какую способна. Точнее, не способна. Я слишком злюсь на Хеймитча — тоже мне, холодом веет — и вообще из-за этого дурацкого интервью и проклятых Игр. Как это все несправедливо! Почему я должна выплясывать как дрессированная собачонка на потеху тем, кого ненавижу? С каждой минутой моя злость все сильнее прорывается наружу, и под конец я уже не говорю, а рывкаю.

— Ладно, хватит, — сдается Хеймитч. — Будем искать другой вариант. Ты только выплеснула всю свою враждебность, однако так ничего толком и не сказала. Я задал тебе полсотни вопросов, и все еще не имею ни малейшего представления ни о твоей жизни, ни о твоей семье, ни о том, что ты любишь. О тебе хотят знать, Китнисс!

— Я не хочу, чтобы они знали. У меня уже отобрали будущее! Я не отдам им своего прошлого!

— Тогда ври! Сочини что-нибудь!

— Я не умею красиво врать.

— Придется научиться. И поскорее. Обаяния в тебе не больше, чем в дохлой рыбе.

Как он обо мне! Обидно. Видно, даже Хеймитч понял, что сказал грубость, и уже мягче он добавляет:

— Есть идея! Попробуй сыграть забитую провинциальную девчонку.

— Забитую? — повторяю я.

— Ну да, изобрази, будто не можешь поверить, что тебе, простой девчужке из Дистрикта-12, так повезло. Ты о таком и не мечтала. Повосторгайся костюмом, который сделал Цинна. Скажи, какие тут все милые, как тебя поразил город. В общем, если не хочешь говорить о себе, то, по крайней мере, сыпь комплиментами. Все время уводи разговор от себя. И захлебывайся от восхищения.

Следующие часы проходят в сплошных мучениях. Сразу стало ясно, что бурные восторги у меня не идут. Пробуем выставить меня дерзкой, но с гонором тоже напряженка. Для свирепой я слишком «субтильная». Я не остроумная. Не забавная. Не сексапильная. Не загадочная.

К концу консультации я вообще никакая. Примерно в то время, когда я упражнялась в остроумии, Хеймитч не выдержал и начал пить, а его замечания стали еще более едкими.

— Я сдаюсь, солнышко. Просто отвечай на вопросы и старайся не отравить зрителей своим ядом.

Вечером я обедаю одна в своей комнате. Заказываю гору всяких деликатесов, наедаюсь до тошноты и расшвыриваю тарелки по комнате,

вымещая на них злость к Хеймитчу, к Голодным играм, ко всему живому в Капитолии. Когда девушка с рыжими волосами приходит расстелить мне постель, ее глаза расширяются при виде такого погрома.

— Оставь! — ору я на нее. — Оставь все как есть!

Ее я тоже ненавижу за этот понимающий и укоряющий взгляд, который говорит, что я трусиха, чудовище, марионетка в руках Капитолия, тогда и сейчас. Для девушки наконец свершится хоть какая-то справедливость: за смерть парня в лесу я заплачу своей жизнью.

Вместо того чтобы уйти, девушка закрывает дверь и направляется в ванную. Приносит мокрое полотенце, заботливо вытирает мне лицо, стирает кровь с моих рук, порезанных осколками. Почему она это делает? Почему я ей позволяю?

— Я должна была спасти тебя, — говорю я тихо.

Она качает головой. Что она имеет в виду? Что мы были правы, когда просто стояли и смотрели? Или она простила меня?

— Нет, должна.

Она касается пальцами губ и показывает на меня. Наверное, хочет сказать, что я тоже стала бы безгласой. Вполне возможно. Безгласой или мертвой.

Целый час мы убираемся в комнате. Когда весь мусор собран и сброшен в утилизатор, я забираюсь в кровать, а девушка подтыкает мне одеяло, как пятилетней. Потом уходит. Мне хочется, чтобы она осталась, пока я не усну. Чтобы была рядом, когда проснусь. Я хочу ее защиты, того, что сама не сумела ей дать.

Утром вокруг меня кружит группа подготовки. Уроки Эффи и Хеймитча позади. Этот день принадлежит Цинне. Он моя последняя надежда. Возможно, ему удастся сделать меня настолько неотразимой, что никому дела не будет до моих слов.

Группа работает со мной до самого вечера: мою кожу превращают в блестящий атлас, разрисовывают руки, а на все двадцать идеально подготовленных ноготочков наносят узоры в виде языков пламени. Вения делает прическу: заплетает огненно-красные пряди в косу, начиная от левого виска, затем поверх головы и вниз к правому плечу. На лицо наносят слой светлого крема, стирая все мои черты, и рисуют их заново. Огромные темные глаза, яркие полные губы, ресницы, от взмаха которых разлетаются искры света. Наконец, покрывают все тело порошком, и я сияю словно окутанная золотой пылью.

Потом входит Цинна, что-то неся в руках — вероятно, мое платье, из-за чехла нельзя разглядеть.

— Закрой глаза, — приказывает он.

Я ощущаю шелковистую ткань, скользящую по обнаженной коже, и тяжесть, опустившуюся на плечи. Платье весит, наверное, не меньше сорока фунтов! Я хватаюсь за руку Октавии и вслепую сую ноги в туфли, с радостью обнаруживая, что каблуки у них дюйма на два ниже, чем у тех, в которых меня заставляла ходить Эффи. Пару минут на мне еще что-то одергивают и поправляют. Потом тишина.

— Можно открыть глаза? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Цинна. Существо, которое я вижу перед собой в большом зеркале, явилось из другого мира — оттуда, где кожа блестит, глаза вспыхивают огнями, а одежда из драгоценных камней. Платье — это что-то невероятное! — целиком покрыто сверкающими самоцветами: красными, белыми, желтыми и кое-где, на самых краешках огненных узоров, голубыми. При малейшем движении меня словно охватывают языки пламени.

Нет, я не красивая, я не великолепная, я — ослепительная как солнце.

Какое-то время мы просто стоим и любимся.

— О, Цинна, спасибо, — шепчу я.

— Покружись, — говорит он.

Я вытягиваю руки в стороны и вращаюсь. Все восхищенно ахают.

Цинна отпускает группу и просит меня походить в платье и туфлях. К ним и привыкать не надо, они гораздо удобнее, чем те, что приносила Эффи. Платье несколько не мешает при ходьбе, и его не приходится подбирать — одной заботой меньше.

— Ну, значит, к интервью ты готова? — спрашивает Цинна.

По выражению его лица я догадываюсь, что он разговаривал с Хеймитчем. И знает, какая я никудышная.

— Хуже некуда. Хеймитч назвал меня дохлой рыбой. Как мы ни пробовали, ничего путного не выходит. Мне не годился ни один образ из тех, что он предлагал.

Цинна на минуту задумывается.

— Почему бы тебе не быть просто самой собой?

— Собой? Тоже не подходит. Хеймитч говорит, я мрачная и враждебная.

— Пожалуй, да... если Хеймитч рядом, — отвечает Цинна с улыбкой. — Я тебя такой не считаю. Группа тебя обожает, ты даже распорядителей Игр покорила. Что до обычных капиталистов, то они только о тебе и говорят. Все восхищаются твоей силой духа.

Силой духа? Вот уж не ожидала. Не знаю, что именно он

подразумевает, наверное, что я борец, что я храбрая, а не озлобленная и недоверчивая. Да, я не улыбаюсь каждому встречному, но есть люди, которые мне дороги и которых я люблю.

Цинна берет мои ледяные руки в свои теплые ладони.

— Когда будешь отвечать на вопросы, представь, что говоришь с другом у себя дома. А? У тебя ведь есть лучший друг? Как его зовут?

— Гейл, — отвечаю я, не задумываясь. — Только это глупо, Цинна. Я никогда не стала бы рассказывать Гейлу ничего подобного. Он и так все обо мне знает.

— А как насчет меня? Ты не могла бы представить меня своим другом? — спрашивает Цинна.

Цинна, безусловно, нравится мне больше всех, кого я встретила после отъезда из родного дистрикта. Он сразу внушил к себе симпатию и до сих пор меня не разочаровал. — Да, наверное, но... — Я буду сидеть в первом ряду вместе с другими стилистами. Ты сможешь меня видеть. Когда тебе зададут вопрос, смотри мне в глаза и говори, что думаешь. — Даже если то, что я думаю, ужасно? — спрашиваю я, зная, что так и будет.

— В этом случае особенно. Ну как, договорились?

Я киваю. Это уже что-то. Хотя бы соломинка, за которую можно ухватиться.

Нам пора выходить. Как скоро! Интервью проводят на сцене перед Тренировочным центром. Сейчас выйду из комнаты и всего через несколько минут окажусь перед толпой и перед камерами, перед всем Панемом.

Цинна поворачивает дверную ручку, удерживаю.

— Цинна... — От страха я вся трясусь.

— Помни, они уже тебя любят, — мягко говорит он. — Просто будь собой.

У лифта мы встречаемся со всей группой Дистрикта-12. Порция и ее команда славно поработали: Пит в черном, расшитом языками пламени костюме выглядит потрясающе. Хотя в этот раз одежда у нас, к счастью, не одинаковая, мы хорошо смотримся рядом. Хеймитч и Эффи разделились в пух и прах. Хеймитча я избегаю, но вежливо принимаю комплименты от Эффи. Какой бы надоедливой и бесцеремонной дна ни была, все-таки от нее меньше вреда, чем от Хеймитча.

Когда лифт спускается вниз, другие трибуны уже всходят друг за другом на сцену и рассаживаются полукругом. Мое интервью будет последним, точнее, предпоследним, потому что девушки идут первыми. Как бы я хотела быть первой и поскорее отмучиться! Нет, мне сначала

предстоит увидеть, как остроумны, забавны, скромны, яростны и очаровательны все остальные. К тому же, пока до меня дойдет очередь, зрители устанут, как распорядители в прошлый раз. А у меня даже стрелы нет, чтобы привлечь их внимание.

У самой сцены к нам сзади подходит Хеймитч и рычит: «Не забывайте, вы все еще пара друзей; ведите себя соответственно».

Вот как! А я-то думала, мы с этим покончили с тех пор, как Пит попросил готовить его отдельно. Видно, подготовка — одно, а игра на публику — совсем другое. Да и вести-то себя никак особенно не нужно: просто иди друг за дружкой и садись на свое место.

Едва я ступаю на сцену, дыхание у меня учащается и кровь начинает стучать в висках. Я рада опуститься на стул: у меня так дрожат ноги, что я боюсь грохнуться со своих каблучков. Несмотря на вечер, на Круглой площади светлее, чем летним днем. Для особо важных персон амфитеатром установлены кресла; весь первый ряд занимают стилисты. Камеры будут обращаться к ним всякий раз, когда толпа станет восторженно принимать результаты их труда. Большой балкон на здании справа занимают распорядители Игр. Почти все остальные балконы оккупировали телевизионщики. Площадь и примыкающие улицы битком забиты народом. В каждом доме и каждом общественном здании по стране работают телевизоры. Не забыт ни один житель Панема, и отключений электричества сегодня не будет.

На сцену выскакивает Цезарь Фликермен, ведущий. Он берет интервью у трибутов уже больше сорока лет, а выглядит таким молодым, что даже жутко. Всегда одинаковое лицо, покрытое белым гримом. Одинаковая прическа, только волосы каждый раз нового цвета. Тот же костюм — темно-синий, усеянный тысячью крохотных лампочек, мерцающих будто звезды в полуночном небе.

В Капитолии хирурги умеют делать людей моложе и стройнее. У нас, в Дистрикте-12, старость в почете, потому что многие умирают молодыми. Увидев пожилого человека, хочется поздравить его с долголетием и узнать секрет выживания. Толстякам даже завидуют — они не живут впроголодь, как большинство из нас. Здесь все по-другому. Морщины стараются скрыть. Круглый живот не признак успеха.

В этом году волосы Цезаря зеленовато-голубые, веки и губы тоже. Зрелище кошмарное, но не настолько, как в прошлый раз, когда он избрал своим цветом темно-красный и, казалось, истекал кровью. Пустив пару шуточек, чтобы разогреть аудиторию, Цезарь приступает к делу.

На середину сцены к нему выходит девушка-трибут из Дистрикта-1; в

прозрачном золотистом наряде она выглядит вызывающе. Очевидно, у ментора не было заботе определением подходящего для нее образа: роскошные светлые волосы, изумрудные глаза, высокий рост, изящная фигура делают ее совершенно неотразимой.

Каждое интервью длится всего три минуты. По их истечении звенит звонок, и следующий трибут поднимается с места. Надо отдать должное умению Цезаря показать любого трибута в лучшем свете. Он одобрительно кивает, подбадривает робких, смеется над неуклюжими шутками и своей реакцией привлекает внимание даже к слабым ответам.

Я сижу в грациозной позе, как учила Эффи, пока дистрикты сменяются один за другим. Второй, третий, четвертый. Все трибуты, похоже, строго придерживаются избранных образов. Здоровенный парень из Дистрикта-2 — безжалостная машина для убийства. Девушка с лисьим личиком из Дистрикта-5 — хитрая и изворотливая. Я волнуюсь все больше, и даже присутствие Цинны, которого я заметила сразу, как он занял свое место, меня не успокаивает. Восьмой, девятый, десятый. Он очень тихий, этот мальчик-калека из Десятого дистрикта. Мои ладони мокрые от пота, и я не могу их вытереть, платье из драгоценных камней не впитывает влагу. Одиннадцатый.

Рута, в легком газовом платье с крылышками, порхает к Цезарю. Толпа затихает при виде этого эфемерного создания. Цезарь очень ласков с ней, — поздравляет ее с семеркой, полученной за тренировки, — великолепным результатом для такой крохи. Когда он спрашивает, в чем ее сильная сторона, Рута не задумывается.

— Меня очень трудно поймать, — говорит она робко. — А если меня не смогут поймать, то не смогут и убить. Так что не списывайте меня со счетов раньше времени.

— Я — никогда в жизни! — ободряюще говорит Цезарь.

Цеп, парень из Дистрикта-11, такой же смуглый, как и Рута, однако на этом сходство заканчивается. Он один из здоровяков, около шести с половиной футов ростом, и мускулистый, как бык. Но к компании профи не присоединился, хотя те звали, я видела. Он вообще был всегда один, ни с кем не общался и к тренировкам оставался равнодушен. При этом получил от распорядителей десятку, и думаю, ему нетрудно было произвести на них впечатление. Он никак не реагирует на попытки Цезаря его расшевелить и отвечает только «да» или «нет», а то и вовсе молчит. С таким сложением, как у него, мне бы слова никто не сказал, будь я хоть трижды угрюмой и озлобленной! Уверена, половина спонсоров уже всерьез подумывают им заняться. Я бы сама на него поставила, если бы было что.

Теперь вызывают Китнисс Эвердин, и я, будто во сне, встаю, бреду в центр сцены и пожимаю руку, приветственно протянутую мне Цезарем. У него хватает такта не вытереть ее тут же о свой костюм.

— Итак, Китнисс, Капитолий, должно быть, немало отличается от Дистрикта-12. Что тебя больше всего здесь поразило? — спрашивает Цезарь.

Что... что он говорит? Слова звучат в ушах, но не имеют для меня никакого смысла. Я отчаянно ищу глазами Цинну, наши взгляды смыкаются, и я представляю себе, что вопрос произносят его губы: «Что тебя больше всего здесь поразило?»

Поразило, поразило... надо назвать что-нибудь приятное. Что? «Будь честной, — приказываю я себе. — Говори правду».

— Тушеное филе барашка, — выдавливаю я. Цезарь смеется, и я смутно слышу, что кое-кто в толпе тоже.

— С черносливом? — уточняет Цезарь. Я киваю. — О, я сам уплетаю его за обе щеки. — Он вворачивается боком к зрителям, прикладывает руку к животу и с тревогой спрашивает: — Не заметно? — В ответ раздаются ободряющие возгласы и аплодисменты. В этом весь Цезарь: всегда найдет способ тебя поддержать.

— Да, Китнисс, — говорит он доверительным тоном, — когда я увидел тебя на церемонии открытия, у меня буквально остановилось сердце. А что ты подумала, увидев свой костюм?

Цинна поднимает бровь: честно!

— Вы имеете в виду, после того как я перестала бояться, что сгорю заживо?

Взрыв хохота, неподдельного, со стороны зрителей.

— Да, именно, — подтверждает Цезарь. Кому-кому, а Цинне стоило об этом сказать.

— Подумала, что Цинна замечательный, и это — самый потрясающий костюм из всех, какие я видела. Я просто поверить не могла, что он на мне. И не могу поверить, что сейчас на мне это платье. — Я расправляю юбку. — Вы только посмотрите!

Пока зрители ахают и стонут, Цинна едва заметно показывает пальцем: покружись! Я делаю один оборот, вызывая еще более бурную реакцию публики.

— О, сделай так еще! — восклицает Цезарь. Я поднимаю руки вверх и быстро вращаюсь, снова и снова, чтобы юбка развевалась, и меня охватывали языки пламени. Народ безумствует. Остановившись, я хватаюсь за руку Цезаря.

— Не прекращай! — просит он.

— Придется. У меня все плывет перед глазами! — хихикаю я; наверное, первый раз в жизни я веду себя так легкомысленно, опьянев от страха и кружения.

Цезарь обнимает меня рукой:

— Не бойся, я тебя держу. Не позволю тебе последовать по стопам твоего ментора.

Толпа дружно гикает и улюлюкает, когда камеры выхватывают Хеймитча, прославившегося своим нырком головой вниз со сцены во время Жатвы. Хеймитч добродушно отмахивается от операторов и показывает на меня.

— Все в полном порядке. Со мной она в безопасности, — уверяет Цезарь зрителей. — А что насчет твоего балла за тренировки? Одиннадцать! Не намекнешь, как тебе удалось получить столько? Чем ты отличилась?

Я бросаю взгляд на балкон с распорядителями Игр и прикусываю губу.

— А-а... все, что я могу сказать... думаю, такое случилось впервые.

Все камеры наставлены на распорядителей, которые, давась от смеха, кивают в знак согласия.

— Ты нас мучаешь! — говорит Цезарь так, будто ему и впрямь больно. — Подробности! Подробности!

Я поворачиваюсь к балкону.

— Мне ведь лучше не рассказывать об этом? Мужчина, упавший в чашу с пуншем, кричит: «Нет!»

— Спасибо, — говорю я. — Мне жаль, но ничего не поделаешь. Мой рот на замке.

— В таком случае давай вернемся к Жатве, к тому моменту, когда назвали имя твоей сестры, — предлагает Цезарь; его голос стал тише и серьезнее, — и ты объявила себя добровольцем. Ты не могла бы рассказать нам о ней?

Нет. Ни за что. Только не вам. Но... может быть, Цинне. Мне кажется, я даже вижу сострадание на его лице.

— Ее зовут Прим, ей всего двенадцать. И я люблю ее больше всех на свете.

Над Круглой площадью повисла тишина.

— Что она сказала тебе после Жатвы? — спрашивает Цезарь.

Правду. Правду. Я проглатываю комок в горле.

— Она просила меня очень-очень постараться и победить.

Зрители, замерев, ловят каждое мое слово.

— И что ты ответила ей? — мягко направляет меня Цезарь.

Вместо нежности мною овладевает ледяная твердость. Мускулы напряжены, словно готовятся к схватке. Когда я открываю рот, мой голос звучит на октаву ниже:

— Я поклялась, что постараюсь.

— Не сомневаюсь, — говорит Цезарь, сжимая мне плечи. Звенит звонок. — Жаль, но наше время закончилось. Удачи тебе, Китнисс Эвердин, трибут из Дистрикта-12.

После того как я занимаю свое место, аплодисменты еще долго не смолкают. Я снова смотрю на Цинну, ожидая его одобрения. Он потихоньку показывает мне два больших пальца.

Первая половина интервью с Питом пролетает для меня как в тумане, ясно только, что Питу с ходу удалось завоевать зрительские симпатии: из толпы то и дело раздаются крики и смех. На правах сына пекаря он сравнивает трибутов с хлебом из их дистриктов, затем рассказывает забавную историю об опасностях, какие таят в себе капитолийские ванны. «Скажите, я все еще пахну розами?» — спрашивает он Цезаря, и они начинают на пару дурачиться и обнюхивать друг друга, заставляя зрителей покатываться со смеху. Я вполне прихожу в себя, только когда Цезарь задает Питу вопрос, есть ли у него девушка.

Пит колеблется, потом неубедительно качает головой.

— Не может быть, чтобы у такого красивого парня не было возлюбленной! Давай же, скажи, как ее зовут! — не отстает Цезарь.

Пит вздыхает.

— Ну, вообще-то, есть одна девушка... Я люблю ее, сколько себя помню. Только... я уверен, до Жатвы она даже не знала о моем существовании.

Из толпы доносятся возгласы понимания и сочувствия. Безответная любовь — ах, как трогательно!

— У нее есть другой парень? — спрашивает Цезарь.

— Не знаю, но многие парни в нее влюблены.

— Значит, все, что тебе нужно, — это победа: победи в Играх и возвращайся домой. Тогда она уж точно тебя не отвергнет, — ободряет Цезарь.

— К сожалению, не получится. Победа... в моем случае не выход.

— Почему нет? — озадаченно спрашивает ведущий.

Пит краснеет как рак и, запинаясь, произносит:

— Потому что... потому что... мы приехали сюда вместе.

Часть II

ИГРЫ

Какое-то время камеры еще направлены на опущенные глаза Пита, пока его слова доходят до телевизионщиков. Затем я вижу на экране свое лицо, увеличенное в несколько раз, с приоткрытым от неожиданности и возмущения ртом. Это я! Он говорит обо мне! Я сжимаю губы и смотрю в пол, надеясь таким образом скрыть бурлящие во мне чувства.

— Да-а, вот уж не везет так не везет, — говорит Цезарь, и в его голосе звучит искреннее сострадание.

Толпа согласно шумит, несколько человек даже вскрикнули, точно от боли.

— Не везет, — соглашается Пит.

— О, мы все тебя прекрасно понимаем: трудно не потерять голову от такой прекрасной юной леди. Кстати, она знала о твоих чувствах?

Пит качает головой:

— До этого момента нет.

Я на мгновение поднимаю взгляд на экран — мои щеки так пылают, что никто и не подумает усомниться.

— А неплохо бы вытащить ее снова на середину и послушать, что она на это скажет, как думаете? — обращается Цезарь к публике и получает в ответ одобрительный рокот тысяч голосов. — Сожалею, но правила есть правила, наше с Китнисс время уже потрачено. Что ж, удачи тебе, Пит Мелларк, и, мне кажется, я не ошибусь, если скажу за весь Панем: наши сердца бьются в унисон с твоим.

Рев толпы оглушает. Пит своим признанием в любви ко мне совершенно затмил всех нас, остальных трибутов. Когда крики наконец смолкают, Пит произносит сдавленным голосом: «Спасибо», — и возвращается на свое место. Игрет гимн, мы встаем. Голову приходится поднять, чтобы не проявлять непочтительность, и — на каждом экране, куда ни глянь, мы с Питом, отделенные друг от друга парой футов, непреодолимой пропастью в глазах сердобольных зрителей. Бедные-несчастные мы! Знали бы они правду!

После гимна трибуты выстраиваются перед вестибюлем Тренировочного центра и проходят к лифтам; я стараюсь не попасть в одну кабину с Питом. Из-за множества народа нашей свите — стилистам, менторам, сопровождаителям — трудно поспеть следом, так что на время мы предоставлены самим себе. Все молчат. Лифт, в котором еду я,

останавливается четыре раза, чтобы высадить трибутов, потом я остаюсь одна, пока через пару мгновений двери не открываются на двенадцатом этаже. Едва Пит успевает выйти из своей кабины, как я с силой толкаю его руками в грудь, и он, потеряв равновесие, падает на уродливый вазон с искусственными цветами. Вазон опрокидывается, разлетаясь на сотни крохотных осколков; сверху приземляется Пит. Из его ладоней течет кровь.

— За что? — ошарашенно спрашивает он.

— Ты не имел права! Не имел права говорить обо мне такое! — кричу я.

Тут подъезжают лифты, и теперь вся компания в сборе — Эффи, Хеймитч, Цинна и Порция.

— Что происходит? — осведомляется Эффи с истерическими нотками в голосе. — Ты упал?

— Да. После того, как она меня толкнула, — отвечает Пит, и Эффи с Цинной помогают ему встать.

— Ты его толкнула? — зло спрашивает Хеймитч.

— Это ведь ты придумал, да? — набрасываюсь я на него. — Выставить меня душой перед всей страной?

— Это моя идея, — говорит Пит, вытаскивая из ладоней впившиеся осколки и кривясь от боли. — Хеймитч мне только помог.

— Да, Хеймитч хороший помощник. Для тебя!

— Дура! — презрительно бросает Хеймитч. — Думаешь, он тебе навредил? Да этот парень подарил тебе то, чего ты сама в жизни бы не добилась!

— Из-за него все будут считать меня разнеженной девицей!

— Из-за него тебя будут считать обольстительной! И, скажем прямо, на твоём месте я бы тут никакой помощью не брезговал. Ты была привлекательна, как пугало, пока Пит не признался, что «грезит» о тебе. Теперь ты всеобщая любимица. Все только и твердят о несчастных влюбленных из Дистрикта-12.

— Мы не несчастные влюбленные! Хеймитч хватается за плечи и прижимает к стене:

— Да какая разница? Это все показуха. Главное — не кто ты есть, а кем тебя видят. Ну что можно было сказать после интервью с тобой? В лучшем случае, что ты довольно милая девочка. Хотя по мне и это уже чудо. Теперь ты покорительница сердец. Ай-ай-ай, мальчишки дома штабелями падают к твоим ногам! Как думаешь, какой образ завоюет тебе больше спонсоров?

Из рта Хеймитча так несет вином, что дурно становится. Я

сбрасываю с плеч его руки и отступаю в сторону, стараясь привести мысли в порядок.

Приближается Цинна и кладет руку мне на спину:

— Он прав, Китнисс.

Я уже не знаю, что и думать.

— Надо было хотя бы предупредить меня, чтобы я не выглядела такой идиоткой.

— Ты отреагировала замечательно, — возражает Порция. — Знай ты обо всем заранее, вышло бы и вполтину не так убедительно.

— Она просто переживает из-за своего парня, — ворчит Пит, пиная окровавленный черепок.

При мысли о Гейле мои щеки снова начинают гореть.

— У меня нет парня!

— Да мне без разницы, — отвечает Пит. — Но я уверен, у него хватит ума распознать притворство. К тому же ты ведь не говорила, что любишь меня. Так что можешь не волноваться.

Постепенно все становится на свои места. Злость утихает, хотя я все еще не могу решить, использовали меня или в самом деле подарили преимущество. Хеймитч прав: я выдержала интервью, но кем я, в сущности, была? Глупой девчонкой в красивом платье. Кружащейся, хихикающей. Только когда речь зашла о Прим, я сумела сказать что-то значимое. То ли дело Цеп, его тихая, убийственная мощь. Рядом с ним я пустышка. Глупая, сверкающая и никчемная. Ну, не совсем никчемная: все-таки Одиннадцать баллов за тренировки дают не каждому.

Пит же превратил меня в предмет обожания. И не только своего. Послушать Пита, у меня отбоя нет от поклонников. А если народ поверит, что мы вправду любим друг друга... Как они клюнули на Питово признание! Несчастные влюбленные! Хеймитч правду сказал: слопали и не подавились. Вдруг меня берут сомнения: правильно ли я себя вела?

— Когда он сказал, что влюблен в меня, все, наверное, подумали, что я тоже его люблю? — спрашиваю я.

— Я подумала, — говорит Порция. — Ты так отворачивалась от камер, краснела...

Остальные дружно поддакивают.

— Ты прелесть, солнышко. Спонсоры будут занимать очередь в другом конце квартала, — говорит Хеймитч.

Борясь со стыдом, я заставляю себя заговорить с Питом:

— Прости, что я тебя толкнула.

— Пустяки, — отмахивается он. — Хотя, строго говоря, это против

правил.

— Как твои руки?

— Ничего, зажижут.

В наступившей тишине мы наконец обращаем внимание на соблазнительные запахи, доносящиеся из столовой.

— Пойдемте обедать, — предлагает Хеймитч. Мы все идем за ним следом и усаживаемся за стол. Тут оказывается, что у Пита еще идет кровь, и Порция уводит его, чтобы перевязать. Они возвращаются, когда мы заканчиваем суп из розовых лепестков со сливками. Руки Пита обмотаны бинтами, и виновата в этом я. А завтра арена. Пит сделал для меня доброе дело, а я его за это покалечила. Неужели я вечно буду перед ним в долгу?

После обеда мы смотрим в гостиной повтор интервью. Я кажусь себе ветреной и пустой со всем этим верчением и хихиканьем, хотя остальные уверяют, что я обаятельна. Вот Пит действительно обаятелен. А уж своей влюбленностью так и вовсе сразил всех наповал. Снова показывают меня: пунцовую от смущения, прекрасную, благодаря мастерству Цинны, обольстительную стараниями Пита, несчастную из-за козней судьбы и, по общему мнению, совершенно незабываемую.

Когда отыграл гимн и экран погас, в комнате зависает молчание. Завтра на рассвете нас разбудят и станут готовить к арене. По-настоящему Игры начнутся только в десять: в Капитолии встают поздно. Нам с Питом залеживаться нельзя: никто не знает, где в этом году будет находиться арена.

Хеймитч и Эффи с нами не поедут. Отсюда они направятся в Штаб Игр, где будут, надеюсь, не покладая рук трудиться, подписывая контракты со спонсорами и разрабатывая планы доставки нам того, что те жертвуют. Цинна и Порция поедут с нами до самой арены, но слова прощания мы скажем все же здесь.

Эффи берет нас за руки и — со слезами на глазах! — желает нам удачи и благодарит за то, что мы были такими славными трибутами — лучшими из всех, с какими ей доводилось иметь дело. Эффи будет не Эффи, если не скажет какую-нибудь гадость, потому что дальше она заявляет: «Я даже не удивлюсь, если в следующем году меня переведут в приличный дистрикт!»

Потом она целует нас по очереди в щеку и торопливо убегает, то ли растроганная прощанием, то ли окрыленная открывающимися перед ней перспективами.

Хеймитч деловито нас оглядывает.

— Будут какие-нибудь советы? — интересуется Пит.

— Как только ударят в гонг, скорее уносите ноги. Мясорубка перед

Рогом изобилия вам не по зубам. Улепетывайте что есть духу, чем дальше от других, тем лучше, и ищите источник воды. Ясно?

— А потом? — спрашиваю я.

— А потом постарайтесь выжить, — отвечает Хеймитч.

Тот же совет он дал нам в поезде, но теперь он трезвый и не смеется. Мы только киваем в ответ.

Когда я ухожу в свою комнату, Пит еще задерживается, чтобы что-то обсудить с Порцией. Я рада. Прощание с Питом откладывается. Не знаю, какие глупости мы скажем друг другу, но это произойдет завтра. Постель уже разобрана; рыжеволосой девушки нет. Жаль, что я даже не знаю, как ее зовут. Если бы я спросила, она могла бы написать свое имя. Или показать знаками. Хотя, возможно, ее бы за это наказали.

Я принимаю душ, оттираю золотистую краску, смываю косметику и ароматы. От всех изысков остаются только огненные узоры на ногтях. Я решила сохранить их как напоминание зрителям о том, кто я есть. Огненная Китнисс. Возможно, и мне будет легче пережить следующие дни, если я буду об этом помнить.

Надев теплую пушистую ночную рубашку, я забираюсь в кровать и пять секунд спустя понимаю, что заснуть мне не удастся. А заснуть необходимо: усталость на арене — верный путь к гибели.

Без толку. Проходит один час, второй, третий, а сна ни в одном глазу. Я пытаюсь представить себе место, куда нас забросят. Что это будет? Пустыня? Болото? Мерзлая степь? Хотя бы был какой-нибудь лесок, где можно спрятаться, найти еду и укрыться от непогоды. Деревья бывают часто: зрителям скучно, когда взгляду не за что зацепиться; к тому же на открытом пространстве Игры заканчиваются быстрее. Какой будет климат? Какие ловушки приготовили распорядители, чтобы сделать зрелище более занимательным? А мои соперники...

Чем сильнее я стараюсь уснуть, тем дальше от меня бежит сон. В конце концов я настолько взбудоражена, что не могу оставаться в постели. Я хожу туда-сюда по комнате, в висках стучит, дыхание прерывистое. Комната — как тюремная камера. Если я сейчас же не выйду на воздух, то снова начну швырять вещи. Бегу по коридору к лестнице. Дверь не только не заперта, но даже приоткрыта. Хотя какое это имеет значение? Силовое поле, окружающее крышу, не даст ни убежать, ни умереть. Я хочу не бежать, а только вздохнуть полной грудью. Увидеть небо и луну в последнюю ночь, когда на меня никто не охотится.

Крыша не освещена, но, едва ступив босыми ногами на плитки, я вижу его силуэт, черный на фоне огней, ночи напролет освещающих Капитолий.

Внизу, на улицах, празднуют: раздаются музыка и пение, автомобильные гудки — ничего этого я не слышала за толстыми оконными стеклами у себя в комнате. Я могла бы улизнуть незамеченной: за таким шумом он бы ничего не услышал. Ночной воздух так сладок, что я даже думать не хочу о том, чтобы возвратиться в душную клетку комнаты. Да и какая разница, поговорим мы или нет?

Я неслышно переступаю ногами по плиткам, останавливаюсь в двух шагах позади Пита и говорю:

— Тебе следовало бы поспать.

Пит вздрагивает, но не оборачивается. Я вижу, как он слегка качает головой:

— Не хочу пропустить праздник. В конце концов, он в нашу честь.

Я встаю рядом с ним и опираюсь на ограждение. Широкие улицы забиты танцующими людьми. Сощурившись, я пытаюсь разглядеть их получше.

— У них маскарад?

— Кто их знает? Они так одеваются, будто всегда маскарад, — отвечает Пит. — Что, тоже не спится?

— Да, лезут разные мысли в голову.

— О семье.

— Нет, — признаюсь я немного виновато. — Не могу думать ни о чем, кроме завтрашнего дня. Глупо, конечно.

В уличном свете я вижу его лицо, и как неловко он держит перебинтованные руки.

— Мне жаль, что так вышло. С руками.

— Не важно, Китнисс, — отвечает он. — Так или иначе, долго я не продержусь.

— Нельзя так себя настраивать.

— Почему? Это правда. Все, на что я надеюсь, это не опозориться и... — Он колеблется.

— И что?

— Не могу точно выразить. Я... хочу умереть самим собой. Понятно?

Я качаю головой. Кем еще он может умереть?

— Я не хочу, чтобы меня сломали. Превратили в чудовище, которым я никогда не был.

Я закусываю губы, чувствуя себя приниженной. Пока я беспокоюсь о деревьях, Пит задумывается о том, как сохранить себя, чистоту своего «я»

— Ты хочешь сказать, что не станешь убивать? — спрашиваю я.

— Стану. Когда придет время, я буду убивать, как любой другой. Я не

смогу уйти без боя. Я только... хочу как-то показать Капитолию, что не принадлежу ему. Что я больше чем пешка в его Играх.

— Ты не больше, — возражаю я. — Как и все остальные. В этом суть Игр.

— Ладно, пусть так. Но внутри них ты — это ты, а я — это я, — не понимается он. — Ты понимаешь?

— Немного. Только... не обижайся, Пит, кому до этого есть дело?

— Мне. Что еще в моей власти? О чем еще я могу позаботиться в такой ситуации?! — сердится Пит.

Я отступаю на шаг.

— О том, что сказал Хеймитч. Чтобы выжить. Пит улыбается, печально и насмешливо:

— Хорошо. Спасибо за совет, солнышко.

Это покровительственное обращение, заимствованное у Хеймитча, словно пощечина.

— Что ж, хочешь провести последние часы жизни за размышлениями, как бы поблагороднее умереть на арене, — это твой выбор. Я собираюсь прожить свою жизнь в Дистрикте-12!

— Меня бы не удивило, если бы тебе это удалось, — отвечает Пит. — Передавай привет моей матери, когда вернешься, хорошо?

— Заметано..

Я разворачиваюсь и ухожу.

Остаток ночи я провожу в полудреме, представляя, как язвительно буду разговаривать завтра утром с Питом Мелларком. Посмотрим, каким благородным он окажется, когда посмотрит в глаза смерти. Возможно, станет одним из тех полулюдей, которые, убив соперника, съедают его сердце. Пару лет назад один парень из Дистрикта-6 по имени Тит одичал вчистую. Распорядители Игр умирляли его электрошоковыми ружьями, чтобы оттащить убитых им трибутов, прежде чем он их сожрет. На арене нет ни правил, ни ограничений, но поскольку каннибализм непривлекателен для капитолийской аудитории, его пресекают. Поговаривали, что лавина, прикончившая Тита, была устроена специально, чтобы победителем не стал сумасшедший.

Утром мы с Питом не видимся. Еще до рассвета приходит Цинна, дает мне надеть простой балахон и ведет на крышу. Одеваться для Игр и делать последние приготовления мы будем в катакомбах под ареной. Появляется планолет, ниоткуда — точно как в тот день в лесу, когда поймали рыжеволосую девочку, — и из него сбрасывают лестницу. Едва я за нее хватаюсь и становлюсь на нижнюю ступеньку, как застываю. Какой-то ток

намертво прихватывает мои ладони и ступни к лестнице, так что я при всем желании не смогла бы свалиться, и меня поднимают наверх.

В планолете я ожидаю, что лестница меня отпустит, но не тут-то было: я все еще обездвижена, когда ко мне подходит женщина в белом халате со шприцем в руке:

— Это следящее устройство, Китнисс. Если будешь вести себя спокойно, я смогу установить его аккуратно.

Спокойно. Да я как статуя! Однако это ничуть не мешает ощущать острую боль, пронзающую предплечье, когда туда впивается игла, и из нее глубоко под кожу проникает миниатюрный маячок. Теперь распорядители Игр всегда смогут узнать, в каком месте арены я нахожусь. Заботятся, чтобы никто не потерялся.

Когда дело сделано, лестница меня отпускает. Женщина уходит, и наверх поднимают Цинну. Появляется безгласый слуга и ведет нас в каюту, где приготовлен завтрак. Несмотря на сжавшийся в комок желудок и отсутствие аппетита, я наедаюсь до отвала. Еда превосходная, но я так волнуюсь, что не получаю от нее никакого удовольствия; с таким же успехом я могла бы жевать угольную пыль. Единственное, что позволяет мне немного отвлечься, это вид из окна, когда мы проплываем над городом, а потом над лесами и полями. Как птицы. Только они свободны, а я нет.

Полет продолжается около получаса; перед приближением к арене стекла окон темнеют, флайер приземляется, и мы с Цинной спускаемся по лестнице, которая в этот раз пропущена сквозь жерло широкой трубы в катакомбы под ареной. Следуя указателям, мы идем в комнату, предназначенную для моей подготовки. В Капитолии эти комнаты называют Стартовым комплексом, в дистриктах — Скотобазой, местом, куда сгоняют животных перед отправкой на бойню.

Все совершенно новое, я — первый и единственный трибут, который войдет в эту комнату. По окончании Игр арены становятся историческими достопримечательностями, куда капитолийцы любят приезжать на экскурсий или на отдых. Бывает, проводят там по месяцу: смотрят видеозаписи Игр, осматривают катакомбы, ездят в места, где происходили смертельные схватки. Можно даже поучаствовать в инсценировках. И кормежка, говорят, отличная.

Я с трудом удерживаю внутри себя завтрак, пока принимаю душ и чищу зубы. Цинна заплетает мои волосы в простую косу, какую я обычно носила дома. Потом приносят одежду — у всех трибутов она будет одинаковой, Цинна тут ничего не решает и даже сам не знает, что лежит в свертке. Он помогает мне одеться: обычные коричневые штаны, светло-

зеленая блузка, грубый коричневый ремень и черная ветровка с капюшоном, достающая до бедер.

— Ветровка из особой ткани, отражающей тепло тела. Ночи могут быть холодными, — говорит Цинна.

Ботинки, которые я надеваю поверх плотно прилегающих носков, лучше, чем я надеялась.

Кожа мягкая, почти как у тех, что я носила дома.

Резиновая подошва, тонкая и гибкая, с жесткими шипами. Удобно для бега.

Ну, вроде бы все. Собралась. Тут Цинна вытаскивает из кармана брошь — золотую сойку-пересмешницу. Я совсем забыла о ней.

— Откуда? — спрашиваю я.

— С одежды, в которой ты была в поезде, — отвечает Цинна. Теперь я вспоминаю, как сняла ее с маминого платья и приколола к зеленой рубашке. — Это талисман из твоего дистрикта?

Я киваю, и Цинна прикалывает мне брошь к блузке.

— Комиссия ее чуть было не запретила. Некоторые посчитали, что иглу можно использовать в качестве оружия, и у тебя будет неправомерное преимущество. Но потом все-таки уступили. А кольцо из Дистрикта-1 не пропустили. Если повернуть камень, выскакивает шип. Отравленный. Девушка заявила, что ничего об этом не знает, и доказать обратное, конечно, нельзя, но талисмана она тем не менее лишилась. Все, ты готова. Подвигайся. Тебе ничего не должно мешать.

Я хожу, бегаю по кругу, машу руками.

— Нормально. Все сидит отлично.

— Остается только ждать сигнала. Разве что поешь еще?

Есть я не хочу, но стакан воды беру и пью маленькими глоточками, пока мы сидим на диване и ждем. Я сдерживаюсь, чтобы не начать кусать губы или грызть ногти, и вдруг ловлю себя на том, что впилась зубами в щеку, еще не совсем зажившую, после того как я прикусила ее во сне дня два назад. Во рту появляется вкус крови.

Мое волнение постепенно переходит в ужас. Возможно, через час я буду мертвой, мертвой как камень. Или даже раньше. Пальцы неотвязно тянутся к маленькому твердому комочку в предплечье — следящему устройству. Я давлю на него, несмотря на боль, давлю так сильно, что появляется небольшой кровоподтек.

— Хочешь поговорить, Китнисс? — спрашивает Цинна.

Я качаю головой, но через секунду протягиваю ему руку, и Цинна заключает ее между своими ладонями. Так мы сидим, пока приятный

женский голос не объявляет, что пора подготовиться к подъему на арену.

Все еще сжимая ладонь Цинны, я подхожу к металлическому диску и становлюсь на него.

— Помни, что сказал Хеймитч. Беги и ищи воду. А дальше по обстановке, — говорит он. Я киваю. — И запомни вот еще что. Мне нельзя делать ставки, но если бы я мог, то поставил бы на тебя.

— Правда? — шепчу я.

— Правда.

Цинна наклоняется и целует меня в лоб.

— Удачи, Огненная Китнисс.

Сверху, отрезая нас друг от друга, разрывая наши сцепленные руки, опускается прозрачный цилиндр. Цинна касается пальцами подбородка: выше голову!

Я задираю нос кверху и расправляю плечи. Цилиндр начинает подъем. Около пятнадцати секунд я нахожусь в темноте, затем металлический диск поднимает меня из цилиндра на свежий воздух. Сначала я ничего не вижу, ослепленная ярким солнечным светом, и только чувствую сильный ветер, пропитанный внушающим надежду ароматом сосен.

Потом, будто отовсюду сразу, звучит громогласный голос легендарного ведущего Клавдия Темплсмита.

— Леди и джентльмены, семьдесят четвертые Голодные игры объявляются открытыми!

Шестьдесят секунд. Ровно столько до удара гонга, возвещающего, что диск можно покинуть. Попробуешь сойти раньше — и тебе оторвет ноги минами. Шестьдесят секунд, чтобы оглядеть кольцо трибутов, равноудаленных от Рога изобилия, гигантского лежащего на боку золотого конуса с жерлом футов двадцати высотой и загнутым хвостом, переполненного всякой всячиной, полезной для выживания на арене: продуктами, сосудами с водой, оружием, лекарствами, одеждой, средствами для разведения огня. Вокруг тоже разбросаны вещи — чем дальше от Рога, тем меньше их ценность. К примеру, всего в двух шагах от меня лежит кусок непромокаемой пленки размером три на три фута — в ливень худо-бедно сгодится. Зато у края Рога я вижу свернутую палатку, которая защитит почти от любой непогоды. Конечно, если у тебя хватит смелости пойти и сразиться за нее с двадцатью тремя трибутами. Именно это мне и запретил Хеймитч.

Мы находимся на ровной, утоптанной площадке. За трибутами напротив не видно ничего, кроме неба, — наверное, там сразу начинается склон или даже обрыв. Справа озеро. Слева и сзади — редкий сосновый лес. Наверняка Хеймитч хотел бы, чтобы я отправилась туда. Причем не мешкая.

«Улепетывайте, что есть духу; чем дальше, тем лучше, и ищите источник воды», — звучат у меня в голове его инструкции.

Куча добра передо мною выглядит так соблазнительно... И то, что не достанется мне, достанется другим. Большинство трофеев, как всегда, разделят между собой профи. Вдруг что-то притягивает мой взгляд: там, на сваленных вместе скатках одеял поблескивают серебряный колчан со стрелами и лук с уже снаряженной тетивой, готовый к бою! Он мой. Его положили для меня! Я быстрая. Быстрее всех девочек в школе в коротких дистанциях, только две-три опережают меня на длинных. Тут всего ярдов сорок, как раз мне по плечу. Я прибегу первой, успею схватить лук... Вопрос в том, сумею ли я достаточно быстро убраться. Пока я вскарабкаюсь по скаткам и возьму оружие, подоспеют другие. В одного или двух я бы смогла выстрелить, ну а если их будет дюжина? Оказавшись рядом, меня легко пронзят копьями или сшибут дубинкой. Или даже просто забьют здоровенными кулачищами.

С другой стороны, не на одну же меня все накинута. Лучше в первую

очередь устранить более серьезных противников, а не тощую девчонку, пусть даже получившую одиннадцать баллов на тренировках.

Хеймитч никогда не видел, как я бегаю. Иначе он, возможно, не настаивал бы, чтобы я сразу уносила ноги, а посоветовал добыть оружие. Тем более оружие, которое для меня может оказаться спасительным. Во всей горе вещей я вижу только один лук! Минута заканчивается, решать нужно сейчас. Ноги сами собой принимают удобную стойку для бега — не в сторону леса, а к куче одеял, к заветному оружию. И тут справа от себя, через пять трибутов я замечаю Пита: он смотрит на меня и качает головой. Или это только кажется? Расстояние большое, и солнце светит в глаза. Пока я думаю, раздаётся гонг.

И я опоздала! Упустила свой шанс! Несколько секунд задержки заставили меня изменить план. Мгновение я топчусь на месте, не зная, какое направление избрать, потом бросаюсь вперед и хватаю с земли кусок пленки и буханку хлеба. Пожива настолько смехотворна, и я настолько зла на Пита за то, что он отвлек меня, что с досады я решаюсь пробежать еще ярдов двадцать за ярко-оранжевым рюкзаком, набитым неизвестно чем. Ну не уходить же совсем с пустыми руками!

Какой-то парень, кажется, из Дистрикта-9, подбегает к рюкзаку одновременно со мной. Мы вырываем его друг у друга из рук, как вдруг он кашляет, обдавая мое лицо теплой липкой кровью. В отвращении я отшатываюсь назад, и парень оседает на землю. В его спине торчит нож. Другие трибуты уже успели добежать до Рога изобилия и теперь готовы атаковать. Сжимая в руке полдюжины ножей, ко мне мчится девушка из Дистрикта-2. Я видела ее на тренировках. Она никогда не промахивается. Я ее следующая мишень.

Мой неопределенный, расплывчатый страх сгустился во вполне конкретный, осязаемый ужас перед этой девочкой-хищницей, которая вот-вот меня прикончит. Адреналин выплескивается в кровь, и я опрометью кидаюсь к лесу, набросив рюкзак на плечо. За спиной свист ножа. Инстинктивно защищая голову, вздергиваю рюкзак вверх; в него вонзается лезвие. Продеваю руку во вторую лямку и бегу дальше. Девушка не станет меня преследовать: в Роге изобилия еще так много хороших вещей. Мои губы растягиваются в ухмылке. Спасибо за нож.

На опушке я оборачиваюсь, чтобы окинуть взглядом поле битвы. Около дюжины трибутов рубятся друг с другом у Рога. На земле лежат несколько тел. Те, кто предпочли унести ноги, уже достигли леса или бегут по лугу в противоположную от меня сторону. Я мчусь дальше, пока деревья не скрывают меня полностью от других трибутов, потом перехожу на бег

трусцой, чтобы не выдохнуться слишком быстро. Следующие пару часов я то бегу, то быстро иду, стараясь увеличить отрыв от соперников. Хлеб я потеряла, когда боролась с парнем из Дистрикта-9, зато кусок пленки успела засунуть в рукав. Теперь я на ходу достаю ее, аккуратно сворачиваю и кладу в карман. Потом высвобождаю нож. Хороший, с длинным острым клинком, с зубчиками у рукояти — будет удобно пилить. Засовываю его за пояс. Рассмотреть содержимое рюкзака пока не решаюсь. Надо идти. Останавливаюсь только для того, чтобы прислушаться, не бежит ли кто следом.

Я могу идти долго. Не впервой. Вот без воды не обойдусь. Найти воду — это второе указание Хеймитча; первое я не выполнила, а тут уж смотрю во все глаза. Пока без толку.

Лес постепенно меняется. Среди сосен появляются другие деревья, некоторые мне знакомы, других я никогда раньше не видела. Доносится какой-то звук. Я вытаскиваю нож, готовая защищаться, но это всего лишь кролик. «Рада встрече», — шепчу я. Если есть один, будут и другие, ожидающие моих силков.

Местность идет под уклон. Это мне не очень нравится. На дне лощин я чувствую себя будто в западне. То ли дело наверху. Например, на холмах Вокруг Дистрикта-12. Всегда видно, если приближается враг. Впрочем, выбора нет; я двигаюсь дальше.

Как ни странно, я совсем не устала. Не зря все эти дни ела как не в себе. Во мне бурлит энергия, даром что я так мало спала в последние ночи. И лес подпитывает меня новыми силами. Приятно побыть в одиночестве, даже если это всего лишь иллюзия: вероятно, меня сейчас показывают на экране. Не постоянно, но время от времени. В первый день столько смертей, что трибут, мирно шагающий по лесу, вряд ли привлечет много внимания. Будут показывать просто для сведения: жива, мол, пока, не ранена, идет. Это один из самых насыщенных дней по части ставок. Начало Игр, первые жертвы. Хотя не сравнить с тем, что будет, когда игроков останется раз, два и обчелся.

Ближе к вечеру начинают палить из пушек. Один выстрел — один мертвый трибут. Сражение у Рога изобилия, должно быть, закончилось: тела жертв собирают только после того, как их убийцы разойдутся. И из пушек в первый день стреляют, когда битва уже позади. Раньше просто невозможно за всем уследить. Я позволяю себе остановиться перевести дух, пока буду считать выстрелы. Один... два... три... четыре... Еще, и еще, и еще... Одиннадцать. Одиннадцать убитых. Тринадцать в Игре. Я ногтями соскребаю с лица засохшую кровь мальчика из Дистрикта-9. Он

точно умер. А Пит? Пережил ли он этот день? Узнаю через несколько часов, когда в небе высветят портреты погибших.

Внезапно меня обуревают тревога: а что, если Пита уже нет, а его обескровленное бледное тело подобрали и везут в Капитолий, чтобы вымыть, переодеть и отправить в простом деревянном ящике назад в Дистрикт-12? Что, если он не здесь и едет домой? Я изо всех сил стараюсь вспомнить, видела ли его с тех пор, как началась кутерьма. Помню только, как он качал головой перед ударом гонга.

Хотя, может быть, даже лучше, если Пит умер. У него не было воли к победе. А на мою долю точно не выпадет ужасная роль его убийцы. Да, наверное, лучше, если он уже выбыл. Навсегда.

Я в изнеможении опускаюсь на землю вместе с рюкзаком и отцепляю лямки. Все равно с ним надо разобраться до наступления темноты. Посмотреть, какие у меня ресурсы. Рюкзак добротный, жаль только, цвет неудачный — оранжевый. В темноте будет прямо-таки светиться. Завтра утром первым делом займусь его маскировкой.

Откидываю клапан. Больше всего я была бы сейчас рада воде. Про необходимость найти ее источник Хеймитч не с потолка взял. Без воды долго не протянешь. Пару дней я, возможно, еще смогу справляться с жаждой, но потом стану совсем беспомощной развалиной и загнусь за неделю, если не раньше. Осторожно вытаскиваю содержимое рюкзака: тонкий черный спальный мешок из теплоотражающей ткани, пачка галет, пакетик вяленой говядины, йод во флакончике, коробок спичек, моточек проволоки, солнечные очки. И большая пластиковая бутылка — пустая как барабан.

Воды нет. Неужели так трудно было наполнить бутылку? Я замечаю, как сухо у меня в горле и во рту, облизываю потрескавшиеся губы. Я шла весь день по жаре, много потела. Мне не привыкать. Вот только когда я хотела пить дома, в своем лесу, то всегда находила какой-нибудь ручеек, а зимой растапливала снег.

Когда я складываю вещи обратно в рюкзак, меня пронзает ужасная мысль. Озеро! Пока ждали горн, я видела озеро! Вдруг это единственный источник воды на всей арене?! Неплохой способ согнать нас вместе и устроить грандиозное побоище? От того места, где я сейчас, до озера день пути, и проделать его без капли воды — задача еще та. А там, конечно, окажется, что озеро охраняют профи. Я уже готова поддаться панике и тут вспоминаю кролика, которого испугнула сегодня. Он ведь находит воду! Остается выяснить где.

Надвигаются сумерки, и на душе у меня паршиво. Деревья слишком

редкие и хилые, толком спрятаться негде. Сосновые иглы под ногами приглушают шаги, зато на них не видно следов животных, по которым я смогла бы выйти к воде. И я все еще продолжаю спускаться вниз в лощину, глубже и глубже. Кажется, она бездонная.

Есть тоже хочется, но начинать драгоценный запас галет и говядины еще слишком рано. Вместо этого подхожу к сосне, срезаю ножом твердую внешнюю кору и наскребаю большую горсть мягкого луба. Медленно жую его, продолжая идти. После недели самого роскошного питания в мире переходить на древесную кору трудновато. Впрочем, я столько ее съела за свою жизнь, что долго привыкать не придется.

Через час очевидно: больше откладывать некуда. Пора искать место для ночевки. Ночные хищники уже выползают из своих обиталищ; время от времени слышны их завывания и уханья. Охотиться на кроликов буду не я одна. Хорошо бы самой не стать добычей. Возможно, как раз сейчас меня выслеживает целая стая!

Хотя что там хищники! Свои собраты трибуты куда опаснее. Наверняка многие выйдут ночью на поиски. Из тех, кто выжил в драке перед Рогом изобилия. У них есть еда, неистощимый запас воды из озера, фонари и факелы. И, конечно, оружие, которое им не терпится испытать. Надеюсь только, что я ушла дальше, чем пойдут они.

Достаю проволоку устанавливаю в кустах две петли-ловушки. Это опасно: может навести на мой след, но что делать, еды у меня почти нет. А днем ставить ловушки некогда. Потом иду еще минут пять.

Место я выбираю очень тщательно. Наконец нахожу подходящую иву — не очень высокую, зато ее окружают несколько других, и за их висячими густыми ветвями легко укрыться. Я забираюсь наверх по толстым сучьям до развилины, достаточно прочной, чтобы устроить на ней постель. Задача непростая, однако мне удастся более-менее удобно расположить спальный мешок. На его дно я помещаю рюкзак, следом заползаю сама. Затем снимаю ремень и привязываюсь им к суку — осторожность не повредит. Теперь если я случайно повернусь во сне, то не грохнусь на землю. Так как я невелика ростом, мешка хватает, чтобы залезть в него с головой, но капюшон я тоже натягиваю. Ночью быстро холодает. Я все-таки молодец, что добыла рюкзак. Спальный мешок — вещь незаменимая. Уверена, не один трибут сейчас всерьез озабочен тем, как ему согреться, а я тем временем могу поспать. Если бы еще не мучила жажда...

Едва наступает ночь, я слышу гимн, предшествующий показу погибших. Сквозь ветви мне виден парящий высоко в небе герб Капитолия.

На самом деле его проецируют на огромный экран, привязанный к

одному из планолетов-невидимок. Гимн затихает, и на мгновение небо темнеет. Дома по телевизору каждое убийство показывают в подробностях, а здесь это считалось бы неправомерным преимуществом для части трибутов. Если бы я, к примеру, застрелила кого-нибудь из лука, мои навыки обращения с этим оружием перестали бы быть секретом. Здесь на арене показывают фотографии — те же, что и при объявлении результатов тренировок, но под лицами нет баллов, только номера дистриктов. Я делаю глубокий вдох и готовлюсь загибать пальцы.

Первой на экране появляется девушка из Дистрикта-3. Это значит, что трибуты-профессионалы из дистриктов 1 и 2 остались в живых. Кто бы сомневался. Затем парень из Дистрикта-4. А вот это уже странно — обычно первый день профи выдерживают в полном составе. Парень из Дистрикта-5... Девушка-лиса, стало быть, выжила. Дистрикты 6 и 7 потеряли обоих своих трибутов. Парень из Восьмого. Оба из Девятого. Да, это тот парень, с которым я дралась за рюкзак. Пальцы закончились. Остается только один убитый. Пит? Нет, это девушка из Дистрикта-10. Конец. Торжественная финальная музыка и герб Капитолия. Потом — темень и звуки леса.

От сердца отлегло. Пит — жив. Я снова говорю себе, что, если меня убьют, его победа поможет маме и Прим. Это объяснение позволяет мне внести хоть какой-то разумный порядок в эмоции, которые охватывают меня при мысли о Пите.

Чувство благодарности за то, что он подарил мне шанс своим признанием в любви. Злость на его высокопарные рассуждения на крыше. Страх, что мы в любой момент можем столкнуться с ним один на один на арене.

Одиннадцать погибших и ни одного из Дистрикта- 12. Кто же остался?.. Пять профи. Лиса. Цеп с Руты. Рута... значит, ей все-таки удалось пережить первый день! Я рада. Это десять... Трех других вспомню завтра. Я много прошла сегодня; сейчас темно, и я высоко на дереве. Надо отдыхать.

Я почти не спала последние две ночи, а сегодня целый день на ногах. Постепенно я заставляю свои мышцы расслабиться. Смыкаю веки... Хорошо, что я не храплю...

Хрусь! Меня будит звук сломанной ветки. Как долго я спала? Четыре часа? Пять? Кончик носа совсем заоченел. Хрусь! Хрусь! Что это? Кто-то идет? Нет, не похоже. Скорее, спускается с дерева. Хрусь! Хрусь! Кажется, справа, в паре сотен ярдов от меня. Медленно, бесшумно я поворачиваю голову в том направлении. Сплошная тьма. Несколько минут слышен

только шорох. Потом вспыхивает искра, и расцветает небольшой костерок. Пара ладоней греется над пламенем. Больше ничего не видно.

Я прикусываю язык, чтобы не выплеснуть на незадачливого трибута весь набор ругательств, какие только знаю. О чем он только думает?! Ладно бы развел костер вечером — тогда захватчики Рога изобилия были, конечно, еще слишком далеко и не заметили бы огня. Теперь-то они уже точно не один час прочесывают лес в поисках жертв! С тем же успехом можно размахивать флагом и кричать: «Сюда! Идите и убейте меня!»

И угораздило же меня оказаться рядом с самым большим недоумком на целой арене! Да еще привязанной к дереву и не имея возможности бежать, потому что можно запросто столкнуться с убийцами. Понятно, что ночь холодная, и не всем удалось раздобыть спальный мешок, но тут уж сожми зубы и терпи до рассвета — иначе крышка!

Следующие пару часов я лежу, не смыкая глаз, в мешке и злюсь. Может, слезть с дерева да и самой прикончить беспокойного соседа? Изначально моей тактикой было бегство, а не нападение. Но находиться рядом по-настоящему опасно. С дураком — не со своим братом. К тому же это будет нетрудно: вряд ли у него есть хоть какое-то оружие, а у меня — отличный нож.

В небе еще темно, но уже чувствуются первые признаки рассвета. Я начинаю думать, что все-таки нас — меня и трибута, на которого я задумываю покуситься, — не найдут. И тут я их слышу: несколько пар ног внезапно переходят на бег. Трибут у костра, видимо, задремал: она даже не успевает броситься наутек. Теперь я знаю, что это девушка — мне слышны ее мольбы и предсмертный крик. Потом смех, поздравления. Чей-то возглас: «Двенадцать готовы, одиннадцать впереди!» — и одобрителное гиканье в ответ.

Значит, они действуют сообща. Не то чтобы это было для меня неожиданностью — в начале Игр альянсы не редкость. Сильные объединяются против слабых, а когда перебьют их, принимаются друг за друга. Нетрудно догадаться, что на сей раз союз образовали выжившие профи из дистриктов 1, 2 и 4. Двое юношей и три девушки. Те, что ели за одним столом.

Они обыскивают вещи девушки. Судя по комментариям, ничего путного не находят. А вдруг это Рута? Нет, она слишком умна, чтобы вот так взять и развести огонь.

— Пойдем. Пусть заберут труп, пока не завоняло.

Я почти уверена, что голос принадлежит звероподобному парню из Дистрикта-2. Другие соглашаются, и, к своему ужасу, я слышу, как эта

свора направляется в мою сторону! Но они ведь не знают, что я здесь? Откуда? В зарослях меня не видно... По крайней мере, пока не встало солнце. Потом черный цвет спального мешка превратится из маскировочного в предательский. Пусть бы они шли да шли своей дорогой — и через минуту оказались ко мне спиной!

Профи останавливаются на поляне ярдах в десяти от моего дерева. В руках у них фонарики, факелы. Сквозь ветви видны то чей-нибудь ботинок, то рука. Я замираю, боясь даже вздохнуть. Заметили меня? Нет, пока нет... Их мысли заняты другим.

— Пора бы им выпалить из пушки, а?

— Наверное. Ничто не мешает сделать это сразу.

— А может, она жива.

— Нет. Я сам ее заколол.

— Почему тогда нет выстрела?

— Кто-то должен пойти и убедиться, что дело сделано.

— Я же сказал!

Спор разгорается все сильнее, и тут один трибут утихомиривает остальных:

— Мы только зря тратим время! Пойду добыю ее, и двигаем дальше!

Я чуть не падаю с дерева. Это голос Пита!

Слава богу, хватило ума пристегнуться! Я скатилась с развилины и теперь вишу на ремне лицом вниз, сквозь мешок цепляясь за ствол рукой и ступнями, между которыми еще и рюкзак попал.

— Ну давай, женишок, — говорит парень из Второго. — Сходи проверь.

Когда Пит разворачивается, чтобы идти, я секунду вижу его, освещенного факелом. Лицо распухшее от синяков, на руке окровавленная повязка. Судя по шаркающему звуку, он прихрамывает. Вот, значит, как! Мне качал головой — не лезь, мол, на рожон, — а сам тем временем думал нырнуть в самое пекло, наплевав на советы Хеймитча.

Ладно, это я еще могу понять. Ну, соблазнился, положим. Это еще мелочи. Но связаться со стаей волков, чтобы убивать остальных! Да никому из нашего дистрикта такое и в голову никогда не приходило! Профи — наглые мерзавцы, живодеры, пляшущие под дудку Капитолия и получающие за это куски пожирнее! Их ненавидят везде, кроме их собственных дистриктов.

Представляю, что теперь говорят о Пите у нас дома! И он рассусоливал передо мной о высоких материях!

Очевидно, благородный мальчик сыграл со мной на крыше еще одну шутку. Что ж, эта — последняя! С нетерпением буду ждать его портрета на ночном небе. Если сама раньше не убью.

Профи молчат, пока Пит не уходит подальше, затем говорят приглушёнными голосами.

— Почему бы нам не прикончить его прямо сейчас? Зачем откладывать?

— Да пусть себе таскается. Чем плохо? Может, пригодится еще. Видал, как с ножом управляется?

С ножом? Вот это новость! Сегодня у меня ночь открытий. Как мало я знаю о своем друге Пите!

— К тому же с ним мы быстрее выйдем на нее.

Я не сразу понимаю, что они имеют в виду меня.

— Почему? Думаешь, она повелась на его сопливую сказочку про любовь?

— А что, может быть. По-моему, обычная дурочка. Вспомню, как она вертелась в своем платье, аж блевать охота.

— Знать бы, как она умудрилась получить одиннадцать баллов.

— Спроси у женишка. Он-то знает. Шорох шагов Пита заставляет их замолчать.

— Ну что, мертвая была? — спрашивает парень из Дистрикта-2.

— Живая. Была, — отвечает Пит. Ему вторит пушечный выстрел. — Идем?

Банда профи убегает, и почти сразу же начинает светать, воздух наполняется птичьим гомоном. Пару минут я еще выжидаю в той же неудобной позе, хотя мышцы уже дрожат от напряжения, затем взбираюсь на сук. Надо слезать вниз и идти дальше, а какое-то время я просто лежу, переваривая услышанное. Пит не только присоединился к профи, он помогает им искать меня — дурочку, но опасную, потому что получила одиннадцать баллов. А все благодаря луку и стрелам. Питу это хорошо известно.

Правда, им он еще не рассказал. Тянет время, понимая, что это единственное, благодаря чему его не убивают? Все еще притворяется перед зрителями, будто любит меня? Что он затеял?

Внезапно птичьи трели смолкают. Затем одна птица издает пронзительный тревожный крик. Точно как тогда, когда поймали рыжеволосую девушку. Высоко над затухающим костром возникает планолет. Изнутри выпадают громадные металлические челюсти, которые медленно и осторожно захватывают мертвое тело и поднимают его на борт. Планолет исчезает. Птицы поют снова.

— Давай, — шепчу я сама себе. Выбираюсь из спального мешка, скатываю его и засовываю в рюкзак. Делаю глубокий вдох. Пока я была в мешке, скрытая темнотой и ивовыми ветвями, камеры вряд ли могли меня хорошо видеть. Теперь-то они наверстают. Как только спущусь на землю, точно удостоюсь крупного плана.

Зрители, наверное, здорово позабавились, слушая разговор профи и зная, что я тоже их слышу и вижу среди них Пита. Пока я еще толком не решила, как мне себя вести. В любом случае нужно показать, что я полностью владею ситуацией, а вовсе не сбита с толку и напугана.

Тут приходится просчитывать каждый шаг.

С этими мыслями я вынырываю из листвы на утренний свет, и на секунду замираю, давая камерам возможность хорошенько на мне сфокусироваться. Склонив голову набок, я многозначительно улыбаюсь. Вот им! Пусть поломают голову, что означает эта улыбочка!

Я уже совсем собралась идти дальше, как вдруг вспоминаю о силках. Не совсем благоразумно проверять их сейчас, когда другие трибуны так

близко, тем не менее просто взять и уйти я не могу. Видно, охотничьи инстинкты укоренились во мне слишком крепко. Да и соблазн велик — что, если там дичь?

Риск оправдан — в силках превосходный кролик. Мигом его свежую; голову, лапы, шкуру, хвост и внутренности присыпаю листьями. Жаль, костра не развести... От сырой крольчатины легко подхватить туляремию, это вам не шутка — испытано на себе. Тут я вспоминаю убитую девушку, и спешу к месту ее ночевки. Ага! Угли еще горячие. Быстро режу мясо, нанизываю кусочки на вертел из прутьев и прилаживаю над углями.

Теперь я даже рада камерам. Пусть спонсоры увидят, что я умею охотиться и не теряю осторожности от голода. Пока еда готовится, я маскирую свой оранжевый рюкзак с помощью куска обуглившейся палки. Довольно успешно. Еще бы грязью разок обмазать. Но без воды грязи не бывает...

Взвалив поклажу на спину, я хватаю вертел, присыпаю угли пылью и отправляюсь в сторону, противоположную той, куда ушли профи. Половину кролика я съедаю на ходу сразу же, а остатки заворачиваю в пленку. От мяса перестает урчать в животе, однако жажда меньше не становится. Вода сейчас для меня главное.

Я продолжаю старательно скрывать эмоции — готова спорить, моя физиономия все еще красуется на экранах Капитолия. А Клавдий Темплсмит со своими гостями в студии досконально разбирают тактику Пита и мою реакцию. Хотела бы я сама во всем разобраться! Пит показал истинное лицо? И что теперь? Как теперь расценивают наши шансы? Потеряем ли мы спонсоров? Есть ли они у нас вообще? Уверена, что есть. По крайней мере были.

Определенно, с басней про несчастных влюбленных покончено. Пит разделался с ней одним махом. Или все-таки нет?.. То, что он пока не распространялся обо мне профессионалам, возможно, сыграет нам на руку! Если я буду выглядеть довольной, люди, глядишь, подумают, что мы с Питом специально так договорились.

На небе всходит солнце — жаркое даже сквозь кроны деревьев. Я намазываю губы кроличьим жиром и стараюсь дышать ровно, но толку мало. Прошли всего сутки, а я уже ощущаю признаки обезвоживания. Пытаюсь вспомнить все, что знаю о поиске воды. Ручьи сбегают с холмов в долины, я иду вниз — это правильно. Найти бы теперь следы животных. Или место, где растительность особенно пышная. Везде все одинаковое, ничего не меняется. Местность все так же идет под уклон, вокруг те же птицы, те же деревья.

День проходит, и ясно, что беда не за горами. Моя моча темно-коричневого цвета, да и той почти нет, голова раскалывается от боли, язык пересох. Глаза болят от яркого света, но когда я надеваю солнечные очки, со зрением происходит что-то странное — я сую их обратно в рюкзак.

Ближе к вечеру мне кажется, я спасена: передо мной кустики с ягодами. Я торопливо срываю несколько, чтобы высосать из них сладкий сок, но, уже поднеся ко рту, присматриваюсь внимательнее. Ягоды похожи на чернику, только форма немного другая, а когда я разламываю одну из них, внутри она красная. Никогда не встречала таких. Может, ягоды съедобные, а может, это ловушка, придуманная распорядителями Игр. Даже инструктор в Тренировочном центре предупреждала нас, чтобы мы не ели никаких растений, если на сто процентов не уверены в их безвредности. Да это и без предупреждений понятно. Жажда так сильна, что только вспомнив слова инструкторши, я нахожу в себе силы выбросить ягоды.

Я изнурена, и это не обычная усталость от долгой ходьбы. Часто останавливаюсь передохнуть, хотя знаю, что мой единственный шанс — не прекращать поиски. Пробую другую тактику: забираюсь на дерево так высоко, как только позволяют мои трясущиеся руки и ноги, и осматриваюсь. Кругом, куда ни кинь взгляд, только безжалостный лес.

Ноги заплетаются, но я продолжаю путь дотемна.

Из последних сил взбираюсь на дерево и пристегиваюсь ремнем. Есть не хочу, просто посасываю кроличью косточку, чтобы чем-нибудь занять рот. Когда приходит ночь, звучит гимн, и высоко в небе появляется фотография девушки из Дистрикта-8. Той, которую ходил добивать Пит.

Страх перед бандой профи ничто в сравнении с раздирающей меня жаждой. Они ушли в другую сторону, и сейчас тоже нуждаются в отдыхе. А может, у них кончилась вода, и они вернулись к озеру.

Не исключено, что для меня это тоже единственный путь.

Утром все гораздо хуже. Голова пульсирует дикой болью в такт ударам сердца. При малейшем движении кажется, будто мне выворачивают суставы. С дерева я не спрыгиваю, а падаю. На упаковку рюкзака уходит несколько минут. Где-то внутри я осознаю, что делаю все неправильно: нужно быть осторожнее и шевелиться побыстрее, но сознание затуманено, и я не могу ни на чем сосредоточиться. Привалившись спиной к стволу, я осторожно провожу пальцем по языку, сухому и грубому, как наждак, и пытаюсь сообразить, как мне быть. Где взять воду?

Вернуться к озеру? Бесполезно. Не дойду.

Дождь? На небе ни облачка.

Искать дальше. Единственный шанс.

Внезапная мысль переполняет меня такой злостью, что даже в голове проясняется: Хеймитч! Вот, кто может прислать мне воду! Всего-то нажать на кнопку, и она тут же будет доставлена на серебряном парашюте. Уверена, среди моих спонсоров есть один или два, способных пожертвовать на бутылочку воды. Это на самом деле очень дорого, так ведь и спонсоры люди не бедные. Может, Хеймитч не понимает моего положения?

— Воды! — говорю я так громко, как только смею, и жду, что вот-вот сюда спустится парашют.

Напрасно.

Что-то не так. Неужели я ошибаюсь, и никаких спонсоров нет и в помине? Или их оттолкнуло поведение Пита? Не верю. Наверняка куча народу готова купить для меня воду, просто Хеймитч отказывается ее отправить. Как ментор, он распоряжается всеми взносами, а меня он ненавидит и никогда этого не скрывал. Ненавидит так сильно, что позволит мне умереть от жажды? Но как он решится на такое? Если ментор обделяет своих подопечных, ему придется за это ответить. Перед народом. Перед собственным дистриктом. На это не пойдет даже Хеймитч. Какие бы ни были мои знакомые торговцы с Котла, вряд ли они примут его с распростертыми объятиями. Где он достанет себе выпивку? Что же тогда? Хочет помучить меня за то, что была с ним непочтительна? Переманивает всех спонсоров помогать Питу? Или напился пьяным и понятия не имеет, что тут происходит?

Почему-то я уверена, что это не так, и Хеймитч вовсе не желает меня погубить. Что ни говори, на свои лады он честно старался подготовить меня к трудностям. В чем же тогда дело?

Я закрываю лицо руками, хотя расплакаться мне сейчас не грозит. Даже под страхом смерти из моих глаз не выкатилось бы ни слезинки. О чем думает Хеймитч? Несмотря на все мои подозрения, гнев и ненависть, в глубине души я, кажется, знаю ответ.

Возможно, он хочет тебе что-то сказать. Это послание. Но о чем? И тут до меня доходит. Есть только одна причина для Хеймитча не присылать мне воду: я ее почти нашла.

Стиснув зубы, я встаю на ноги. Рюкзак потяжелел раза в три. Подбираю отломанный сук вместо посоха и иду. Солнце жарит вовсю, еще сильнее, чем в первые два дня. Я чувствую себя старым искореженным башмаком, пересохшим и потрескавшимся на жаре. Каждый шаг — усилие, но останавливаться нельзя. Сесть и отдохнуть нельзя. Если я сяду, то подняться уже не смогу. Я даже не вспомню, зачем мне вставать.

Какая легкая добыча я теперь! Любой трибут, даже крохотная Рута,

смог бы со мной совладать: только подтолкнуть слегка, чтобы упала, а потом прирезать моим же ножом. У меня не будет сил сопротивляться. Впрочем, если и есть в этой части леса кто-то еще, то у него другие заботы. У меня такое ощущение, что на миллионы миль вокруг нет ни одной живой души.

Хоть бы я и вправду была одна. Так нет, за мной следит камера, куда ж без неё! Я сама сколько раз видела по телевизору, как трибуны замерзают, истекают кровью, умирают от голода или обезвоживания! Теперь я звезда экрана. Разве что где-нибудь особенно кровавое побоище случилось.

Мои мысли уходят к Прим. Вряд ли она смотрит Игры в прямом эфире, но на перемене в школе обязательно покажут обзор. Ради нее я стараюсь приободриться. К середине дня очевидно, что конец близок. Ноги подкашиваются, сердце колотится как бешеное. Поминутно я забываю, где нахожусь и что делаю. Несколько раз, споткнувшись и упав на колени, я чудом встаю снова. Потом палка, служащая мне опорой, проскальзывает, и я растягиваюсь ничком на земле, не в силах подняться. Закрываю глаза.

Я переоценила Хеймитча. У него и в мыслях не было помогать мне.

Все в порядке. Здесь не так уж плохо. Воздух прохладнее, скоро наступит вечер. Легкий, сладкий аромат напоминает о кувшинках. Пальцы поглаживают землю, приятно гладкую. Хорошее место, чтобы умереть.

Кончики пальцев рисуют круги на прохладной, скользкой земле. Люблю грязь. Как часто я читала по ее мягкой поверхности, где искать дичь. И от укусов пчел помогает. Грязь, грязь. Грязь! Глаза моментально раскрываются, и я всаживаю пальцы в землю. Это грязь! Поднимаю голову. А там действительно кувшинки! Кувшинки в пруду!

Ползу. По грязи. Меня ведет запах. В пяти ярдах от места, где я упала, начинаются густые заросли, за ними — пруд. На поверхности плавают раскрывшиеся желтые цветы — мои милые кувшинки.

Я едва удерживаюсь, чтобы не окунуть лицо в воду и пить, пить, пока не лопну. К счастью, во мне осталась еще крупица благоразумия. Трясущимися руками я достаю бутылку и наполняю ее водой. Затем добавляю туда пару капель йода для дезинфекции — надеюсь, хватит. Полчаса ожидания — форменная пытка, но я выдерживаю. По крайней мере, мне кажется, что прошло полчаса — уж, во всяком случае, дольше не утерпеть.

Теперь медленно, по глоточку, уговариваю я саму себя. Делаю глоток и заставляю себя подождать. Потом второй. Часа за два осушаю всю бутылку. Затем еще одну. Приготовив третью, я забираюсь под дерево, не торопясь попиваю воду, ем кроличье мясо и даже позволяю себе драгоценную галету.

Ко времени гимна я более-менее прихожу в норму. Сегодня лиц не показывают: никто не погиб. Завтрашний день надо будет провести здесь: отдохну, замаскирую грязью рюкзак, половлю рыбешек — я их видела, пока наслаждалась питьем, — а на гарнир еще и корней кувшинок нарою. Я уютно устраиваюсь в спальном мешке, не выпуская из рук бутылки, будто в ней моя жизнь — впрочем, так оно и есть на самом деле.

Несколько часов спустя я просыпаюсь от топота множества бегущих ног. В тревоге смотрю по сторонам. Рассвет еще не наступил, но мои пронизанные мгновенной болью глаза видят все и так.

Трудно было бы не заметить надвигающуюся на меня огненную стену.

Мой первый порыв — скорее слезть с дерева; я даже забываю, что пристегнута к нему ремнем. Кое-как торопливые пальцы справляются с пряжкой, и я кулем падаю на землю, запутавшись в спальном мешке. К счастью, рюкзак и бутылка уже в нем — собирать вещи некогда. Я сую внутрь ремень, перебрасываю мешок через плечо и бегу.

Весь мир растворился в дыму и пламени. С деревьев обламываются горящие сучья и падают, разбрасывая снопы искр, мне под ноги. Все, на что я способна, — это бежать, куда бегут другие: кролики, олени. Даже стая диких собак. Инстинкты животных острее, чем мои, и я целиком полагаюсь на них. Беда в том, что и бегают они гораздо быстрее меня. Грациозно они проносятся мимо, пока я то и дело спотыкаюсь о корни и ветки.

Жара страшная, но хуже жары дым, от которого я уже задыхаюсь. Натягиваю на нос край рубашки, хорошо, что она пропитана потом: дышать становится немного легче. Бегу. Меня душит дым, мешок нещадно бьет по спине, а ветки, внезапно выныривающие из серой пелены, царапают лицо в кровь. Бегу, потому что так надо.

Этот пожар не случайность, не вышедший из-под контроля костер, разведенный кем-то из трибутов. Языки пламени, настигающие меня, ровные и неестественно высокие. Огонь вызван с помощью машин распорядителями Игр. Сегодняшний день выдался чересчур спокойным: нет погибших, а может быть, и боев не было. Капитолийцы того и гляди заскучают и скажут, что в этот раз не Игры, а тоска зеленая. Такого распорядители не допустят.

Их расчет понять нетрудно. Есть команда профи, и есть остальные, разбежавшиеся, наверное, кто куда по всей арене. Пожар заставит нас обнаружить себя и сбиться в кучу. План не самый оригинальный из тех, что я видела, зато очень и очень эффективный.

Я прыгаю через толстый горящий сук, но недостаточно высоко — задняя часть ветровки загорелась. Стащив с себя и затоптав кое-как огонь, я

запихиваю ее, опаленную и дымящуюся, в спальный мешок, надеясь, что недостаток воздуха не даст ей разгореться. Бросить жалко. Все свое имущество я нес на себе — больше рассчитывать не на что.

Дальше хуже, горло и нос обдирает жаром. Я захожусь от кашля, а легкие, кажется, сейчас сварятся. Положение становится буквально невыносимым: каждый вдох пробивает грудь жгучей болью. Я как раз успеваю забежать за каменные глыбы, когда открывается рвота. Скучный ужин и оставшаяся в желудке вода пропали даром. Я стою на четвереньках, пока меня выворачивает наизнанку.

Надо бежать дальше, а тело бьет дрожь, и готова будто набита ватой. Малость отдышавшись, беру в рот немного воды, полощу рот и выплевываю. Потом выпиваю несколько глотков. Одна минута, утешаю я себя. Одна минута на отдых. Я использую это время, чтобы вытащить свои запасы, скомкать спальный мешок и как попало запихнуть все в рюкзак. Минута вышла. Знаю, что пора двигаться дальше, но мысли путаются, и я никак не соображу куда. Быстроногие звери, служившие мне компасом, оставили меня далеко позади. Уверена, я еще ни разу не была в этой части леса: раньше не попадались сколько-нибудь крупные камни. Куда меня гонят? Назад к озеру? Или в совершенно незнакомое место, полное новых опасностей? А я только-только нашла уголок, где рассчитывала спокойно провести день... Нельзя ли как-нибудь обойти огонь и вернуться к пруду? Стена огня должна где-то заканчиваться, и бесконечно гореть не будет. Не потому что у распорядителей не хватит топлива, а снова из-за опасений, что зрители обвинят их в однообразии. Если бы мне удалось попасть за кромку пожара, я, возможно, избежала бы встречи с профи. Идти, конечно, придется не одну милю — сначала просто подальше от этого пекла, а потом окольным путем назад, но почему бы не попытаться? Едва я принимаю решение, как в каменную глыбу за моей спиной врезается огненный шар — всего на пару футов выше моей головы. Я пулей вылетаю из-под уступа, подгоняемая страхом.

Интригующий поворот в Игре. Пожар придумали, чтобы нас расшевелить, зато теперь зрители развлекутся на всю катушку! Когда раздается следующее шипение, я тут же распластываюсь на земле, не дожидаясь, пока увижу шар. Дерево слева от меня окутывают языки пламени. Остаться на одном месте — значит погибнуть. Я вскакиваю на ноги, и третий шар ударяет в землю; там, где я только что лежала, вырастает огненный столб. Время будто замирает, пока я отчаянно уворачиваюсь от снарядов. Я не вижу, откуда их выпускают, но точно не из планолета — угол, под которым они падают, не очень большой. Возможно,

орудия спрятаны здесь повсюду — среди деревьев и каменных глыб. А где-нибудь в прохладном, чистом зале кто-то сидит за пультом — вот сейчас нажмет на кнопку, и мне конец. Нужно лишь одно прямое попадание.

Все мои планы возвращения к пруду — и без того смутные — забыты напрочь, пока я бегаю зигзагами, пригибаясь и подпрыгивая. Шары размером с яблоко, однако их сила огромна. Все чувства обостряются до предела и подчинены одной задаче — выжить. Нет времени раздумывать. Раздается свист — и ты либо действуешь, либо погибаешь. Неосознанно я все-таки продвигаюсь вперед. Я смотрела Голодные игры с детства и знаю, что разные части арены оборудованы неодинаково, и игроков подстерегают в них разные опасности. Если я уберусь подальше от этого места, то, возможно, орудия меня не достанут. Не исключено, правда, что я тут же провалюсь в яму с гадюками. Впрочем, пока это волнует меня меньше всего. Трудно сказать, как долго длится мое метание, но постепенно атака ослабевает. Самое время: меня снова мутит. На сей раз горло и нос разъедает кислота, выделившаяся из шаров. Тело судорожно содрогается, пытаюсь освободиться от яда. Жду следующего свиста, чтобы броситься в сторону. Все тихо. Глаза из-за рвоты слезятся и щиплет. Одежда пропитана потом. Сквозь кислый смрад дыма и блевотины я каким-то образом улавливаю запах горелых волос. Нащупываю рукой косу, и действительно — огненный шар отжег от нее добрых шесть дюймов. Между пальцами рассыпаются почерневшие пряди. Я пялюсь на них, словно замороженная их внезапным преображением, и тут раздается новый свист.

Мышцы успевают среагировать, но недостаточно быстро. Ядро врезается в землю сбоку от меня, задев по пути мою голень. Я совсем обезумела от вида горящей штанины. Корчусь, кричу и с ожесточением работаю ногами и руками, пытаюсь убраться из этого ада. Немного придя в себя, катаю ногой по земле; огонь почти затухает. Потом, не долго думая, отрываю тлеющую ткань голыми руками.

Я сижу в нескольких ярдах от огненного столба. Икра ноги болит нестерпимо, на руках вздулись красные рубцы. От дрожи я не могу сдвинуться с места. Если распорядители собираются меня прикончить, лучшего момента не придумаешь.

Перед глазами встает Цинна с богатой, сверкающей тканью в руках — «Огненная Китнисс». Распорядителям Игр не откажешь в чувстве юмора. Возможно, именно красивые костюмы Цинны навели их на мысль помучить меня таким изощренным способом. Цинна, конечно, не мог этого предвидеть. Наверное, сейчас ему даже жаль меня. Почему-то мне кажется, что я ему не совсем безразлична. Лучше бы он меня голышом на колеснице

выпустил — так безопаснее.

Атака закончилась. Распорядители не жаждут моей смерти. Во всяком случае, пока. Разумеется, они могли бы всех нас уничтожить за секунду, едва прогремел гонг. Изюминка в том, чтобы заставить нас убивать друг друга. Нет, случается, убивают и сами, но это больше для острстки. Чаще стараются свести нас лицом к лицу. Из чего следует, что если в меня перестали палить, то где-то рядом находится по меньшей мере один трибут.

Можно было бы взлезть на дерево и спрятаться там, но дым еще слишком густой — вверху я тем более задохнусь. Я с трудом встаю и ковыляю подальше от стены огня, озаряющей небо. Сама она как будто уже не движется, только тучи черного дыма по-прежнему настигают меня.

Постепенно появляется и другой свет — утренний. Солнечные лучи рассеиваются в дыму. Дальше пятнадцати ярдов вокруг ничего не видно. Кто угодно может незаметно подобраться ко мне. Стоило бы на всякий случай вынуть нож, да боюсь, что долго его не удержу. Руки ужасно болят, хотя по сравнению с голенью это пустяк. Ненавижу обжигаться, всегда ненавидела, даже если совсем чуть-чуть, от горячего противня с хлебом. Для меня нет худшей боли, чем от ожога, но такой, как сейчас, я не испытывала никогда в жизни.

Я так изнурена, что даже не замечаю, как зашла в лужу, пока вода не достигает щиколоток. Вода бьет из трещины в камнях — ключевая, восхитительно прохладная. Я погружаю в нее руки и мгновенно чувствую облегчение. Мама всегда говорила, что самое лучшее при ожоге — холодная вода. Она вытягивает жар. Конечно, мама имела в виду небольшие ожоги. Для рук, возможно, то, что надо. А как быть с голенью? У меня до сих пор не хватило храбрости взглянуть на нее, и думаю, там простые средства бесполезны.

Какое-то время я лежу на животе у края лужи, опустив руки в воду. Огненные узоры на ногтях начали облупливаться. Хорошо. Огня с меня хватит. На всю жизнь.

Смываю с лица кровь и пепел и пытаюсь вспомнить, что знаю об ожогах. В Шлаке они не редкость. Печи мы топим углем. Да еще аварии в шахтах... Однажды к нам принесли молодого парня без сознания. Умоляли маму помочь. Шахтерский врач от него отказался. Сказал, чтобы забирали домой умирать. Но родственники не хотели с этим смириться. Парень лежал у нас на столе как труп. Я мельком увидела зияющую обугленную рану на его бедре: плоть прогорела до самой кости, — и тут же выбежала на улицу. Я ушла в лес и целый день охотилась, стараясь отвлечься от жуткого образа изуродованной ноги и воспоминаний о папиной смерти. А

Прим — подумать только! — Прим, боявшаяся собственной тени, осталась дома и помогала. Мама говорит: целителями рождаются, а не становятся. Они сделали все, что было в их силах, но парень умер. Врач оказался прав.

Ногой надо срочно заняться, а я все еще не решаюсь на нее посмотреть. Вдруг она такая же, как у того парня, и я увижу свою кость. Хотя... мама говорила, что если ожог очень сильный, то боли может и не быть вовсе, потому что разрушены нервные окончания. Ободренная этой мыслью, сажусь и поворачиваю ногу, чтобы было видно.

И едва не теряю сознание: кожа, рубиново-красная, сплошь покрыта волдырями. Я делаю несколько медленных, глубоких вдохов, зная, что камеры сейчас направлены на мое лицо. Нельзя выказать слабость. Иначе помощи не жди. Жалким видом никого не удивишь. А вот стойкость часто вызывает восхищение.

Отрезаю ножом обрывки штанины и осматриваю рану внимательнее. Ожог размером с ладонь. Кожа нигде не почернела. Пожалуй, от воды вреда не будет. Осторожно опускаю икру ноги в лужу, опираясь каблук о камень, чтобы не замочить ботинок. От облегчения у меня вырывается вздох. Есть какие-то травы, они ускоряют заживление, вот только припомнить я их не могу. Вода и время — единственные мои лекари.

Не пора ли идти? Дым постепенно рассеивается, но в нем еще таится угроза. Если я пойду дальше от пожара, то не напорюсь ли на вооруженных до зубов профи? К тому же стоит только приподнять ногу, как она вспыхивает новой болью. С руками иначе: хоть ненадолго я могу вытащить их из воды. Это позволяет мне разобраться с вещами. Наполняю бутылку водой, капаю йод и, подождав полчаса, наконец утоляю жажду. Без всякого желания грызу галету, чтобы как-то утихомирить желудок. Сворачиваю спальный мешок. За исключением нескольких подпалин он не пострадал. Чего никак не скажешь о куртке. Вонючая, обгоревшая, задний край испорчен безвозвратно. Я отрезаю целый фут снизу, и теперь она мне едва достает до пупка. Все лучше, чем ничего. И капюшон цел.

Несмотря на боль, мной овладевает сонливость. Хорошо бы забраться на дерево и выспаться, но там я буду слишком заметна. К тому же уйти от воды выше моих сил. Я аккуратно складываю свое добро и даже надеваю рюкзак, однако уходить не решаюсь. В луже замечаю растения со съедобными корнями. Вот и завтрак. Ем их с остатками крольчатины. Запиваю водой. Солнце неторопливо описывает дугу на небе. А стоит ли куда-то идти? Где я найду более безопасное место? Я откидываюсь спиной на рюкзак и поддаюсь слабости. Если профи меня ищут, плевать, пусть находят, успеваю подумать, проваливаясь в забытие. Пусть находят.

И они находят. Хорошо, что я собралась заранее: когда слышу их шаги, у меня меньше минуты форы. Уже опускаются сумерки. Едва проснувшись, я вскакиваю и шлепаю прямо по луже к кустам. Из-за ноги я не могу бежать быстро, но и у преследователей прыти, похоже, поубавилось. Я слышу их кашель, хриплые перекликающиеся голоса.

Однако они все ближе и ближе. Загоняют меня, как стая диких собак, и я поступаю, как всегда в таких случаях — выбираю дерево повыше и карабкаюсь вверх. Если бежать было больно, то лезть невыносимо: при беге напрягаются только мышцы, а здесь мои бедные ладони постоянно трутся о корявую кору дерева. Медлить нельзя, и когда появляются профи, я уже на высоте двадцати футов. Мы смотрим друг на друга. Надеюсь, им не слышно, как грохочет мое сердце.

Вот и конец. Какие у меня шансы против них. Все в сборе: пять профи и Пит. Единственное мое решение — они тоже выглядят порядком потрепанными. Но они вооружены. Смотрят на меня, как на верную добычу, и скалятся. Что ж, они правы. Я в ловушке. И тут меня осеняет. Да, они крепкие и сильные, зато я легкая. Потому-то я, а не Гейл, срываю самые верхние плоды и ворую яйца из самых высоких гнезд. Я легче любого из них фунтов на пятьдесят-шестьдесят. Теперь улыбаюсь я.

— Ну, как дела? — бодро кричу я.

Они ошарашены, а зрителям понравится.

— Нормально, — отзывается парень из Дистрикта-2. — А у тебя?

— На мой вкус было жарковато. — Я почти слышу смех из Капитолия. — Здесь вверху воздух чище. Не хотите подняться?

— С удовольствием.

— Катон, возьми с собой, — говорит девушка из Первого, протягивая серебряный лук и колчан.

Мой лук! Мои стрелы!

— Не надо. — Катон отстраняет лук. — Кинжалом сподручнее.

Я вижу его — короткий массивный клинок за поясом.

Жду, пока Катон залезет на дерево, и поднимаюсь выше. Гейл говорит, что в этом я похожа на белку: моментально вскарабкиваюсь на самый тонкий сук. Дело не только в весе, но и в умении: надо знать, где братья руками, куда ставить ноги. У меня большая практика. Я взбираюсь еще футов на тридцать, когда слышу треск. Катон летит вниз, цепляясь за сучья и ветки. Он здорово стучается о землю, у меня даже мелькнула надежда: не свернул ли он себе шею, но нет — встает на ноги, ругаясь как сапожник.

Следом решает попытать счастья девушка с луком — я слышала кто-то называл ее Диадемой (ну и дурацкие же имена дают детям в Дистрикте-1!).

У нее хватает ума не лезть дальше, как только сучья под ногами начинают трещать. Я теперь на высоте восьмидесяти футов. Тогда девушка стреляет в меня из лука. Сразу становится ясно, что она совсем не умеет с ним обращаться. Одна стрела все-таки застревает в ветках настолько близко, что до нее можно дотянуться. Я дразню девушку, размахивая над нею стрелой, словно бы только для этого и добытой. На самом деле при случае я думаю воспользоваться ею по назначению. Будь то серебряное оружие у меня в руках, перестреляла бы всех до единого, они бы и опомниться не успели.

Профи собираются на совет, до меня доносятся их раздраженные голоса. Злятся, что я выставила их болванами. Но день уходит, а вместе с ним и возможность новой попытки напасть на меня. Наконец Пит резко подводит итог:

— Ладно. Пусть сидит там наверху. Никуда она не денется. Займемся ею завтра.

Что ж, в одном он прав: никуда я отсюда не денусь. Боль в ноге, ослабевшая было от холодной воды, вернулась с новой силой. Я спускаюсь в развилину и неуклюже готовлюсь ко сну, стараясь При этом не стонать. Надеваю куртку, разворачиваю спальный мешок, пристегиваюсь. В тепле мешка ноге становится совсем худо. Я разрезаю его внизу и высовываю голень на свежий воздух. Сбрызгиваю рану водой, слегка мочу ладони.

Вся моя бравада улетучилась. Я очень ослабла от боли, но не могу съесть ни крошки. Даже если и продержусь ночь, то что будет утром? Тупо смотрю на листья в надежде постепенно заснуть, но ожоги не дают забыться. Птицы устраиваются на ночь, поют колыбельные своим малышам. Ночные хищники выбирают из своих логовищ. Кричит сова. Сквозь дым пробивается слабый запах скунса. С соседнего дерева на меня смотрит какой-то зверек — опоссум, наверное. Его глаза горят, отражая свет факелов моих преследователей. Я резко поднимаюсь на локте. Это глаза не Опоссума, не их тусклый блеск. Это вообще не глаза животного. В последних блеклых лучах догорающего дня я различаю знакомые черты. Она молча наблюдает за мной из-за ветвей. Рута.

Сколько она уже здесь? Вероятно, с самого начала. Сидела себе тихонько и помалкивала, пока внизу разворачивалось действие. Возможно, она забралась на свое дерево незадолго до меня, когда услышала погоню.

Какое-то время мы неотрывно смотрим друг другу в глаза. Потом, не тронув ни листика, из ветвей высовывается ее рука и показывает на что-то у меня над головой.

Мой взгляд следует в том направлении. Сначала я не вижу ничего, кроме листвы, но потом различаю на высоте пятнадцати футов надо мной

какое-то пятно. Что это? Зверь? По размерам напоминает енота, но не енот: свисает вниз с ветки и слегка покачивается. Среди обычных вечерних звуков мой слух улавливает тихое жужжание. И тогда я понимаю. Это осиное гнездо.

Меня пронизывает страх, хочется закричать или броситься вниз, но я удерживаюсь. В конце концов, я ведь не знаю, что это за осы. Может быть самые обыкновенные — «ты нас не трогаешь, мы тебя не трогаем». Хотя на Голодных играх обыкновенное не в порядке вещей. Скорее всего это одна из capitoлийских геномодификаций — осы-убийцы. Подобно сойкам-говорунам они были созданы в лаборатории, и во время войны их гнезда рассовали в лесах вокруг дистриктов — вместо мин. Они крупнее обычных ос, у них золотистое тело, а жало такое, что при укусе сразу вскакивает волдырь размером со сливу. Большинство людей умирают от четырех-пяти укусов. Некоторые — от одного. Выжившие часто сходят с ума от галлюцинаций, вызываемых ядом. И еще: если кто-то потревожит их гнездо, осы не успокоятся, пока не закусает обидчика до смерти. На то они и убийцы.

После войны capitoлийцы уничтожили всех ос вокруг своего города, а гнезда вблизи дистриктов оставили нетронутыми. Еще одно напоминание о нашей слабости. Так же, как и Голодные игры. И еще одна причина не высовываться за пределы Дистрикта-12. Завидев в лесу осиное гнездо, мы с Гейлом тут же бежали в противоположную сторону.

И теперь такая штука висит у меня над головой? В поисках поддержки я обращаюсь к Руте, но та совершенно слилась со своим деревом. Темнота дарит мне короткую отсрочку, но к восходу профи обязательно придумают какую-нибудь хитрость, чтобы добраться до меня. У них и выхода другого нет, после того как я выставила их дураками. Так что гнездо, пожалуй, единственная моя надежда. Если я сброшу его на них, то, возможно, успею удрать. Разумеется, сама рискуя жизнью.

Близко к гнезду мне не подобраться. Придется отрезать сук у самого ствола и сбрасывать целиком вниз. Пилка у рукояти ножа должна выдержать. Выдержат ли мои руки? И не взбудоражится ли осиный рой от тряски? А если профи заметят, что я делаю, и перенесут лагерь в другое место? Тогда все пропало.

Мне приходит в голову, что самое подходящее время для того, чтобы пилить, — это пока играет гимн. А он вот-вот начнется. Я выбираюсь из спального мешка, поправляю нож на поясе и карабкаюсь вверх. Это само по себе опасно, сучья становятся слишком тонкими даже для меня, тем не менее я не сдаюсь. Возле сука, на котором висит гнездо, жужжание слышно

отчетливее. Для ос-убийц оно все-таки слабовато, если это действительно они. Дым! Они очумели от него! Дым был единственной защитой, которую повстанцы нашли против ос.

Надо мной вспыхивает герб Капитолия; гремит гимн. Сейчас или никогда. Я начинаю пилить. Неловко дергаю нож туда и сюда, сдирая волдыри на правой ладони. Пропиливаю желобок, дальше дело идет легче, но руки уже чуть не отваливаются. Стискиваю зубы и пилю, пилю. Только пару раз поднимаю взгляд на небо: сегодня все живы. Ну и хорошо. Зрители сегодня и так довольны: меня покалечили, загнали на дерево и теперь караулят, чтобы убить. Гимн заканчивается, небо темнеет, а я пропилила только три четверти сука.

Как быть? Закончить на ощупь? Не самая разумная идея. Вдруг осы еще не совсем отошли от дыма. Или гнездо зацепится за ветви. Когда я попытаюсь улизнуть, это может сыграть роковую роль. Лучше снова прокрасться сюда на рассвете, и тогда уж точно сбросить гнездо на головы врагов.

В слабом мерцании факелов дюйм за дюймом спускаюсь к своей развилине. Там меня ждет, наверно, самый лучший сюрприз в моей жизни: на спальном мешке лежит маленькая пластмассовая баночка, прикрепленная к серебряному парашютику. Мой первый подарок от спонсоров! Хеймитч, должно быть, отправил его во время гимна. Баночка легко помещается у меня на ладони. Что в ней? Конечно, не еда. Я откручиваю крышку. Пахнет лекарством. Осторожно касаюсь вязкой поверхности. Пульсирующей боли в кончике пальца как не бывало!

— Спасибо, Хеймитч! — шепчу я. Он не забыл обо мне. Не бросил на произвол судьбы. Мазь наверняка стоит кучу денег. Скорее всего, на одну эту крохотную баночку ушли пожертвования нескольких спонсоров. Для меня она бесценна.

Опускаю в нее два пальца и мягкими движениями мажу обожженную икру. Результат прям таки волшебный. Боль мгновенно уходит, остается ощущение приятной свежести. Это не варево, вроде тех, что готовит моя мама из размолотых лесных трав — лекарство приготовили капитолийские ученые в своих фантастических лабораториях. Обработав ногу, я втираю капельку мази в руки, заворачиваю баночку в парашют и бережно прячу на дно рюкзака. Теперь, когда боль утихла, я едва успеваю снова забраться в мешок, как тут же засыпаю.

Птичка, сидящая на ветке всего в нескольких футах от моей головы, предупреждает меня о наступающем рассвете. В сером предутреннем свете рассматриваю свои руки. Лекарство сотворило чудо: страшные ярко-

красные пятна стали нежно-розовыми, как у младенца. В ноге еще чувствуется жар, так там ведь и ожог был куда серьезнее. Я снова покрываю икру мазью и без лишней спешки собираю вещи. Потом времени не будет. Заставляю себя съесть галету с полоской вяленой говядины. Пью воду.

Вчера я почти весь день провела на пустой желудок, и это уже начало сказываться на самочувствии!

Внизу банда профи и Пит еще спят. Судя по тому, что Диадема спит сидя, привалившись к дереву, она должна дежурить, но и ее сморила усталость.

Щурюсь, пытаюсь разглядеть Руту на соседнем дереве, и ничего не вижу. Было бы нечестно не предупредить ее после того, что она сделала. К тому же если я сегодня погибну, то хочу, чтобы выиграла Рута. Пусть моя семья не получит дополнительные «призовые» крохи, но мысль, что победителем окажется Пит, просто непереносима.

Шепотом зову Руту, и тотчас из листвы выглядывают два больших испуганных глаза. Она опять показывает на гнездо. Я достаю нож и делаю пилящие движения. Кивнув, Рута исчезает. Ветви одного из соседних деревьев слегка шуршат. Потом тот же шорох слышится дальше. Рута перепрыгивает с дерева на дерево! Я едва удерживаюсь от смеха. Так вот что она продемонстрировала распорядителям Игр?! Представляю, как она перелетала с одного снаряда на другой в тренировочном зале, ни разу не коснувшись пола. За такое не грех и десятку поставить.

На востоке проступают розовые полосы зари. Ждать больше нельзя. В сравнении со вчерашней пыткой сегодня карабкаться одно удовольствие. Я помещаю нож в пропилил и собираюсь закончить дело, когда мой взгляд привлекает какое-то движение. Там, на гнезде. Яркая золотая бусина, осавбийца медленно ползет по бумажной серой поверхности. Насекомое пока еще вялое, но раз оно выбралось наружу, скоро появятся и другие. Бисеринки пота проступают на ладонях сквозь тонкий слой мази; как могу, я осушаю их тканью рубахи, стараясь не стереть лекарство.

Если не успею пропилить сук за несколько секунд, весь рой вырвется наружу и набросится на меня.

Оттягивать смысла нет. Делаю глубокий вдох, крепко сжимаю рукоять ножа и что есть мочи набрасываюсь на недопиленную часть сука. Раз-два, раз-два! Осы начинают гудеть, я слышу, как они выползают наружу. Раз-два, раз-два. Лезвие проходит насквозь, и я как можно дальше отталкиваю от себя конец сука. Он с шумом валится вниз, цепляясь за нижние ветви, пару раз ненадолго задерживается, но, крутнувшись, освобождается из

зеленых лап и наконец глухо ударяется о землю. Гнездо трескается, как яйцо, выпуская из себя яростное облако насекомых-убийц.

Не успеваю опомниться, как меня жалит уже вторая оса — в щеку, и еще одна в шею; от яда почти сразу же начинает кружиться голова. Крепко хватаюсь за дерево, а другой рукой выдергиваю из кожи зазубренные жала. К счастью, прежде чем гнездо рухнуло, меня заметили только три осы. Другие набросились на врагов вниз.

Началось столпотворение. Не успев проснуться, профи подверглись массовой атаке ос-убийц. Пит и двое-трое других сразу сообразили, что надо все бросить и уносить ноги.

«К озеру! К озеру!» — кричат они. Должно быть, озеро близко, раз они надеются добежать до воды раньше, чем их догонят осы. Диадеме и девушке из Дистрикта-4 не повезло: они отстали от остальных, и осы жалят их по несколько раз. Диадема совсем обезумела: она визжит и размахивает луком, безуспешно пытаясь отбиться от ос. Зовет на помощь, но, конечно, никто не возвращается. Девушка из Четвертого дистрикта, бредет, шатаясь, дальше, только вот до озера ей все равно не добраться. Диадема падает, судорожно бьется на земле и затихает.

Гнездо — пустая скорлупа. Все осы пустились в погоню и вряд ли вернутся. Тем не менее рисковать не стоит. Живо соскальзываю с дерева и бегу в сторону, противоположную озеру. Меня мутит от осинового яда, но с грехом пополам я нахожу дорогу к своей лужице и залезаю в воду на случай, если осы будут меня искать. Минут через пять выбираюсь на камни. Про укусы ос-убийц люди совсем не преувеличивали: волдырь у меня на колене даже не со сливу, а с апельсин. Из отверстий, откуда я вынула жала, сочится зловонная зеленая жидкость.

Отек. Боль. Выделения. Предсмертные судороги Диадемы. Слишком много для одного утра, а солнце еще даже не полностью встало из-за горизонта. Страшно подумать, на что сейчас похожа Диадема. Тело обезображено. Распухшие пальцы вцепились в лук...

Лук! Где-то в глубине одурманенного разума одна мысль цепляет другую, и вот я снова на ногах, плетусь, раскачиваясь из стороны в сторону, между деревьев, обратно, туда, где лежит Диадема. Лук. Стрелы. Я должна их добыть. Пушки не стреляли, Диадема, наверное, без сознания, ее сердце еще борется с осиным ядом. Как только оно остановится и прогремит выстрел, планолет заберет ее тело, а вместе с ним и лук со стрелами. Уже навсегда. Нет, второй раз я их не упущу!

Я подбегаю к Диадеме, как раз когда раздается выстрел. Ос уже нет. Девушку, неотразимо прекрасную в золотом платье на интервью,

невозможно узнать. Черты лица смазались, руки и ноги распухли в три раза. Волдыри лопаются, выплескивая гнилую зеленую жижу. Пытаюсь повернуть ее, тяну за руку, но тело расплывается, и падаю. Неужели это происходит на самом деле? Или у меня уже начались галлюцинации? Крепко зажмуриваюсь и дышу ртом, стараясь унять тошноту и удержать завтрак в себе: кто знает, когда я смогу охотиться. Второй выстрел. Наверное, умерла девушка из Четвертого дистрикта. Птицы смолкают. Одна издает протяжный жалобный крик: рядом планолет. В смятении мне кажется, что он прилетел за Диадемой, хотя этого не может быть: я ведь еще на экране и пытаюсь достать стрелы. Снова падаю на колени, деревья вокруг меня вращаются. В середине неба возникает планолет. Я бросаюсь на тело Диадемы, словно защищая его, потом вижу, как в воздух поднимают девушку из Дистрикта-4, и планолет исчезает.

— Шевелись! — приказываю я себе. Стиснув зубы, подсовываю руки под тело Диадемы там, где должны быть ребра, и переворачиваю ее на живот. Часто дышу. Это настолько кошмарно, что я уже не уверена в реальности происходящего. Тащу серебряный колчан, он за что-то зацепился — дергаю изо всех сил и вырываю. Прижимаю колчан к себе и слышу шаги: несколько пар ног идут через подлесок в мою сторону. Профи! Возвращаются, чтобы убить меня или забрать свое оружие. Скорее, и то и другое. Бежать поздно. Вытаскиваю из колчана испачканную слизью стрелу, пытаюсь зарядить, но вместо одной тетивы вижу сразу три, и вонь от них омерзительная. Я не могу. Не могу! Не могу!

Когда первый охотник с копьем наперевес вырывается из кустов, я беззащитна. На лице Пита непонятное мне изумление. Жду удара.

Рука Пита опускается.

— Что ты делаешь здесь до сих пор? — шипит он. Я смотрю на него непонимающим взглядом; по волдырю у него под ухом стекает струйка воды. Все тело Пита сверкает, будто омытое росой. — Ты с ума сошла? — Он толкает меня тупым концом копья. — Вставай! Живо! — Я поднимаюсь, а он продолжает меня толкать. Что это значит? Зачем? Пит больно меня пихает. — Беги! Ну беги же!

Следующим из зарослей выбирается Катон. Он тоже мокрый и искрит от влаги, а под глазом вспух страшный шишак. В солнечных лучах ярко блестит кинжал. И я бегу, как велел Пит, — крепко сжимая ладонями лук и стрелы, налетая на деревья, внезапно возникающие бог весть откуда на моем пути, спотыкаясь и падая. Назад, мимо знакомого родника, в совершенно чужой лес. Мир переворачивается с ног на голову. Бабочка вырастает до размеров дома и рассыпается на миллионы звезд.

Деревья становятся кровью и с плеском оmyвают мои ботинки. Из язв на руках выползают муравьи; я не могу их стряхнуть. Они ползут все выше и выше, до самой шеи. Слышу крик, пронзительный и долгий, без передышки. Смутно понимаю, что кричу я. Оступившись, падаю в неглубокую яму, наполненную крохотными оранжевыми пузырьками, гудящими, как осиное гнездо. Поджимаю колени к подбородку и жду смерти.

Напоследок в больном, помутившемся сознании вспыхивает: «Пит Мелларк снова спас тебе жизнь!»

Муравьи лезут в глаза, и я отключаюсь.

Я проваливаюсь в бесконечный кошмар, прерываемый минутами еще более страшного полубодствования. Все самое жуткое, что случилось или ещё может случиться со мной и с теми, кто мне дорог, предстает в таких ярких образах, что невозможно не поверить в их реальность. Очнувшись от одного видения, я не успеваю подумать: наконец-то закончилось, как подступает следующее, не менее мучительное. Сколько раз я видела смерть Прим. Была рядом с отцом в последние его минуты. Чувствовала, как мое тело разрывается на части. В этом особенность яда ос-убийц — он безошибочно находит, где в твоём мозге гнездится страх.

Когда прихожу в себя, я какое-то время не двигаюсь, словно боюсь разбудить новый приступ галлюцинаций. В конце концов понимаю, что их больше не будет: весь яд вышел из организма, оставив его разбитым и беспомощным. Продолжая лежать на боку в позе эмбриона, я подношу ладонь к глазам: муравьи, которых никогда не было, их не тронули. Чтобы просто выпрямить руки и ноги, требуются огромные усилия. Медленно, очень медленно принимаю сидячее положение. Я нахожусь в небольшом углублении, наполненном не жужжащими оранжевыми пузырями, а старыми, мертвыми листьями. Одежда мокрая, то ли от дождя или росы, то ли от пота. Пока я способна лишь пить мелкими глотками воду из бутылки и смотреть, как по ветке жимолости ползет жук.

Сколько времени я пробыла в беспамятстве? Когда я потеряла способность ясно мыслить, было утро. Сейчас дело к вечеру. Судя по тому, как у меня затекли ноги и онемели суставы, прошел не один день. Возможно, даже больше двух. В таком случае я никак не узнаю, кто из профи пережил нападение ос. Диадема и девушка из Четвертого дистрикта — точно нет. Остаются парень из Первого, оба трибута из Второго и Пит. Выжили ли они после укусов? Если да, то в эти дни им пришлось так же худо, как и мне. А как же Рута? Она такая маленькая, что и одного укуса хватит... С другой стороны, осам ведь нужно еще ее догнать, а она улизнула раньше других.

Во рту стоит мерзкий тухлый привкус, который не пропадает и от воды. Я подтягиваюсь к кусту жимолости и срываю цветок. Осторожно вытаскиваю губами тычинку, и на язык падает капелька нектара. Сладость растекается по рту и согревает кровь воспоминаниями о лете, о родных лесах, о Гейле. Почему-то на ум мне приходит наш разговор в то последнее

утро.

«А ведь мы смогли бы, как думаешь?»

«Что?»

«Уйти из дистрикта. Сбежать. Жить в лесу. Я думаю, мы бы справились».

И вдруг я ловлю себя на том, что думаю уже не о Гейле, а о Пите. Пит! Он спас мне жизнь! Когда мы с ним столкнулись, я уже плохо отличала явь от бреда, вызванного ядом. Но... если он вправду меня спас — а я верю, что так и было, — то зачем? Решил еще раз разыграть карту Нежно Влюбленного? Или он в самом деле хотел защитить меня? Тогда чего ради он вообще спутался с профи? С какой стороны ни посмотри — полная бессмыслица.

На секунду я задаюсь вопросом, что обо всем этом думает Гейл, и тут же отделяюсь от таких размышлений: не знаю почему, Пит и Гейл вместе плохо уживаются в моей голове.

Лучше порадоваться тому единственно хорошему, что случилось со мной на арене, с тех пор как я сюда попала. Я добыла лук! И у меня есть целых двенадцать стрел, если считать взятую с дерева. На них нет ни следа отвратительной зеленой слизи, которой истекал труп Диадемы — очевидно, это мне тоже привиделось, — а вот высохшей крови порядком. После отчищу. Мне не терпится испробовать оружие, и я выпускаю несколько стрел в ближайшее дерево. Лук почти такой же, как в Тренировочном центре. Не похож на мои самодельные. Это ерунда. Привыкну.

Оружие открывает для меня совершенно новые перспективы в Играх. Соперники сильны, только и я теперь не жертва, способная лишь бежать, скрываться и, рискуя погибнуть сама, сбрасывать осиные гнезда. Выскочи сейчас из-за деревьев Катон, я и не подумаю удирать. Я выстрелю. Уверена, мне это доставит удовольствие.

Хотя для начала неплохо бы хоть отчасти восстановить силы. Я опять потеряла много жидкости, а запас воды на исходе. Только-только малость отъевшись в Капитолии, теперь я стала худее, чем была дома. Аж мослы торчат, и ребра пересчитать можно. Никогда не была такой тощей, кроме тех жутких месяцев после отцовой смерти. И в довершение всего на мне живого места нет — сплошные ожоги, ссадины, синяки от ударов о деревья. И три волдыря от осиных укусов, по-прежнему большие и воспаленные. Ожоги я обрабатываю мазью. С волдырями пробую то же самое, только им хоть бы хны. Мама знает, чем их лечить. Надо прикладывать какие-то листья, и они вытягивают яд. Вот только дома в этом редко бывала надобность, так что я их не помню. Главное — вода.

Охотиться я теперь смогу по пути. Определить, откуда я пришла, не составляет труда — обезумев от яда, я бежала напролом сквозь кусты, обрывая листья и ломая ветви. Значит, теперь пойду в другую сторону. Надеюсь, мои враги все еще заперты в мире иллюзий. Идти быстро невозможно: ноги не слушаются. Постепенно нахожу подходящий темп — ступаю медленно, но уверенно, как на охоте, когда выслеживаю дичь. Спустя всего пару минут замечаю кролика, и он становится первым трофеем, добытым с помощью нового оружия. Это, правда, не мой фирменный выстрел точно в глаз, но для начала сойдет. Примерно через час набредаю на ручей — мелкий, зато широкий. Для моих нужд его вполне достаточно. Солнце жарит вовсю, и пока вода в бутылки очищается, я раздеваюсь до белья и вхожу в неспешный поток. Грязь покрывает меня с головы до пят, вначале я пробую обливаться руками, но в конце концов просто ложусь в воду, предоставляя ей самой смыть с меня копоть, кровь и отслоившуюся в местах ожогов кожу. Прополоскав в ручье одежду, развешиваю ее на кустах сушиться. Потом сижу на залитом солнцем бережке, распутывая волосы. Ко мне возвращается аппетит, и я съедаю галету с ломтиком говядины. Оттираю мхом кровь с серебряных стрел.

Посвежев от купания и еды, я обрабатываю ожоги, заново заплетаю косу и одеваюсь в еще влажную одежду. Солнце ее быстро досушит. Решаю отправиться вдоль ручья — всегда рядом будет вода, а где вода, там и дичь. Путь ведет вверх, и это мне тоже по душе. Без труда подстреливаю какую-то необычную птицу, похожую на дикую индейку. Во всяком случае, выглядит она вполне съедобной. Вечером развожу небольшой костерок — в сумерках дым не так заметен, а к ночи я огонь затушу. Разделяваю добычу, внимательно присматриваясь к птице. Вроде бы ничего подозрительного. Без перьев тушка не больше куриной, но тяжелая и плотная. Пристраиваю над углями первую порцию мяса. Вдруг сзади хрустнул сучок.

Мигом разворачиваюсь в сторону звука, одновременно вскидывая лук и накладывая стрелу. Никого. А если кто-то и есть, его не видно. И тут я замечаю, что из-за одного дерева выглядывает детский ботиночек. Расслабляю плечи и улыбаюсь. Надо отдать ей должное, по лесу она передвигается легче тени. Как иначе она сумела бы идти за мной так долго незамеченной? Слова срываются с языка, прежде чем я успеваю его прикусить:

— Знаешь, заключать союзы могут ведь не только профи.

В ответ — тишина. Потом из-за ствола выглядывает пара настороженных глаз.

— Ты это серьезно? Про союз?

— Почему нет? Ты спасла меня, показав осиное гнездо. Ты умная — иначе просто не выжила бы до сих пор. И вдобавок я все равно не смогу от тебя отвязаться.

Рута моргает.

— Хочешь есть?

Взгляд метнулся к мясу. Она сглатывает слюну.

— Присоединяйся. Я сегодня богатая. Рута неуверенно выходит на открытое место:

— Я могу вылечить волдыри от укусов.

— Правда? Чем?

Порывшись в своем мешочке, она вытаскивает пригоршню листьев. Я уверена: это те самые, что использует мама.

— Где ты их нашла?

— Тут недалеко. Мы всегда носим их с собой, когда работаем в садах. Там полно гнезд. И здесь гоже.

Точно. Дистрикт-11. Сельское хозяйство, сады.

— Так вот где ты научилась летать по деревьям, будто у тебя крылья.

Рута заулыбалась. Я коснулась приятной для нее темы — того, чем она может гордиться.

— Ну, тогда давай. Лечи.

Сажусь у костра и поднимаю штанину до колена. К моему удивлению, Рута берет горсть листьев в рот и жует. Моя мама сделала бы по-другому, но тут выбора нет. Хорошенько прожевав, Рута выплевывает противный зеленый комок мне на колено.

— О-о-о! — невольно вырывается у меня. Кажется, листья прямо-таки высасывают боль. Рута хихикает.

— Ты правильно сделала, что вытащила жала. С ними было бы еще хуже.

— Теперь на шею. И на щеку, — почти умоляю я.

Рута кладет в рот еще одну горсть листьев, и скоро мне хочется смеяться, так приятно почувствовать облегчение.

Я замечаю длинный ожог на Рутиной руке пониже локтя.

— У меня есть кое-что для этого. Откладываю лук и смазываю ей руку лекарством.

— Тебе повезло со спонсорами, — говорит она с завистью.

— А тебе ничего не присылали? Рута качает головой.

— Ничего, еще пришлют. Чем ближе к концу Игр, тем больше людей поймут, какая ты умная.

Я поворачиваю мясо.

— Ты не шутила, что хочешь взять меня в союзники?

— Нет, конечно. — Я почти слышу стон Хеймитча: надо ж— связалась с младенцем! Ну и пусть. Рута — боец, она не сдастся, а главное — я ей доверяю. Почему не признать это открыто? И еще она напоминает мне о Прим.

— Ладно. Я согласна.

Рута протягивает мне руку, и я ее пожимаю.

Конечно, любой союз здесь временный, но сейчас не хочется об этом думать.

Рута добавляет к нашему ужину горсть каких-то мучнистых кореньев. Поджаренные над костром, они пряные и сладкие, похожи на пастернак. И птица ей знакома, в ее дистрикте такие водятся, их называют грусятами. Бывает, в сад забредет целая стая, и тогда в кои-то веки можно прилично поесть. Разговор прерывается, пока мы усердно набиваем животы. Мясо грусенка очень вкусное и сочное. Когда кусаешь, по подбородку стекают капли жира.

— Уф, — выдыхает Рута. — В первый раз съела целую ножку.

Могла бы и не говорить. Сразу заметно, что мясо перепало ей нечасто.

— Бери другую, — предлагаю я.

— Можно?

— Бери сколько хочешь. С луком и стрелами мы не пропадем. А еще есть силки. Я тебя научу их ставить. — Рута нерешительно смотрит. — Да бери же! — Я сама сую ножку ей в ладонь. — Все равно через пару дней испортится, а мы и половины не съели. И кролик совсем целый.

Держа мясо в руке, Рута уже не может сдерживаться и с аппетитом вгрызается в него зубами.

— Я думала, в Дистрикте-11 еды больше, чем у нас. Вы ведь сами ее выращиваете.

Глаза Руты расширяются.

— Нет, что ты, из урожая ничего брать нельзя.

— А то что? В тюрьму посадят?

— Высекут при всех плетью. Наш мэр очень строгий.

По выражению ее лица видно, что там это в порядке вещей. В Дистрикте-12 публичная порка бывает, но редко. Строго говоря, нас с Гейлом могли бы сечь каждый день — и это еще мягкое наказание за охоту в лесах. Вот только все чиновники сами у нас мясо покупают. К тому же наш мэр, отец Мадж, не очень любит такие вещи. Наверное, жизнь в самом бедном, непривлекательном и высмеиваемом дистрикте имеет свои

преимущества: обычно Капитолию нет до нас дела, лишь бы достаточно угля добывали.

— А вы себе берете угля, сколько нужно? — спрашивает Рута.

— Нет. Сколько сможем купить. Бесплатно только то, что на башмаках принесем.

— Когда урожай собираем, нас кормят получше, чтобы мы весь день могли работать.

— А в школу вы ходите?

— Во время уборки — нет. Все работают.

Мне нравится слушать про жизнь Руты. Мы почти никогда не встречаемся ни с кем из других дистриктов. И этот наш разговор по телевизору вряд ли покажут, хотя ничего такого в нем нет. В Капитолии не хотят, чтобы мы что-то знали друг о друге.

Рута предлагает пересмотреть наши запасы: будет легче рассчитывать наперед, как тратить. К тому, что она уже видела, я добавляю только пару галет и чуть-чуть говядины. Рута выкладывает коренья, орехи, зелень и даже немного ягод.

С сомнением катаю в пальцах незнакомую ягоду.

— Ты уверена, что они не ядовитые?

— Да, у нас дома растут такие. Я их уже несколько дней ем. — Рута запихивает в рот целую горсть.

Я осторожно раскусываю одну — ничем не хуже нашей ежевики. Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что не ошиблась в выборе союзницы. Мы разделяем припасы — если вдруг придется расстаться, у каждой будет еды на несколько дней. Кроме съестного, у Руты есть маленький бурдюк для воды, самодельная рогатка, запасные носки и острый осколок камня вместо ножа.

— Мало, конечно, — говорит она смущенно, — но я старалась быстрее обратиться от Рога изобилия.

— И правильно.

Я тоже раскладываю свои вещи. Увидев солнечные очки, Рута даже присвистывает от удивления:

— Откуда они у тебя?

Я пожимаю плечами.

— В рюкзаке были. Пока что негодились. От солнца совсем не защищают, только хуже видно.

— Они не от солнца, они для темноты! — восклицает Рута. — Иногда, когда мы работаем ночью, нам выдают несколько пар для тех, кто сидит высоко на деревьях, куда свет от фонарей не достает. Как-то раз один

мальчик, Мартин, не вернул свою пару, спрятал в штанах. Его убили на месте.

— Убили человека за эту штуковину?

— Да, хотя все знали, что он безобидный. У Мартина было не в порядке с головой, он вел себя, как трехлетний. Просто поиграть хотел.

После рассказов Руты Дистрикт-12 кажется прямо-таки раем небесным. У нас люди порой валяются с ног от голода, но я и представить себе не могу, чтобы миротворцы убили слабоумного ребенка. У Сальной Сэй есть внучка с приветом. Постоянно бродит по рынку. Все ее любят, дают ей еду и всякие безделушки.

— Так что это за очки такие? — спрашиваю я.

— В них можно видеть в полной темноте. Попробуй сегодня вечером, когда солнце скроется.

Я даю Руте немного спичек, а она мне вдоволь листьев на случай, если укусы снова воспалятся. Потом мы тушим костер и идем вверх по течению ручья, пока не темнеет.

— Ты где спишь? — спрашиваю я. — На деревьях? — Рута кивает. — В одной куртке?

Она показывает запасные носки.

— Надеваю их на руки.

Как же она вытерпела? Ночи были холодные.

— Если хочешь, давай спать вместе в моем мешке. Мы легко поместимся вдвоем.

Ее лицо светлеет. Видно, о таком она даже не мечтала.

Находим дерево с высокой развилиной и устраиваемся на ночь. Играет гимн. Сегодня никто не умер.

— Рута, я ведь только сегодня очнулась. Сколько ночей я пропустила?

Гимн заглушает наши слова, а я все равно говорю шепотом и даже прикрываю губы рукой. Я собираюсь рассказать о Пите и не хочу, чтобы зрители слышали. Рута меня понимает и отвечает так же.

— Две ночи. Девушки из Первого и Четвертого дистриктов погибли. Теперь нас десять.

— Случилось что-то странное. Но я не уверена. Может, мне все привиделось из-за яда, — продолжаю я. — Знаешь парня из моего дистрикта? Пита? Мне кажется, он меня спас. Но он ведь вместе с профи.

— Уже нет. Я следила за их лагерем у озера. Они успели туда вернуться, а потом вырубались. Пита с ними не было. Если он тебя спас, то ему пришлось от них сбежать.

Я молчу. Неужели Пит действительно меня спас и я снова у него в

долгу? Возвратить этот долг я уже не сумею.

— Если даже так, то это всего лишь часть его плана. Убедить зрителей, что он в меня влюблен.

— Да-а? — задумчиво произносит Рута. — А я все принимала за правду.

— Какое там. Они придумали это вместе с нашим ментором.

Гимн заканчивается, и небо гаснет.

— Давай испытаем очки.

Я вытаскиваю их и надеваю. Рута не шутила. Видно все, вплоть до отдельных листочков на деревьях. Футах в пятидесяти от нас меж кустов крадется скунс. Я бы могла убить его, не слезая с дерева, если бы захотела. Я бы могла убить кого угодно.

— Интересно, есть у кого-нибудь еще такие?

— У профи. Две пары, — отвечает Рута, — У них все есть. И они сильные.

— Мы тоже сильные, — говорю я. — Только по-другому.

— Ты — да. Ты умеешь стрелять. А я что?

— Ты можешь сама себя прокормить. Они могут?

— Им и так хорошо. Захватили все запасы и в ус не дуют.

— А если бы не было запасов? Пропали? Долго бы они продержались? — не унимаюсь я. — У нас ведь Голодные игры, так?

— Игры голодные, зато профи сытые, — возражает Рута.

— Да. В этом-то и проблема, — сдаюсь я. И тут впервые в голове у меня рождается план. Не жалкая мыслишка о том, как унести ноги или избежать встречи с противником, а настоящий план нападения. — И я, кажется, знаю, что надо делать.

Рута окончательно мне доверилась. Как только заканчивается гимн, она прижимается ко мне и засыпает. Я тоже не жду от нее подвоха и не осторожничаю. Если бы она хотела моей смерти, ей только и нужно было, что потихоньку убраться от того дерева и не показывать мне гнездо ос-убийц. Где-то в глубине сознания меня тревожит очевидное: мы не можем победить обе. Но поскольку пока ни у одной из нас нет по-настоящему шансов выжить, я не позволяю этой тревоге взять верх.

К тому же меня сейчас занимает совсем другое: профессионалы и их припасы. Нам с Рутой надо как-то исхитриться и уничтожить у них все съестное. Уверена, прокормить самих себя станет непосильной задачей для профи. У них как: приберут к рукам всю еду — и тогда они герои. Однако были случаи, когда даже сохранить запасенное профи толком не умели — однажды, к примеру, провизию сожрали отвратительные ящерицы, в другой раз смыло наводнением, устроенное распорядителями Игр, — и вот в те-то годы побеждали, как правило, трибуты из других дистриктов. Преимущество профи оборачивается недостатком: с детства привыкнув к регулярной кормежке, они не умеют справляться с голодом. Не то что мы с Рутой. Сейчас я слишком устала, чтобы разрабатывать план в деталях. Боль в ранах отступила, мысли окутаны легким дурманом от яда, рядом тепло Руты, приклонившей голову к моему плечу, — все это создает ощущение безопасности. В первый раз я осознала, какой одинокой была до сих пор на арене, как приятно чувствовать чью-то близость. Я погружаюсь в дремоту, твердо решив напоследок, что завтра расстановка сил на арене переменится. С завтрашнего дня испуганно озираться по сторонам будут профи.

Грохот пушечного выстрела вырывает меня из объятий сна. Небо исчерчено полосками предутреннего света, щебечут птицы. Рута сидит на ветке напротив меня и что-то держит в ладонях. Жду, не будет ли еще выстрелов, но все тихо.

— Как думаешь, кто это был? — спрашиваю я, невольно тревожась за Пита.

— Не знаю. Кто угодно, кроме нас. Вечером, может быть, узнаем.

— Напомни мне еще раз оставшихся.

— Парень из Первого. Оба трибута из Второго. Парень из Третьего. Цеп. Я. И ты с Питом, — перечисляет Рута. — Это восемь. Да, еще мальчик

из Десятого — тот, с больной ногой. С ним девять.

Есть еще кто-то, но ни я, ни Рута не можем его вспомнить.

— Интересно, как это случилось, — шепчет Рута.

— Кто знает. Но у нас появился лишний шанс. Публика на время успокоится, и мы должны действовать, пока распорядители снова не решили, что Игры идут чересчур вяло, — отвечаю я. — А что у тебя в руках?

— Завтрак. — Рута раскрывает ладони: в них два больших яйца.

— Ух ты! Это чьи же такие?

— Точно не скажу. В той стороне болото. Наверное, какой-то водяной птицы.

Яйца неплохо бы сварить, но мы не рискуем зажигать огонь. Скорее всего, смерть трибута, о которой прогремела пушка, дело рук профессионалов, а значит, они уже оклемались. Мы выпиваем яйца сырыми. Потом съедаем кроличью ножку и немного ягод. Завтрак все равно удался.

— Ну, ты готова? — спрашиваю я, беря рюкзак.

— Готова к чему? — осведомляется в свою очередь Рута, но по тому, как она сразу оживилась, видно, что любая моя затея будет принята без лишних сомнений.

— Сегодня мы отнимем у профи их еду, — поясняю я просто.

— Правда? Как?

В глазах Руты вспыхивают задорные огоньки. Тут она совершеннейшая противоположность Прим, для которой приключения всегда только в тягость.

— Понятия не имею. Пойдем, будем думать, пока охотимся.

Толком заняться охотой не получается: я слишком увлечена расспросами, стараюсь выяснить о профи все что можно. Рута следила за ними совсем недолго, но она наблюдательная. Лагерь они разбили у озера, а хранилище запасов устроили ярдах в тридцати в сторону. Днем его охраняет мальчик из Третьего дистрикта.

— Мальчик из Третьего дистрикта? — удивляюсь я. — И он с ними?

— Да, он целыми днями торчит в лагере. От ос-убийц ему тоже досталось, когда профи притащили их за собой к озеру. Они держат его за сторожа, поэтому, наверное, и не убили до сих пор. Сам он не очень крепкий.

— Он вооружен?

— Не особенно, насколько я заметила. Копье есть. Двух-трех из трибутов он смог бы одолеть, но Цеп легко бы его убил.

— И еда лежит просто так? Под открытым небом? — спрашиваю я. Рута кивает. — Что-то тут не так. Не нравится мне это.

— Мне тоже. Только не пойму что, — признается Рута. — И, Китнисс, даже если ты подберешься к еде, как ты ее уничтожишь?

— Сожгу. Сброшу в озеро. Оболью жидкостью для горелок. — Я шутливо тычу Руту пальцем в живот, как если бы на ее месте была Прим. — Я съем! — Рута хихикает. — Не бойся, что-нибудь придумаю. Испортить — дело нехитрое.

Некоторое время мы собираем коренья, рвем ягоды и травы, тихо обсуждаем планы, как нам победить мерзких профи. Рассказываем друг другу о себе. Рута — старший ребенок в семье, у нее шестеро братьев и сестер, которых она никому не дает в обиду. С самыми маленькими она делится своими пайками. Ищет еду на лугах. Это тоже запрещено, а миротворцы там гораздо суровее, чем у нас. И при всем том — на вопрос, что она любит больше всего, Рута, не задумываясь, отвечает: музыку.

— Музыку? — удивляюсь я. Для меня музыка по части полезности занимает место где-то между бантиками для волос и радугой. Да и то — по радуге можно, по крайней мере, погоду узнать. — У тебя есть время на музыку?

— Мы поем дома. И на работе тоже. Поэтому мне нравится твоя брошь.

Рута показывает на золотую сойку-пересмешницу, о которой я уже совсем и думать забыла.

— В вашем дистрикте водятся пересмешницы?

— Полно. С некоторыми я даже подружилась. Мы можем часами петь друг другу песни. А еще они передают вести.

— То есть как?

— Обычно я сижу выше всех на деревьях и первая вижу флаг, когда рабочий день заканчивается. Тогда я пою коротенькую мелодию. Вот так. — Рута открывает рот, и из него раздаются четыре нежные, чистые нотки. — А пересмешницы в саду подхватывают ее, и сразу все знают: на сегодня работа кончилась.

Я отстегиваю брошь и протягиваю Руте:

— Возьми. Для тебя она значит больше, чем для меня.

— Нет-нет. — Рута поспешно сжимает своей ладошкой мои пальцы вокруг броши. — Пусть она будет у тебя. Из-за нее я решилась тебе довериться. А у меня есть вот это. — Она вытаскивает из-под воротника ожерелье, сплетенное из какой-то травы. На нем висит грубая деревянная звездочка или, быть может, цветок. — Это хороший талисман.

— Что ж, до сих пор он помогал, — соглашаюсь я, прикалывая сойку обратно к рубашке. — Не расставайся с ним.

К полудню наш план готов. Перекусив, мы приступаем к его осуществлению. Я помогаю Руте собрать и сложить хворост для двух костров. Третьим она займется, когда я уйду. Встретиться мы договариваемся на том самом месте, где вчера вместе ужинали. Идя вдоль ручья, его легко найти. Перед уходом удостоверяюсь, что у Руты достаточно еды и спичек, и оставляю ей спальный мешок — вдруг не удастся вечером встретиться.

— А как же ты? Сама ведь замерзнешь.

— Не замерзну. Достану себе другой мешок у озера. Здесь красть не запрещено, — говорю я с улыбкой.

В последний момент Рута решает научить меня своему сигналу — тому, что означает конец работы.

— Здесь может и не сработать, но если услышишь, что пересмешницы его поют, знай, что, со мной все в порядке, только я не могу сейчас прийти.

— Тут много пересмешниц? — спрашиваю я.

— А ты разве не видела? Кругом их гнезда, — отвечает Рута.

Я вынуждена признать, что действительно их не замечала.

— Ну, пока. Если все пойдет по плану, вечером увидимся, — говорю я.

Неожиданно Рута обнимает меня. Секунду поколебавшись, я прижимаю ее к себе.

— Будь осторожна, — просит она.

— Ты тоже.

Поворачиваюсь и ухожу. Обратно к ручью. На душе тревожно. Боюсь за Руту, что ее убьют. Боюсь, что никого из нас не убьют, и в конце Игр мы будем вдвоем, друг против друга. Боюсь оставлять ее одну. Боюсь за Прим, которую я оставила одну дома. Хотя у Прим есть мама, и Гейл, и пекарь, обещавший о ней заботиться. У Руты есть только я.

Добравшись до ручья, шагаю вдоль берега к тому месту, куда вышла вчера, очнувшись после нападения ос. Теперь, когда с дорогой все ясно, приходится то и дело одергивать себя, чтобы не забыть, где я нахожусь. В голову лезут разные мысли, вопросы без ответов, большинство из которых касаются Пита. Тот утренний выстрел — уж не его ли смерть он возвестил? А если да, то как это случилось? Убил ли его кто-то из профи? И не за то ли, что он оставил меня в живых? Стараюсь вспомнить, как все было тогда, у тела Диадемы. Когда Пит выскочил из кустов, он сиял! Уже одно это заставляет меня сомневаться в реальности того, что произошло потом.

Вчера я, должно быть, тащилась как черепаха, Потому что всего пару

часов спустя вижу знакомую отмель. Тут я пополняю запас воды и еще раз обмазываю грязью рюкзак. Похоже, сколько это ни делай, оранжевый цвет все равно со временем возьмет свое.

Чем ближе лагерь профи, тем сильнее обостряются мои чувства, тем осматрительнее я становлюсь. Прислушиваюсь к каждому звуку, держа наготове заряженный лук. Никто из трибутов мне не встречается. Зато теперь я замечаю многое из того, о чем говорила Рута. Сладкие ягоды. Куст с листьями, помогающими от укусов. Множество осиных гнезд неподалеку от дерева, на котором я спасалась от профи. И время от времени всплеск черно-белого крыла в высоких ветвях — вот они, сойки-пересмешницы.

Подойдя к дереву с расколотым гнездом у подножия, на минуту останавливаюсь, чтобы собраться с духом. Рута подробно объяснила, как выйти отсюда к самому удобному пункту наблюдения вблизи озера. Не забывай, говорю я себе, теперь ты охотник, они — жертвы. Крепче сжимаю лук и продолжаю путь. Оказавшись в зарослях подлеска, снова поражаюсь сообразительности Руты. Здесь, на самом краю леса, листва такая густая, что можно спокойно наблюдать за лагерем профи без риска быть обнаруженной. Между нами — ровная площадка, откуда стартовали Игры.

Их четверо. Парень из Первого дистрикта, Катон, девушка из Второго и еще один худосочный паренек, должно быть, из Дистрикта-3. За все время, пока мы были в Капитолии, он практически ничем мне не запомнился. Не знаю, какой на нем был костюм, сколько баллов ему дали за тренировки, не помню интервью с ним. Даже теперь он почти незаметен в окружении своих больших, грозных компаньонов — сидит себе и возится с какой-то пластмассовой коробочкой. Однако он определенно чем-то для них полезен, иначе бы его не оставили в живых. Чем? Эта загадка лишь усиливает мою тревогу.

Все четверо, похоже, еще не вполне отошли от укусов ос-убийц. Даже отсюда видны здоровенные шишки на их телах. Вытащить жала профи, скорее всего, не догадались, а если и вытащили, то они ведь ничего не знают о целебных листьях. Лекарства из Рога изобилия, очевидно, не помогли.

Сам Рог лежит, где и был, только теперь он пуст. Большая часть ценностей в ящиках, мешках и пластиковых коробах сложена аккуратной пирамидой довольно далеко от лагеря. Подозрительно далеко. Кое-что разбросано по периметру — почти как вокруг Рога изобилия в начале Игр.

Пирамиду окружает сетчатый навес, годящийся разве что для отпугивания птиц.

Все это — и расстояние, и сеть, и само присутствие мальчика из

Третьего дистрикта — совершенно сбивает с толку и означает одно: уничтожить запасы будет совсем не так легко, как казалось. Здесь точно есть какая-то хитрость». И до тех пор, пока я ее не разгадаю, лучше стоять и не рыпаться. Скорее всего, рядом с пирамидой устроена ловушка, а может, и не одна. На ум приходят замаскированные ямы, падающие сверху сети, нить, разорвав которую, получаешь отравленный дротик в сердце. Возможностей не счесть.

Я раздумываю, как поступить, когда до меня доносится крик Катона. Он показывает в сторону леса далеко позади меня. Я не оборачиваюсь: и так понятно, что Рут зажгла первый костер. Мы с ней специально набрали сырых веток, чтобы дым был густой. Профи тут же начинают вооружаться.

Разгорается спор, брать ли с собой мальчика из Третьего дистрикта или пусть остается здесь. Кричат громко, и я слышу почти все.

— Он пойдет с нами. В лесу он пригодится, а здесь ему теперь делать нечего. Запасов никто не тронет, — говорит Катон.

— А женишок? — возражает парень из Первого.

— Говорю тебе, забудь о нем. Я здорово его резанул. Удивительно, что он до сих пор не истек кровью. Ему точно не до нас, — отвечает Катон.

Стало быть, Пит где-то в лесу и сильно ранен. Я до сих пор не представляю, зачем ему понадобилось предавать профи.

— Идем.

Катон бросает копье в руки паренька из Дистрикта-3, и они все уходят в направлении костра. Последнее, что я слышу, прежде чем их голоса теряются в глубине леса, это слова Катона:

— Когда мы ее отыщем, я убью ее по-своему, и никто пусть не лезет.

Не думаю, что он имел в виду Руту. Гнездо с осами-убийцами сбросила не она.

Еще около получаса стою на месте, не зная, что предпринять. Лук и стрелы дают мне возможность действовать на расстоянии. Например, выпустить в пирамиду горящую стрелу — я без труда попаду в одну из ячеек сети, — но какой шанс, что вещи загорятся? Скорее всего, стрела затухнет, и что тогда? Без толку потеряю стрелу, да еще и подарю профи слишком много информации о себе: была здесь, хорошо стреляю из лука, и у меня есть сообщник.

Выбора нет. Надо подобраться ближе и там разбираться, чем защищена пирамида. Я уже совсем было вышла наружу, как вдруг мой взгляд улавливает движение. В нескольких сотнях ярдов справа от меня из леса показывается чья-то фигура. Секунду мне кажется, что это Рута, а потом я узнаю Лису — вот о ком мы не вспомнили сегодня утром. Девушка

осторожными шажками крадется на площадку, потом, убедившись, что никого рядом нет, быстро семенит к пирамиде, туда, где разбросаны вещи, останавливается, внимательно осматривает землю и тщательно выбирает место, куда поставить ногу. Дальше она передвигается странными мелкими скачками, иногда приземляется на одну ногу, слегка покачиваясь, иногда отваживается на короткую пробежку. Один раз, перепрыгивая через небольшой бочонок, она, видимо, оттолкнулась слишком сильно: приземлившись на носочки, она не удерживает равновесия и по инерции падает вперед. Ее руки касаются земли, и я слышу отчаянный визг, но ничего не происходит. Через мгновение девушка поднимается и продолжает двигаться в той же непонятной манере, пока не оказывается у цели.

Как и следовало ожидать, я была права насчет ловушек, вот только на самом деле они явно сложнее, чем я думала. По поводу девушки я тоже не ошиблась: какой ловкой и хитрой надо быть, чтобы найти этот путь и так искусно им пользоваться. Сейчас она наполняет рюкзак, беря везде понемногу: галеты из ящика, несколько яблок из мешка, свисающего на веревке с пластмассового контейнера. Отовсюду только горсть или две, чтобы никто не заметил пропажи. Потом совершает свой причудливый танец обратно за пределы опасного круга и мчится в лес, целая и невредимая.

От злости я даже зубами закричала. Лиса, конечно, только подтвердила мои подозрения, но что это за ловушки такие? Неужели их так много? Или много механизмов, приводящих их в действие? Почему Лиса так закричала, когда ее руки коснулись земли? Можно подумать... и тут до меня начинает доходить... можно подумать, она боялась, что земля сейчас взорвется.

— Мины, — шепчу я.

Это объясняет все. И то, почему профи безбоязненно оставляют запасы без присмотра, и ужас Лисы, и что здесь делает мальчик из Дистрикта-3. У них же там заводы, где производят телевизоры, автомобили и взрывчатые вещества. Вот только откуда взяться взрывчатке на арене? Вряд ли она была в Роге изобилия. Такого рода оружие распорядители обычно не дают: гораздо увлекательнее, когда мы проливаем кровь от рук друг друга. Я осторожно выбираюсь из кустарника и подхожу к одному из дисков, на которых нас поднимали на арену. Земля вокруг изрыта и притоптана вновь. Мины были выключены спустя шестьдесят секунд после того, как мы оказались на поверхности, однако мальчик из Дистрикта-3 сумел их реактивировать. Никто раньше так не дел. Уверена, это стало сюрпризом даже для распорядителей Игр.

Что ж, не только им нас огорошивать. Ура мальчику из Третьего дистрикта! Только вот как теперь быть мне? Ясно, что едва я ступлю в этот чертов круг, как тут же взлечу на воздух. О горячей стреле теперь, тем более, и речи быть не может. Мины срабатывают при надавливании. Даже если давит что-то очень легкое. Был случай, когда девушка уронила свой талисман, маленький деревянный шарик, пока стояла на диске. Ее пришлось буквально соскребать с земли.

Я хорошо бросаю. Попробовать швырять камни? И чего я добьюсь? Допустим, одна мина взорвется. Возможно, от нее начнут взрываться другие. А если нет? Умный мальчик из Третьего дистрикта мог ведь установить их так, чтобы взрыв одной не затрагивал остальные — тогда и вор погибнет, и запасы целы останутся. Да и о чем я думаю? Сеть явно установлена для того, чтобы обезопасить пирамиду от подобного покушения. Чтобы вызвать цепь взрывов, нужно бросить не меньше тридцати камней одновременно.

Обернувшись к лесу, вижу, что к небу уже поднимается столб дыма от второго костра. Скоро профи заподозрят неладное. Надо торопиться.

Должен быть какой-то выход. Уверена. Мне бы только как следует сосредоточиться. Внимательно оглядываю пирамиду, ящики, контейнеры, фляги — все слишком тяжелое, чтобы опрокинуть стрелой. В одной из фляг наверняка масло для жарки. Снова возвращаюсь к идее с горячей стрелой, но понимаю, что, вероятнее всего, растрачу все двенадцать стрел и так и не попаду в нужную флягу, потому что придется выбирать наугад. Я даже всерьез подумываю повторить виртуозную прогулку Лисы — вдруг там вблизи отыщется какой-то иной способ разрушения, — когда мой взгляд падает на мешок с яблоками. Одним единственным выстрелом я могла бы перерубить веревку, разве не то же самое я сделала в Тренировочном центре? Мешок большой, да что толку: хорошо, если на одну мину попадет. Другое дело яблоки. Вот бы их освободить...

Наконец я знаю, что делать. Подхожу ближе и готовлю три стрелы — должно хватить. Становлюсь в стойку и, пока прицеливаюсь, забываю обо всем мире. Первая стрела прокалывает мешок сбоку у самого верха, оставляя небольшой разрыв. Вторая расширяет его до дыры. Одно из яблок уже качается, готовое упасть, когда я выпускаю третью стрелу, которая захватывает болтающийся кусок ткани и отдирает его от мешка.

Мгновение кажется, что ничего не происходит. Потом яблоки разом падают на землю, и мощный поток воздуха поднимает меня и отбрасывает назад.

Удар об утрамбованную землю едва не вышибает из меня дух. Рюкзак лишь немного смягчил падение. К счастью, колчан каким-то образом оказался зажат у меня под мышкой, благодаря чему и он, и мое плечо остались целы. Лук из рук я тоже не выпустила. Земля подо мной все еще сотрясается от взрывов, но я их не слышу. Не слышу совсем ничего. Как бы то ни было, яблоки, очевидно, подорвали достаточно мин, чтобы остальные взорвались от осколков. Я закрываю лицо ладонями, пока сверху дождем падают горящие обрывки и ошметки. Воздух наполняется едким дымом — не самое приятное для того, кто пытается снова научиться дышать.

Скоро вибрация прекращается. Я перекатываюсь на бок и наслаждаюсь видом дымящихся обломков, бывших только что аккуратной пирамидой. Едва ли профи смогут что-то спасти.

Пора убираться. Лучше быть подальше, когда они примчатся сюда. Встав на ноги, я понимаю, что бегство будет нелегким делом. Кружится голова. И это не заурядное недомогание, а кое-что похлеще: деревья вихрем проносятся вокруг меня, земля ходит ходуном.

Делаю несколько шагов и, сама не понимаю как, оказываюсь на четвереньках. Жду несколько минут в надежде, что все пройдет. Ничего не проходит.

Меня охватывает паника. Нельзя оставаться здесь. Бегство — вопрос жизни. Но я не в состоянии идти и вдобавок ничего не слышу. Прижимаю ладонь к левому уху — тому, что было обращено в сторону взрыва, — на ладони появляется кровь. Вдруг я оглохла насовсем? Какой ужас! Для охотника слух важен так же, как и зрение, иногда даже важнее. Плюс ни в коем случае я не должна показывать страх. Вне всякого сомнения, меня сейчас показывают в прямом эфире на всех телеэкранах Панема.

И никаких кровавых следов! — приказываю я себе, с трудом натягивая на голову капюшон и завязывая его непослушными пальцами под подбородком, чтобы кровь не вытекала наружу. Идти я не могу, ну а если ползти? Осторожно пробую двигаться. Да, очень медленно, но получается. Деревья вокруг слишком редкие. Единственная надежда — вернуться в Рутин подлесок и затаиться в густой листве. Нельзя, чтобы меня застали здесь на карачках под открытым небом. Меня не просто прикончат, Катон позаботится, чтобы моя смерть была долгой и мучительной. Мысль о том, что Прим суждено это увидеть, подстегивает меня, и я упорно, дюйм за

дьюмом, тащусь к укрытию.

Еще один взрыв, и я въезжаю лицом в землю. Видимо, одна из мин находилась дальше других, а теперь сработала от какого-нибудь упавшего ящика. Это повторяется еще два раза, напоминая о последних лопающихся зернышках кукурузы, когда ее поджариваешь на огне, как мы делали с Прим дома.

Сказать, что я успеваю спрятаться в последний момент — это ничего не сказать. Только я вползаю в гущу кустарника, как на площадку вылетает Катон, а следом вся компания. Его ярость настолько неистова, что почти комична — оказывается, люди на самом деле рвут на себе волосы и бьют кулаками землю. Я бы рассмеялась, если бы не знала, на кого направлена эта буря негодования. Мне страшно. Мало того, что я рядом, так еще неспособна ни бежать, ни защищаться. Хорошо еще, кустарник не позволит камерам показать крупным планом, как я почем зря грызу ногти, обкусывая последние пятнышки лака, лишь бы не стучать зубами на весь лес.

Мальчик из Дистрикта-3 бросает камнями в руины, проверяя, все ли мины взорвались: профи подходят к жалким остаткам изобилия.

Первый мощный шквал гнева утих, и Катон теперь вымещает злость, пиная искореженные ящики и контейнеры. Другие трибуны ковыряются в кучках мусора, безуспешно пытаясь отыскать что-нибудь целое. Парень из Третьего дистрикта слишком хорошо сделал свое дело. Видимо, эта же мысль осеняет Катона, который поворачивается к нему и, кажется, ругается. Паренек едва успевает побежать, как профи настигает его и хватает за шею. По мускулам Катона пробегает рябь, когда он сворачивает мальчишке голову. Вот так вот. Будто муху прихлопнул. Двое других профи пытаются успокоить Катона. Насколько я понимаю, он хочет вернуться в лес, а те удерживают его и почему-то показывают на небо. Ну конечно же. Они уверены, что виновник взрывов погиб.

Откуда им знать про стрелы и яблоки. Во всем винят неправильно установленные мины и думают, что незадачливый воришка подорвался сам. Выстрел пушки запросто можно было не услышать за взрывами, а тело, или то, что от него осталось, забрал планолет. Профи отходят подальше к озеру, чтобы распорядители прислали за убитым мальчиком. Ждут.

Вот, кажется, выстрелила пушка. Появляется планолет и забирает труп. Солнце опускается за горизонт. Наступает ночь. Высоко в небе появляется герб, и должен играть гимн. Мгновение темноты, потом высвечивают лицо мальчика из Дистрикта-3 и следом еще одного — из Дистрикта-10. Того, что погиб утром. Снова герб. Теперь они знают: их враг жив. В свете герба я замечаю, что Катон и девушка из Второго

дистрикта надевают очки ночного видения. Мальчик из Первого зажигает древесный сук вместо факела; огонь высвечивает суровую решимость на их лицах. Профи углубляются в лес. Охота началась.

Голова кружится уже меньше. Левое ухо по-прежнему ничего не слышит, зато в правом появился звон — надеюсь, это хороший знак. В любом случае, уходить я пока не собираюсь. Здесь, у места преступления, я, пожалуй, в большей безопасности, чем где-либо еще на арене. Профи, наверное, думают, что диверсант уже два-три часа бежит по лесу. Пусть так думают. Я отсюда не скоро выйду.

Первым делом я достаю и надеваю свои очки. Когда работает хотя бы одно из моих чувств охотника, я чувствую себя увереннее. Пью немного воды и вымываю кровь из уха. Опасаясь, что запах мяса привлечет хищников — если моей собственной крови будет недостаточно, — я ограничиваюсь легким, но вкусным ужином из зелени, корней и ягод, которые мы с Рутой собрали утром.

Где теперь моя маленькая союзница? Пришла ли она на условленное место? Волнуется ли за меня? По крайней мере, сегодня на небе наших лиц не было.

Пересчитываю на пальцах оставшихся трибутов. Из Первого только парень, из Второго оба, Лиса и две пары из Одиннадцатого и Двенадцатого. Всего лишь восемь. В Капитолии теперь всюду делают ставки и заключают пари. На телевидении каждому трибуту посвящают специальные выпуски, проводят интервью с друзьями и родственниками. Уже давно никто из Двенадцатого дистрикта не попадал в восьмерку. А сейчас нас даже двое. Хотя, если верить Катону, Пит скоро умрет. С другой стороны, слово Катона не приговор. Разве он не был уверен, что его запасы в полной безопасности?

Семьдесят четвертые Голодные игры объявляются открытыми, Катон. Для тебя они только начинаются.

Подул холодный ветерок. Тянусь за своим спальным мешком и вспоминаю, что оставила его Руте. Я ведь собиралась добыть себе другой, но куда уж там со всеми этими минами и прочими напастями. Меня пробирает дрожь. Ночевать на дереве сегодня и так опасно, поэтому я раскапываю между кустами небольшую выемку и, забравшись туда, укрываюсь листьями и сосновыми иголками. Все равно слишком холодно. Набрасываю сверху кусок непромокаемой пленки и загораживаюсь от ветра рюкзаком. Становится немного лучше. Теперь я больше сочувствую девушке из Дистрикта-8, которая разожгла костер в первую ночь на арене. Смогу ли я сама стиснуть зубы и продержаться до утра? Сгребая на себя со

всех сторон листья и иголки, засовываю руки под куртку и сворачиваюсь калачиком. В конце концов мне удастся уснуть.

Открыв глаза, в первую минуту не могу ничего понять: мир кажется каким-то расколотым. Ах да, на мне ведь очки. Солнце давно встало, и теперь они причудливо преломляют дневной свет. Приподнимаюсь и сажусь. Снимаю очки. Откуда-то с озера доносится смех. Я замираю. Звук искаженный, но я слышу! Значит, слух возвращается. Действительно, несмотря на непрекращающийся звон в правом ухе, оно уже воспринимает звуки. Левое ухо перестало кровоточить — и то хорошо.

Выглядываю из кустов, не вернулись ли профи. Тогда мне придется торчать здесь неизвестно сколько. Нет, это всего лишь Лиса. Стоит посреди обломков и смеется. Она умнее, чем профи, и смогла даже на пепелище найти кое-что полезное. Металлический котелок. Клинок от ножа. Ее веселость меня несколько озадачивает, пока я не догадываюсь, что теперь, когда профи остались без еды и снаряжения, у нее тоже появился шанс на победу. Как и у всех нас. Может, показаться ей и взять в союзники против банды профи? Нет. Исключено. Что-то в ее хитрой лисьей усмешке недвусмысленно подсказывает, что союзничество обернется для меня ножом в спину. А в таком случае, не пристрелить ли ее сейчас? Более удобного момента и ждать нечего. Вдруг девушка встrepенулась, должно быть, уловила какой-то звук, хотя точно не от меня. Глянув в сторону обрыва, она быстро убегает в лес. Я жду. Никого. Хотя если Лиса почувствовала опасность, то, пожалуй, и мне лучше уходить. Вдобавок мне не терпится рассказать Руте, как я разделалась с пирамидой.

Поскольку я все равно не знаю, куда направились профи, почему бы не пойти обратно к ручью? Быстро шагаю по знакомой дороге с луком в одной руке и куском холодной грусятины в другой. Кажется, сто лет не ела. Листья, ягоды — это все ерунда. Хочу мяса. Жир и белок — вот что мне нужно. До ручья дохожу без приключений. Наполняю бутылку водой и умываюсь. Осторожно промываю больное ухо. Затем иду вдоль ручья вверх по холму. В одном месте на берегу замечаю следы ботинок, отпечатавшиеся в грязи. Здесь были профи, но уже давно. Отпечатки глубокие, значит, земля была сырой и мягкой, а сейчас она уже почти высохла под жарким солнцем. До сих пор можно было не заботиться о том, как идешь: я легкая, а на сосновых иголках следов не останется. Теперь я снимаю ботинки и носки и продолжаю путь босиком по дну ручья.

Прохладная вода приятно освежает и бодрит. Я подстреливаю двух рыб, — это совсем нетрудно при таком медленном течении, — и на ходу лопаю одну из них прямо сырой, хотя только недавно ела грусенка. Вторую

приберегаю для Руты.

Постепенно звон в правом ухе становится тише и наконец пропадает совсем. Рука то и дело тянется к левому уху, пытаюсь его прочистить. Если и есть какое-то улучшение, оно пока неосязаемо. Никак не могу привыкнуть к этой глухоте. Ощущение такое, что левая сторона не моя, и к тому же совершенно беззащитна. Даже слепа. Я все время кручу туда головой, стараясь хоть как-то противодействовать сплошной стене, отгородившей меня от половины окружающего мира. Чем дальше, тем меньше надежды, что слух восстановится.

Придя на место нашей первой встречи, я обнаруживаю, что с тех пор тут никого не было. Нигде, ни на земле, ни на деревьях, нет ни малейших следов Руты. Странно. Сейчас полдень, и при любом раскладе ей следовало уже вернуться. Ночевала она, конечно, на дереве. Где еще она могла укрыться в полной темноте, пока профи бродили по лесу со своим ночным зрением? Третий костер — хотя я забыла посмотреть вчера вечером — должен был загореться совсем далеко отсюда. Наверное, Рута возвращается очень осторожно. Скорее бы уже приходила. Мне не хочется торчать здесь весь день. После обеда я планировала подняться выше по холму и по пути охотиться. Сейчас мне ничего не остается как ждать.

Я смываю кровь с куртки и волос, обрабатываю раны, число которых увеличивается день ото дня. Ожоги порядком подзажили, Но я все равно слегка смазываю их лекарством. Чтобы инфекция не попала. Потом съедаю вторую рыбину. На такой жаре все равно испортится, а для Руты еще добуду. Только бы она появилась. Со своим половинчатым слухом я не чувствую себя в безопасности на земле, поэтому забираюсь на дерево. Если покажутся профи, сверху будет удобно их перестрелять. Солнце едва тащится по небу. Чтобы не сидеть без дела, жую листья и прикладываю лепешки к местам укусов.

Волдырей уже нет, хотя кожа еще побаливает. Расчесываю пальцами влажные волосы, заплетаю косу. Зашнуровываю ботинки. Проверяю лук и оставшиеся девять стрел. Несколько раз машу веткой у левого уха, надеясь услышать шелест — безрезультатно.

В животе урчит, несмотря на съеденные мясо и рыбу. Видно, сегодня у меня один из тех дней, которые в Дистрикте-12 называют дырявыми: сколько в такой день ни ешь, все мало. А сейчас еще и заняться нечем. В конце концов я сдаюсь. Ну в самом-то деле — надо же как-то восполнять вес, потерянный на арене. А с луком и стрелами от голода я не помру.

Я неторопливо лущу и съедаю горсть орехов. Грызу последнюю галету. Затем принимаюсь за шею грусенка; ее хватает довольно надолго. Потом

очередь доходит до крылышка, и с грусенком покончено навсегда. Сегодня дырявый день, и даже после этого я не могу отогнать от себя мысли о еде. Особенно обо всех тех вкусностях, что подавали в Капитолии. Цыпленок в апельсиновом соусе. Пироги и пудинги. Бутерброды. Макароны с зеленым соусом. Тушеная баранина с черносливом. Я посасываю листья мяты и уговариваю себя прекратить пустые мечтания. Мята помогает: дома мы часто пьем после ужина мятный чай, и желудок, наверное, решил, что время для еды закончилось. Я на это надеюсь.

Никогда еще здесь на арене мне не было так хорошо. Я сытно поела, отогрелась на солнышке, под рукой у меня лук и стрелы. Сажу и мягко покачиваюсь на ветвях. Но надо идти дальше. Где же пропадает Рута? Тени начинают расти, а вместе с ними и мое беспокойство. Ближе к вечеру я решаю пойти ее поискать. Хотя бы дойти до места третьего костра и посмотреть, не найдется ли там какого-нибудь намека на то, где она может быть.

Перед уходом я разбрасываю вокруг нашего старого кострища несколько листочков мяты. Мы рвали их не здесь, и Рута сообразит, что я сюда приходила, а для профи они ровным счетом ничего не будут значить.

Меньше чем через час я добираюсь туда, где Рута должна была развести третий костер, и сразу понимаю: что-то пошло не так. Хворост аккуратно сложен в кучу, местами, как надо, подсунута сухая трава, но огонь так и не был разожжен. Рута все приготовила, а потом не смогла вернуться. Где-то между вторым костром, дым которого я видела перед тем как взорвала пирамиду, и этим местом Рута попала в беду.

Она ведь жива! Жива ли? Если сигнал из пушки дали сегодня рано утром, я могла его не услышать. Тогда мое правое ухо еще не пришло в норму. Что, если сегодня вечером я увижу ее в небе? Нет, не хочу даже думать об этом. Найдется куча других объяснений. Она могла заблудиться, ей пришлось прятаться от хищников или какого-нибудь трибута. Цепя, например. Что бы ни случилось, я уверена: Рута застряла где-то между вторым костром и этой кучей хвороста у моих ног. Что-то удерживает ее на дереве.

Надо пойти и освободить ее.

После часов бесполезного ожидания приятно начать хоть как-то действовать. Тихо крадусь меж деревьев, стараясь держаться в их тени. Нигде ничего подозрительного. Нет следов борьбы, землю устилает ровный ковер сосновых иголок. И вдруг этот звук. Я останавливаюсь и поворачиваю голову — уж не почудилось ли? Но вот он снова. Рутин коротенький позывной из четырех нот, переданный мне сойкой-

пересмешницей. Означающий, что с моей союзницей все в порядке.

Улыбаясь, иду в его сторону. Чуть дальше другая птица подхватывает горсточку нот. Рута пропела их недавно. Сойкам быстро надоедает петь одно и то же. Внимательно осматриваю кроны деревьев, не покажется ли она где-нибудь. Сглатываю комок в горле и пою сама. Надеюсь, Рута поймет это как знак, что опасности нет и она может ко мне присоединиться. Одна из соек повторяет мелодию за мной. И тут до меня доносится крик.

Крик ребенка, маленькой девочки. Никто на арене не способен так кричать, кроме Руты. Я срываюсь с места и бегу, понимая, что это, возможно, западня, что все трое профи, возможно, поджидают меня в засаде. Но ничего не могу с Собой поделать. Снова отчаянные, пронзительные крики.

— Китнисс! Китнисс!

— Рута! — кричу я в ответ, чтобы она знала, что я рядом.

Чтобы они знали. Только бы отвлечь их от Руты. Я — та, кто натравила на них ос-убийц, я получила неизвестно за что одиннадцать баллов на тренировках. Зачем им она?

— Рута! Я здесь!

С криком выскакиваю на поляну и вижу на земле опутанную сетью Руту. Она только успевает высунуть руку и позвать меня, как в ее тело вонзается копьё.

Трибут из Дистрикта-1 умирает, не успев вернуть себе оружие. Моя стрела глубоко вонзается ему в середину шеи. Он падает на колени и истекает кровью, пытаюсь вырвать стрелу. Я уже зарядила вторую и верчусь с луком из стороны в сторону, крича Руте:

— Он один? Один?

Рута несколько раз говорит «да», прежде чем я это осознаю. Она повернулась набок, скорчившись и зажав копьё своим телом. Я отталкиваю труп парня и разрезаю ножом сеть. Одного взгляда на рану достаточно, чтобы понять: я ничего не смогу сделать. И никто не смог бы. Острие копья целиком вошло в живот. Я сижу на корточках перед Рутой, бессильно глядя на смертельное оружие. Нет смысла успокаивать ее, говорить, что все будет в порядке. Рута не дуручка. Она протягивает мне ладонь, и я хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку. Словно умираю я, а не Рута.

— Ты взорвала еду? — шепчет она.

— Все до последнего кусочка.

— Ты должна победить.

— Я сделаю это. За нас обеих, — обещаю я. Пушечный выстрел возвещает о смерти. Парня из Дистрикта-1. Я смотрю вверх.

— Не уходи. — Рута крепче сжимает мою ладонь.

— Я не уйду. Я буду с тобой, — говорю я, Придвигаясь ближе и кладя голову Руты себе на колени. Ласково глажу ее волосы.

— Спой, — просит она едва слышно.

Спеть? Что? Я знаю несколько песен. Когда-то в нашем доме тоже звучала музыка. У отца был замечательный голос, и он заражал меня своей любовью к пению, но после его смерти я почти не пела. Только когда Прим сильно болела, я напевала ей ее любимые песенки.

Петь сейчас? Меня душат слезы, а мой голос стал сиплым от дыма и постоянного напряжения. Но я не могу не исполнить последнюю просьбу Прим... то есть Руты. Я должна хотя бы попытаться. Мне приходит на ум колыбельная, которой мы в Дистрикте-12 успокаиваем голодных, несчастных ребятишек. Ее сочинили очень-очень давно в наших горах. Учительница музыки называет такие мелодии горными. Слова очень простые и успокаивающие; в них — надежда, что завтрашний день будет лучше, чем тот кусок безысходности, который мы называем днем сегодняшним.

Я откашливаюсь, сглатываю слезы и начинаю:

*Ножки устали. Труден был путь.
Ты у реки приляг отдохнуть.
Солнышко село, звезды горят,
Завтра настанет утро опять.
Тут ласковый ветер.
Тут травы, как пух.
И шелест ракиты ласкает твой слух.
Пусть снятся тебе расчудесные сны,
Пусть вестником счастья станут они.*

Веки Руты затрепетали и опустились. Она еще дышит. Почти незаметно. Я не в силах больше сдерживать слезы, они ручьем текут у меня по щекам. Но я должна допеть для нее до конца:

*Глазки устали. Ты их закрой.
Буду хранить я твой покой.
Все беды и боли ночь унесет.
Растает туман, когда солнце взойдет.
Тут ласковый ветер. Тут травы, как пух.
И шелест ракиты ласкает твой слух.*

Мой голос становится едва слышным:

*Пусть снятся тебе расчудесные сны,
Пусть вестником счастья станут они.*

Вокруг мертвая тишина. И тут внезапно, так, что мороз пробежал по коже, моя песня зазвучала снова. Это запели сойки-пересмешницы.

Какое-то время я сижу не двигаясь, мои слезы падают на лицо Руты. Гремит пушечный выстрел. Наклоняюсь и прижимаю губы к ее виску. Осторожно, словно боясь разбудить, кладу голову Руты на землю и отпускаю ее руку.

Распорядители ждут, когда я уйду, чтобы забрать тела. И мне незачем больше оставаться. Я переворачиваю парня на живот, снимаю рюкзак и вытаскиваю стрелу. Перерезав лямки, забираю рюкзак Руты. Я знаю, она

хотела бы, чтобы он рыл у меня. Копье не трогаю. Его заберут вместе с телом. Я все равно не буду пользоваться копьем, так пусть лучше оно покинет арену навсегда.

Я не могу оторвать глаз от Руты. Она такая маленькая, еще меньше, чем всегда. Лежит в сетке, как птенец в гнезде. Как оставить ее здесь, Такую беззащитную. Беззащитную, несмотря на то, что больше ей уже никто не причинит зла. Ненависть к парню из Дистрикта-1 теперь кажется глупой. Мертвый, он выглядит таким же трогательным и уязвимым, как Рута. Не он, а Капитолий виноват во всем.

В голове звучит голос Гейла. Теперь его гневные речи против Капитолия для меня не пустые слова. Теперь во мне тоже бурлит ярость. Смерть Руты заставила меня всей кожей ощутить несправедливость, которую творят с нами. Здесь еще сильнее, чем дома, я чувствую свою беспомощность. Капитолию все сходит с рук, ему нельзя отомстить.

Вспомнились слова Пита, которые он произнес тогда, на крыше: «Я только... хочу как-то показать Капитолию, что не принадлежу ему. Что я больше чем пешка в их Играх».

Я хочу того же. Здесь и сейчас. Хочу обвинить и посрамить их, заставить их понять: что бы они ни делали с нами, что бы ни принуждали делать. Нас, мы не принадлежим им без остатка. Рута — больше чем фигурка в их игре. И я тоже.

Рядом с поляной под деревьями растут дикие цветы. Возможно, просто сорная трава, но все равно красивые, с фиолетовыми, желтыми и белыми лепестками. Я нарываю охапку и возвращаюсь обратно к Руте. Украшаю ее тело цветами. Не торопясь, укладываю их один за другим. Прикрываю страшную рану. Обрамляю венком ее лицо. Самые яркие вплетаю в волосы.

Им придется это показать. Даже если сейчас они переключились на другую часть арены, они включают камеры, когда будут забирать тела. Все увидят Руту в цветах и поймут, что это сделала я. Отступаю назад и смотрю на нее в последний раз. Кажется, будто она и вправду уснула.

— Прощай, — шепчу я.

Касаюсь губ тремя пальцами левой руки и протягиваю их в ее сторону. Потом ухожу, не оборачиваясь.

Птицы замолкают. Откуда-то раздается свист сойки-пересмешницы, как всегда перед появлением планолета. Наверное, она слышит что-то, чего не слышат люди. Я останавливаюсь, по-прежнему глядя только вперед. Прошедшего не вернуть. Скоро птицы принимаются петь снова, и я знаю: ее уже здесь нет.

Другая сойка-пересмешница, совсем маленькая, почти птенец, садится

на ветку впереди меня и поет Рутину мелодию.

Моя песня слишком затейлива для такой крохи, но эти простые нотки оказались ей по силам. Нотки, означающие, что с Руткой все в порядке.

— Она в порядке, — говорю я, проходя под веткой. — О ней больше не нужно беспокоиться. Она в порядке.

Я не знаю, куда идти. Ненадолго, в ту ночь с Ругой, я почувствовала себя почти, как дома. Теперь это позади. Я бреду, не разбирая дороги, до самого вечера. У меня нет страха. Я даже не оглядываюсь по сторонам; любой трибут мог бы легко со мной разделаться. Если заметит меня первым. Иначе убью я. Недрогнувшей рукой и без тени жалости. Ненависть к Капитолию ничуть не уменьшила ненависти к соперникам. Особенно к профи. По крайней мере, они заплатят за смерть Руты.

Однако никто не появляется. Нас осталось немного, а арена большая. Скоро распорядители придумают какую-нибудь новую пакость, чтобы согнать всех вместе. Сегодня крови было вдоволь, так что, возможно, ночью нам дадут поспать.

Я как раз собираюсь поднять свой скарб на дерево и устроиться на ночлег, когда мне под ноги опускается серебряный парашют. Подарок от спонсора. Но зачем? У меня сейчас и так есть все, что нужно. Может, Хеймитч решил меня подбодрить, увидев, в каком я состоянии? Или это лекарство для уха?

Откидываю парашют и нахожу под ним маленькую буханочку. Хлеб. Не белый капитолийский, а черный, из пайкового зерна. По форме напоминает полумесяц и сверху посыпан семемами. Я вспоминаю урок Пита в столовой Тренировочного центра о том, чем отличается хлеб из разных дистриктов. Я знаю, откуда эта буханка.

Бережно поднимаю ее с земли. Еще теплая. Сколько же пришлось заплатить нищим, полуголодным жителям Дистрикта-11, чтобы доставить ее сюда? Скольким пришлось лишиться себя самого необходимого, чтобы пожертвовать монетку? Хлеб, конечно же, предназначался Руте. Но когда она погибла, они не забрали свой дар обратно, а поручили Хеймитчу переслать его мне. Чтобы поблагодарить? Или потому что они, как и я, не любят оставаться в долгу? Как бы то ни было, такое случилось впервые. Никогда прежде трибуты не получали подарков от чужих дистриктов.

Выхожу на место, освещенное последними лучами заходящего солнца, и поднимаю лицо кверху.

— Спасибо, жители Дистрикта-11, — говорю я громко.

Пусть знают, что я догадалась, откуда этот хлеб. Что я понимаю всю ценность их дара.

Я забираюсь на дерево так высоко, что сучья начинают трещать под ногами. Не ради безопасности, просто мне хочется подальше убраться от этой проклятой, залитой кровью земли. Мой спальный мешок лежит аккуратно скатанный в рюкзаке Руты. Завтра я разберусь с вещами. Завтра придумаю новый план. Сегодня меня хватает только на то, чтобы пристегнуться к дереву и по кусочку есть хлеб. Он вкусный. Потому что напоминает о доме.

Вскоре на небе появляется герб, и в моем правом ухе играет гимн. Я вижу парня из Первого дистрикта. Руту. Больше никого. Нас шестеро.

Всего шестеро. Все еще сжимая в руке хлеб, я засыпаю.

Иногда, когда все вокруг особенно плохо, мне снятся счастливые сны. Как мы гуляем с отцом по лесу. Сидим с Прим на солнце и едим пирог. Сегодня мне снится Рута. Вся в цветах, она сидит на дереве посреди целого моря густой листвы и учит меня разговаривать с сойками-пересмешницами. На ней нет ни ран, ни крови. Она улыбается и смеется. И поет своим чистым, мелодичным голосом красивые, незнакомые мне песни. Одну за другой. Ночь напролет. В предутренней дреме я слышу затихающие звуки ее голоса, сама она уже скрылась среди листвы. И еще несколько мгновений после пробуждения во мне сохраняется чувство покоя и теплоты. Но потом оно уходит, несмотря на все попытки его удержать, оставляя меня более грустной и одинокой, чем когда бы то ни было.

Все тело наполняет тяжесть, словно в моих жилах течет не кровь, а расплавленный свинец. Нет воли заняться даже простейшими делами. Я только лежу, уставившись немигающим взглядом на полог листьев у себя над головой. Так проходят часы. И снова выйти из оцепенения мне помогает мысль о Прим, о ее обеспокоенном личике, когда она увидит меня такой на экране.

Даю сама себе простые команды: сядь, выпей воды, разбери вещи. Медленно выполняю их, как бесчувственный механизм.

Кроме моего спального мешка, в рюкзаке Руты нахожу бурдюк для воды, почти пустой, горсть орехов и корений, кусок крольчатины, пару носков и рогатку. У парня из Дистрикта-1 было несколько ножей, два запасных наконечника для копья, фонарик, небольшой кожаный мешочек, походная аптечка, полная бутылка воды и пакетик сухофруктов. Пакетик сухофруктов! Вот что он взял с собой из целой горы продуктов! Такая самонадеянность меня просто поражает. Зачем таскать с собой еду, если ее полно в лагере? Надеюсь, другие профи тоже гуляли налегке и теперь сосут лапу.

Кстати о еде. Мои собственные запасы подходят к концу. Я доедаю

хлеб из Одиннадцатого дистрикта и последний кусочек кролика. Все, что у меня теперь есть, — это Рутины орехи и корни, сухофрукты и единственный ломтик говядины. Собирайся на охоту, Китнисс!

Складываю нужные вещи в свой рюкзак, потом слезаю с дерева и прячу ножи и наконечники копий среди камней, чтобы никто, кроме меня, их не нашел. После вчерашних блужданий я понятия не имею, где нахожусь. Просто иду приблизительно в том направлении, где должен быть ручей. Я не ошиблась: этот путь приводит меня к третьему костру, который Рута так и не зажгла. Пройдя еще немного, натываюсь на стайку гусей, сидящих на ветках. Я успеваю убить трех, прежде чем птицы спохватываются и улетают. Возвращаюсь назад к сигнальному костру и разжигаю его, не заботясь о дыме. «Где ты, Катон? Я жду тебя», — думаю я, поджаривая птиц и корни.

Кто знает, где их теперь носит, этих профи. То ли они слишком далеко, то ли уверены, что это какая-то хитрость. Или... неужели такое возможно?.. боятся меня. Разумеется, они знают, что у меня есть лук и стрелы, — Катон видел, как я снимала их с тела Диадемы, — однако сделали ли они правильные выводы? Что это я взорвала их трофеи и убила одного из них? Возможно, они думают на Цеп. Разве у него не больше причин отомстить за смерть Руты? Они все-таки из одного дистрикта. Хотя Цеп никогда не обращал на нее внимания.

А как начесть Лисы? Видела ли она, как я взрывала пирамиду?.. Нет. Судя по ее смеху на пепелище следующим утром, для нее это был приятный сюрприз.

Вряд ли профи думают, что костер разжег Пит. Катон уверен, что ранил его смертельно. Мне хочется рассказать Питу, что я украсила тело Руты цветами. Что теперь я понимаю те его слова на крыше. Возможно, если он победит, то увидит меня на экране в Капитолии. По окончании Игр в Честь победителя устраивается праздник, и тогда повторяют самые запоминающиеся моменты из них, а сам победитель наблюдает за всем с почетного места на трибуне в окружении своей группы поддержки.

Я обещала Руте, что победителем буду я. Ради нас обеих. И это обещание для меня даже весомее клятвы, которую я дала Прим.

Теперь я и вправду верю, что у меня есть шанс победить. И дело не в стрелах или в том, что я пару раз обхитрила профи, — хотя это тоже важно. Что-то произошло со мной, пока я сжимала ладошку Руты, наблюдая, как из нее вытекает жизнь. Я твердо решила отомстить за нее, заставить о ней помнить. И единственный способ для этого — победить и сделать так, чтобы помнили обо мне.

Пока я жду, что кто-нибудь выйдет и даст себя пристрелить, птица успевает даже пережариться. Никто не появился. Может, другие трибуты заняты тем, что вышибают друг из друга дух? Тоже неплохо. Со времени кровавой бойни у Рога изобилия и так было чересчур много поводов для того, чтобы меня показывали на экранах.

Устав ждать, я собираю мясо, укладываю его в рюкзак и иду к ручью, чтобы набрать воды и поискать каких-нибудь съедобных растений. На меня опять наваливается та утренняя тяжесть, и, хотя еще рано, я залезаю на дерево и устраиваюсь на ночлег. В голове прокручиваются события вчерашнего дня. Копье входит в живот Руты, моя стрела попадает в парня. Не знаю, почему я вообще о нем думаю.

Потом я осознаю... он — моя первая жертва.

В Капитолии по каждому трибуту ведут строгую статистику, на нее в первую очередь обращают внимание, когда делают ставки. Среди прочего там есть списки жертв. Думаю, формально на мой счет записали Диадему и девушку из Четвертого дистрикта, я ведь сбросила на них гнездо. Хотя то было совсем другое. Они ведь могли и не умереть. Парня из Дистрикта-1 убила непосредственно я, и знала, что убиваю его. От моих рук погибло множество зверей, но только один человек. Я слышу голос Гейла: «Думаешь, есть разница?»

Поразительно, похоже в том, что касается исполнения: натянула тетиву, выстрелила. А какая огромная разница в последствиях. Я убила парня, имени которого даже не знаю. Где-то у него есть семья, которая теперь его оплакивает. Возможно, у него была девушка, верившая, что он вернется...

Потом я вспоминаю о неподвижном теле Руты, и мысль о парне отступает на второй план. По крайней мере, пока.

Судя по небесным сводкам, сегодняшний день был беден событиями. Смертей нет. Сколько еще времени они будут ждать, пока не сгонят нас вместе очередной катастрофой? Если это случится сегодня, надо успеть поспать. Я прикрываю здоровое ухо краем мешка, чтобы не слышать гимна, но вместо него внезапно раздаются мощные звуки труб, и я сразу вскакиваю, настороженно глядя в небо.

Как правило, единственная информация, которой снабжают трибутов на арене, — это ночной Показ погибших. Время от времени случаются важные сообщения, и тогда их предвещают трубы. Обычно так созывают на пир. Когда с едой на арене напряженка, распорядители приглашают трибутов в какое-нибудь известное всем место — у Рога изобилия, например, — обещая угощение. Еще один способ устроить побоище.

Иногда там и вправду бывает много всего, а в другой раз только буханку черствого хлеба бросят. Нет, едой меня не заманишь, зато может подвернуться неплохой случай избавиться от парочки соперников.

Сверху, рокочущий как гром, раздается голос Клавдия Темплсмита, начинающего свою речь с поздравлений шестерке выживших. Но дальше он никого никуда не приглашает. Дальше следует нечто из ряда вон выходящее. В правилах Игр произошли изменения. Изменения в правилах! Уже одна эта фраза ставит в тупик. Как будто тут есть какие-то правила, о которых стоило бы говорить! Разве что: не покидать круг, пока не пройдут шестьдесят секунд, да еще негласный запрет есть друг друга. И вот теперь еще одно правило: если последними выжившими оказываются два трибута из одного дистрикта, оба они будут объявлены победителями. Клавдий делает паузу, словно знает, что нам нужно время, чтобы переварить услышанное, и повторяет снова.

До меня не сразу доходит, что значит эта новость. В этом году могут победить двое. Если они из одного дистрикта. Они оба могут остаться в живых. Мы оба можем остаться в живых.

Прежде чем я успеваю себя остановить, с моих губ срывается крик: — Пи-и-ит!

Часть III

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я зажимаю рот обеими руками, но поздно: крик уже вырвался. Небо чернеет, и лягушки снова затевают свой хор. Идиотка! — ругаю я себя. Как можно вести себя так глупо! Замираю, ожидая, что со всех сторон из-за деревьев полезут убийцы. Потом вспоминаю, что лезть особенно некому. Никого почти не осталось.

Пит, который к тому же ранен, теперь мой союзник. Все опасения на его счет не имеют смысла: теперь, если любой из нас убьет другого, то станет изгоем в родном дистрикте. На месте зрителей я бы сразу прониклась отвращением к любому трибуту, который в данных обстоятельствах не захотел бы объединиться с земляком. А уж в моем случае и говорить нечего: несчастные влюбленные из Двенадцатого дистрикта просто обязаны быть вместе. Иначе о помощи сердобольных спонсоров можно забыть.

Несчастные влюбленные... Пит, должно быть, не забывал о своей роли ни на минуту. С чего бы еще распорядители решились на такое неслыханное изменение в правилах? Шанс для двоих. По всей видимости, наш «роман» снискал такую популярность у аудитории, что без этого изменения Играм грозил бы провал. И моей заслуги тут нет ни капли. Все, что я сделала полезного, так это не прикончила ненароком Пита. Он сумел убедить зрителей, что все время заботится обо мне. Качал головой, чтобы удержать меня от драки у Рога изобилия. Схватился с Катонем, давая мне возможность убежать. Даже союзничество с профи выглядит как хитрый ход, предпринятый ради моей защиты. Выходит, Пит никогда не был моим врагом.

Эта мысль вызывает у меня улыбку. Я убираю руки с лица и обращаю его к лунному свету. Оно должно быть хорошо видно на экранах.

Кого мне бояться? Лисы? Парень из ее дистрикта мертв. Она одна. Ночью. К тому же ее стратегией всегда было уклонение от опасности, а не нападение. Даже если она слышала мой голос, то вряд ли что-то предпримет. Будет ждать, чтобы кто-то другой меня прикончил.

Потом Цеп. Он, безусловно, опасен. С начала Игр я ни разу не видела его. Помню, как испугалась Лиса, когда, стоя у обгорелых остатков пирамиды, услышала какой-то звук. Но повернулась она не к лесу, а в противоположную сторону. К той части арены, которая уходит вниз, и о которой я не имею ни малейшего представления. По-видимому, эта

территория принадлежит Цепу, и Лиса бежала от него. Я почти уверена в этом.

Оттуда он меня слышать не мог, а если и слышал, я для него слишком высоко. Такому быку до меня не долезть.

Остаются Катон и девушка из Дистрикта-2. Им новое правило наверняка пришлось по душе. Кроме нас с Питом, только они от него в выигрыше. И они могли слышать мой крик. И что мне теперь, в бега пуститься? Нет. Пусть они придут. Пусть наденут очочки и попрутся через лес, ломая ветки своими громадными телами.

Мне будет удобно стрелять в них сверху. Только они не придут. Не пришли днем к костру, теперь тем более не сунутся. Побоятся ловушки, если придут, то когда отыщут меня сами, а не по моей подсказке. «Так что лежи на месте, Китнисс, и постарайся заснуть, — приказываю я себе, хотя мне не терпится уже сейчас пойти искать Пита. — Найдешь его завтра».

И я засыпаю. Утром бравады у меня несколько поубавилось: профи не решатся напасть на меня, пока я наверху, а на земле вполне могут строить засаду. Прежде чем слезть с дерева, я тщательно подготавливаюсь: плотно завтракаю, собираю и надеваю рюкзак, готовлю оружие, внизу тоже все кажется тихим и мирным. Сегодня мне надо быть чрезвычайно осторожной. Профи знают, что я буду искать Пита. И, возможно, они хотят выждать, пока я его найду, и уж тогда набросятся. Если он действительно так плох, как думает Катон, мне придется в одиночку защищать и себя, и Пита. С другой стороны, будь он совсем беспомощный, как бы он смог выжить? И как вообще я собираюсь его искать?

Я пытаюсь вспомнить какие-нибудь его слова, какой-то намек на то, где он может прятаться, но ничего такого на ум не приходит. Мысленно возвращаюсь к тому моменту, когда Пит стоял, искрящийся в лучах солнца, и орал на меня, чтобы я убегала. Потом появился Катон с обнаженным кинжалом. И когда я ушла, он ранил Пита. Как Питу удалось уйти живым? Может быть, яд ос-убийц подействовал на него не так сильно, как на Катона?

Наверное, так и было. Но осы должны были его покусать. Это наверняка. И как далеко он мог уйти с резаной раной и с ядом в крови? И как выживал все эти дни? Почему не умер до сих пор — если не от раны и укусов, то от жажды?

А вот это уже зацепка! Пит не выжил бы без воды. Я-то уж знаю: в первые дни сама чуть не загнулась. Значит, там, где он прячется, вода есть. Круг поисков сужается. Во-первых, мы имеем озеро. Поскольку рядом с ним находится лагерь профи, эту возможность можно сразу отбросить.

Потом есть пара-тройка лужиц с ключевой водой. Там ты прикован к одному месту. Это слишком опасно. Остается ручей. От нашего с Руттой лагеря он течет вниз почти к самому озеру и еще куда-то дальше. Держась ручья, можно все время менять свое местоположение и при этом оставаться вблизи воды. Можно идти по дну ручья, не оставляя следов. И ловить рыбу.

Как бы то ни было, начинать поиски нужно у ручья.

Чтобы сбить с толку врагов, я развожу костер и кладу туда побольше сырых веток. Пусть даже профи решат, что это хитрость. Главное, пусть думают, что я прячусь где-то рядом. А я тем временем буду искать Пита.

Солнце почти мгновенно растворяет утреннюю дымку; сегодняшней день обещает быть особенно жарким. Приятно ступить босыми ногами прохладную воду. Я иду вниз по течению. Хочется покричать Питу, но это было бы неразумно. Придется найти его, пользуясь глазами и здоровым ухом, или же он должен найти меня. Не может же он не догадываться, что я его ищу? Не думает же он, что мне наплевать на новое правило и я предпочту действовать в одиночку? Хотя кто его знает? С Питом никогда ничего не поймешь. Такая вот загадочная натура. В других обстоятельствах это, возможно, интригует, а сейчас только лишняя помеха.

Скоро дохожу до места, где перед этим сворачивала к лагерю профи. Пока никаких следов Пита не обнаружила, однако это меня не удивляет, после нападения ос-убийц я здесь ходила три раза, если бы Пит был где-то рядом, что-нибудь заметила бы раньше. Дальше ручей сворачивает налево, в этой части леса я еще не была. К илистым берегам, густо заросшим водными растениями, уступают каменные глыбы, которые становятся тем крупнее, чем дальше я иду вниз по ручью. Наконец я чувствую себя в ловушке. Если на меня нападет Цеп или Катон, выбраться из ручья будет непростым делом. И вообще, что толку здесь ходить? Разве сможет тяжело раненный выжить среди этих камней, где ни в воду зайти, ни из воды выйти? И тут я замечаю на одном из валунов полоску крови. Она давно высохла и выглядит размазанной, будто кто-то пытался ее стереть, но не смог. Кто-то очень слабый.

Цепляясь за камни, карабкаюсь в том направлении и нахожу пятно крови. Потом еще и еще. К одному из пятен прилип клочок ткани. По-прежнему никаких признаков жизни. Я не выдерживаю и начинаю звать приглушенным голосом: «Пит! Пит!» Скоро на дереве неподалеку сойка-пересмешница начинает мне вторить. Я замолкаю и спускаюсь обратно к ручью. Бесполезно. Должно быть, Пит ушел дальше вниз по течению.

Моя нога едва касается поверхности воды, и тут кто-то тихо произносит:

— Пришла добить меня, солнышко?

Резко поворачиваюсь. Звук пришел слева, и я слышала очень плохо. И голос был хриплый и слабый. Но это сказал Пит. Кто еще на арене стал бы называть меня солнышком? Внимательно просматриваю каждый дюйм берега и никого не вижу. Только ил, растения и камни.

— Пит? — шепчу я. — Ты здесь? Нет ответа. Может, мне почудилось? Нет, я уверена, что в самом деле слышала голос, и притом очень близко.

— Пит! — повторяю я и крадусь вдоль берега.

— Эй, не наступи на меня!

Я отскакиваю назад. На этот раз голос прозвучал прямо у меня из-под ног. Но там никого нет. И вдруг посреди коричневой грязи и зеленых стеблей появляются два голубых огонька — его глаза. Я открываю рот от изумления, за что меня вознаграждает белозубая улыбка, прорезавшаяся под ними.

Это вершина маскировочного искусства. Что там метание тяжестей! Питу следовало превратить себя на глазах распорядителей в дерево. Или валун. Ну, или в поросший травой берег ручья.

— Закрой глаза, — команду я. Пит закрывает глаза, рот и — исчезает. Большая часть его тела, вероятно, покрыта слоем жидкой грязи и травой, лицо и руки, которые должны были остаться на поверхности, невозможно разглядеть точно так же, как и все остальное. Я становлюсь на колени рядом с ним.

— Вижу, ты не зря убил кучу времени на разукрашивание пирогов.

Пит улыбается:

— Да уж, пригодилось перед смертью.

— Ты не умрешь, — говорю я твердо.

— Кто тебе сказал?

Его голос такой изможденный и хриплый.

— Я тебе говорю. Теперь мы одна команда. Слышал новость?

— Слышал. Спасибо, что нашла мои останки. Вытаскиваю бутылку с водой и даю ему попить.

— Катон ударил тебя кинжалом?

— Да. В правую ногу. Высоко.

— Мы сейчас спустимся к ручью и смоем грязь, чтобы осмотреть раны.

— Наклонись поближе. Хочу тебе кое-что сказать.

Я наклоняюсь и подставляю здоровое ухо к его губам. В ухе становится щекотно, когда он шепчет:

— Помни: мы безумно влюблены друг в друга. Если вдруг захочешь

меня поцеловать, не стесняйся.

Я сердито отдергиваю голову и смеюсь:

— Спасибо, буду иметь в виду.

Пит еще шутит, значит, все не так плохо. Впрочем, когда я пытаюсь помочь ему выбраться к воде, моя веселость мигом улетучивается. Тут всего два шага, казалось бы, чего сложного? Но это действительно очень и очень сложно, потому что сам Пит не способен сдвинуться ни на дюйм. Самое лучшее, что он может сделать, это не мешать мне. Он кричит, когда я тяну его за руки. Грязь и трава вцепились в него мертвой хваткой, и только рванув изо всех сил, мне удастся их перебороть. Пит по-прежнему лежит в двух шагах от воды, скрипя зубами от боли. Грязь на его лице покрылась канавками от слез.

— Потерпи, сейчас я буду катить тебя в ручей. Там очень мелко. Идет?

— Отличная идея.

Сажусь на корточки рядом с ним. Что бы ни случилось, не остановлюсь, пока он не окажется в воде, решаю я про себя.

— На счет три. Раз, два, три!

Я переворачиваю Пита всего один раз, и мне приходится остановиться из-за его душераздирающих криков. Теперь он у самого края воды. Наверное, так даже лучше.

— Ладно, планы меняются. Я не стану заталкивать тебя в саму воду, — говорю я Питу.

Помимо прочего, я не уверена, что смогу его потом оттуда вытащить.

— Больше не будешь катить?

— Нет, хватит. Будем мыться здесь. Ты посматривай в сторону леса, хорошо?

Даже не знаю, как подступить. На нем столько грязи и слипшейся травы, что я не вижу его одежды. Если он вообще одет. На мгновение эта мысль приводит меня в замешательство, но пути к отступлению нет. Нагота на арене дело привычное.

У меня есть две бутылки и Рутин бурдюк. Пристраиваю их к подводным камням так, чтобы два сосуда всегда наполнялись, пока я выливаю третий на тело Пита. Уходит немало времени, прежде чем мне удастся обнаружить под слоем грязи одежду. Я расстегиваю молнию на куртке, потом рубашку и аккуратно их стаскиваю. Майка так приклеилась к ранам, что приходится разрезать ее ножом и отмачивать водой. Все тело в кровоточащих подтеках, на груди длинный ожог. Четыре волдыря от осиных укусов, включая один под ухом. Меня это не пугает. С этим я справлюсь. Я решаю вначале заняться верхней частью тела, чтобы

облегчить боль, а потом уже посмотреть рану на ноге.

После того как я вылила на Пита столько воды, он лежит посреди грязной лужи. Так обрабатывать раны бесполезно, поэтому я кое-как прислоняю его к валуну. Пит сидит молча, не жалуется, пока я смываю остатки грязи с волос и кожи. Она очень бледная, и Пит совсем не кажется мускулистым и сильным. Он вскрикивает, когда я вытаскиваю жала из волдырей, и облегченно вздыхает от приложенных листьев. Пока Пит обсыхает на солнце, я стираю его рубашку и куртку и раскладываю их на валунах. Затем обрабатываю мазью ожог на груди. Только теперь я замечаю, какой Пит горячий. У него лихорадка. В аптечке, доставшейся мне от парня из Дистрикта-1, нахожу жаропонижающие таблетки. Мама иногда покупала такие, когда домашние средства не помогали.

— Выпей, — приказываю я Питу, и он послушно проглатывает лекарство. — Ты, наверное, голодный.

— Нет. Странно, но мне уже несколько дней не хочется есть.

Когда я предлагаю ему грусенка, он морщит нос и отворачивается. Тогда я понимаю, насколько все серьезно.

— Пит, ты должен что-нибудь съесть, — настаиваю я.

— Не надо. Все равно вырвет.

В конце концов мне удастся уговорить его съесть несколько кусочков сушеного яблока.

— Спасибо. Мне уже лучше. Правда. Можно я теперь посплю? — говорит он.

— Потерпи немного. Сначала я взгляну на твою ногу.

Очень осторожно я снимаю с его ног ботинки и носки и медленно стаскиваю штаны. Я видела разрез на штанине там, куда угодил нож Катона, но это совсем не подготовило меня к виду раны.

Глубокой, воспаленной, сочащейся кровью и гноем. А хуже всего запах. Запах гниющего мяса.

Первый порыв — убежать. Скрыться в лесу, как в тот день, когда к нам в дом принесли парня с ожогами. Охотиться, пока кто-то другой сделает то, на что у меня не хватает ни умения, ни смелости. Вот только здесь я одна.

Пытаюсь напустить на себя беспечный вид, как мама, когда ей приходится иметь дело с особенно тяжелыми случаями.

— Ужасно, да? — спрашивает Пит, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Так себе. — Я пожимаю плечами. — Видел бы ты, в каком состоянии маме приносят людей с шахт. — О том, что всякий раз, когда речь идет о чем-то посерьезнее простуды, меня как ветром сдувает, я

предпочитаю не упоминать. Хотя, честно говоря, от простуженных и кашляющих я тоже стараюсь держаться подальше.

— Для начала рану надо хорошенько промыть, — говорю я.

На Пите остались только трупы. Они в приличном состоянии, зачем зря тревожить распухшее бедро? Да и что греха таить, мысль, что Пит будет лежать передо мной совершенно голый, меня смущает. Мама и Прим — те не такие. Нагота для них ничего не значит. Как ни удивительно, сейчас моя маленькая сестренка была бы гораздо полезнее для Пита, чем я.

Подсовываю под ноги Пита кусок непромокаемой пленки и промываю рану. С каждой новой бутылкой рана выглядит все страшнее. Кроме нее на ногах только один осиный укус и несколько маленьких ожогов, с которыми я быстро раздельваюсь. Но этот страшный глубокий порез — что мне делать с ним?

— Подождем, пока рана немного подсохнет, и тогда... — тяну я.

— И тогда ты меня залатаешь?

Кажется, Пит заметил мою растерянность и жалеет меня.

— Вот именно. А сейчас съешь вот это.

Я сую ему в руку горсточку сушеных груш и спускаюсь к ручью, чтобы постирать остальную одежду. Разложив ее на камнях сушиться, просматриваю содержимое аптечки. Все очень нехитрое: бинты, лекарства от жара, от расстройства желудка. Ничего, что могло бы помочь Питу.

— Придется поэкспериментировать, — признаюсь я.

Листья, помогающие от укусов ос-убийц, хорошо борются с воспалением, поэтому я начинаю с них. Жую листья и прикладываю кашку к ране. Спустя несколько минут по бедру начинает стекать гной. Убеждаю себя, что это хороший знак, и больно прикусываю зубами щеку; мой завтрак явно стремится выскочить наружу.

— Китнисс, — зовет Пит. Я смотрю ему в глаза. Лицо у меня сейчас, должно быть, зеленое. — Как насчет поцелуя? — произносит он одними губами.

В этой тошнотворной обстановке предложение кажется настолько несурзным, что я начинаю смеяться.

— Что такого? — спрашивает Пит невинным тоном.

— Я... я ничего не могу. Не то что моя мама. Делаю сама не знаю что и не выношу вида гноя, — объясняю я. — О-о! А-а! — Из меня вырываются стоны, пока я смываю первую порцию листьев и прикладываю новую.

— И как же ты охотишься?

— Убивать зверей гораздо легче, чем это. Можешь мне поверить. Хотя

тебя я тоже, кажется, убиваю.

— А побыстрее убивать нельзя?

— Нет. Заткнись и жуй груши. После того как я прикладывала листья три раза, и из раны вытекло, наверное, целое ведро гноя, опухоль спала. Теперь видно, насколько глубоко вошел нож — до самой кости.

— Что дальше, доктор Эвердин?

— Думаю, можно помазать средством от ожогов. От инфекции оно ведь тоже помогает. Потом забинтуем.

Так я и делаю. Когда нога обмотана белыми чистыми бинтами, все кажется не таким уж страшным. На фоне стерильной повязки край трусов выглядит ужасно грязным. Там наверняка полно микробов. Я достаю Рутин рюкзак.

— Возьми, прикройся. Надо постирать твои трусы.

— Я не против, если ты увидишь меня голым.

— Значит, ты такой же, как мама и Прим, — отвечаю я. — А я против, ясно?

Я отворачиваюсь и смотрю на ручей, пока в воду не шлепается комок. Должно быть, Питу стало лучше, раз он уже может бросать.

— Кто бы мог подумать, что особа, убивающая одним выстрелом, так щепетильна, — рассуждает Пит, пока я при помощи двух камней стираю трусы. — Все-таки зря я тогда не дал тебе мыть Хеймитча.

Морщу нос при воспоминании.

— Он тебе что-нибудь присылал? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает он. Потом продолжает, как будто слегка ревниво: — А что, тебе присылал?

— Да, лекарство от ожогов, — говорю я почти виновато. — И еще хлеб.

— Я всегда знал, что ты его любила.

— Любила? Да он меня на дух не выносит.

— Потому что вы с ним слишком похожи, — тихо говорит Пит.

Я прикусываю язык: сейчас не самое подходящее время оскорблять Хеймитча, а именно это я и собиралась сделать.

Даю Питу поспать, пока сушится одежда, а под вечер легонько трогаю его за плечо. Ждать дольше я не решаюсь.

— Пит, пора уходить.

— Уходить? — удивляется он. — Куда?

— Здесь оставаться нельзя. Может, ниже по ручью мы найдем укрытие, и ты там отлежишься.

Помогаю ему одеться и встать. Его лицо бледнеет, как только он

опускает вес на больную ногу.

— Идем. Ты сможешь.

Пит не может. Мы проходим около пятидесяти ярдов по дну ручья — при этом Пит все время опирается на мое плечо, — и, кажется, он вот-вот потеряет сознание. Я усаживаю его на берегу. Ободряюще похлопываю по спине, осматривая окрестности. О том, чтобы забраться с ним на дерево и думать нечего. Что ж, могло быть и хуже. В некоторых скалах есть углубления, почти пещеры. Пока мы шли, я заметила одну из них ярдах в двадцати вверх по ручью. Когда Пит снова способен встать, я наполовину веду, наполовину тащу его туда. Конечно, хотелось бы найти что-нибудь более подходящее, но придется довольствоваться этим. Мой союзник совсем обессилел. Он белый как бумага, задыхается и весь дрожит, хотя еще только начало холодать.

Я насыпаю на пол пещеры сосновых иголок, разворачиваю спальный мешок и помогаю Питу в него забраться. Даю ему две таблетки и немного воды, однако от еды он отказывается. Лежит и смотрит на меня, пока я пытаюсь замаскировать ход в пещеру стеблями вьющихся растений. Поучается ужасно. Зверя, может, и удастся обмануть, но человек сразу сообразит, что к чему. Злюсь и срываю все обратно.

— Китнисс, — зовет Пит. Подхожу, поправляю волосы, падающие ему на глаза. — Спасибо, что нашла меня, Китнисс.

— Ты бы тоже меня нашел, если бы мог.

Лоб Пита пылает. Лекарства совсем не подействовали. Мне вдруг становится страшно, что он умрет.

— Послушай. Если я не вернусь... Я прерываю его:

— Не говори так. Что я, зря выкачивала весь этот гной?

— Нет. Но если вдруг...

— Никаких вдруг. Это не обсуждается. — Я кладу пальцы ему на губы.

— Но я...

Повинуясь внезапному порыву, я наклоняюсь и целую Пита, заставляя его замолчать. Давно пора, кстати. Мы ведь нежно влюбленные. Я никогда раньше не целовала парня и, наверное, должна чувствовать нечто особенное, а я лишь отмечаю, какие неестественно горячие губы у Пита. Отстранившись, я повыше поднимаю край мешка.

— Ты не умрешь. Я тебе запрещаю. Ясно?

— Ясно, — шепчет он.

Выхожу на прохладный вечерний воздух, и к моим ногам тут же опускается парашют. Быстро распутываю узел в надежде на какое-нибудь стоящее лекарство для Пита, но там всего лишь баночка с горячим

бульоном.

Хеймитч не мог бы выразиться определеннее: один поцелуй — одна баночка бульона. Я почти слышу его злобное ворчание: «Ты влюблена, солнышко. Твой парень умирает. Что ты ведешь себя как вяленая рыба?

Что ж, он прав. Если я хочу, чтобы Пит выжил, надо произвести впечатление на зрителей. Несчастные влюбленные отчаянно стремятся вернуться домой вместе! Два сердца бьются в унисон друг другу! Как романтично!

Задача не из простых, я ведь ни в кого не была влюблена по-настоящему. А вот родители...

Отец никогда не приходил из леса без какого-нибудь подарка для мамы. А ее лицо всегда светлело, едва она слышала его шаги за порогом. Когда отец умер, она сама почти перестала жить.

— Пит! — кричу я, подражая голосу мамы, когда она разговаривала с отцом. Ни с кем больше она так не говорила.

Пит снова задремал; бужу его поцелуем. Вначале Пит явно ошарашен, потом озаряется такой счастливой улыбкой, словно готов всю жизнь лежать вот так и смотреть на меня. Как только у него это получается?

Я показываю ему банку.

— Пит, смотри, что Хеймитч прислал тебе.

Целый час уходит на то, чтобы где уговорами и мольбами, где угрозами, а где и поцелуями заставить Пита съесть весь бульон. Наконец, банка пуста. Пит засыпает, и тогда я с жадностью набрасываюсь на свой ужин: трусенка и коренья. В небе тем временем показывают сводку. Убитых нет. Остается надеяться, что мы с Питом сегодня достаточно развлекли публику, и распорядители перестанут тревожить нас ночью.

Привычно осматриваюсь в поисках подходящего для ночлега дерева и тут соображаю, что с этим покончено. По крайней мере на время. Не могу же я бросить Пита одного на земле. Я ничем не замаскировала место, где он прятался на берегу ручья — да и как его замаскируешь? — и мы отошли оттуда меньше чем на пятьдесят ярдов. Я надеваю очки, кладу рядом с собой оружие и заступаю на дежурство.

Температура быстро падает, и у меня зуб на зуб не попадает от холода. Я сдаюсь и заползаю в спальный мешок к Питу. До чего приятно оказаться в тепле. Впрочем, я недолго им наслаждаюсь, потому что скоро становится не тепло, а нестерпимо жарко. Пита лихорадит, а специальная ткань отражает его жар. Я не знаю, что делать. Понадеяться, что жар уничтожит инфекцию? Или, наоборот, вытащить Пита из мешка? Может, холодный ночной воздух пойдет ему на пользу? В конце концов я лишь кладу ему на лоб мокрый бинт. Вряд ли это поможет, но хотя бы не навредит.

Ночью я то сижу, то ложусь рядом с Питом, снова и снова мочу бинт. Стараюсь не думать о том, что одной мне было гораздо лучше и безопаснее. А теперь я привязана к земле, не могу позволить себе заснуть и должна ухаживать за тяжелобольным. Хотя ведь и раньше понимала, на что иду. Знала, что Пит ранен. И все равно отправилась его искать. Не знаю, какой инстинкт обрек меня на это, но надеюсь, он не приведет меня к гибели.

В первых лучах зари я замечаю на верхней губе Пита капельки пота. Жар пошел на убыль. Вчера вечером, когда я ходила за стеблями, чтобы замаскировать вход в пещеру, я наткнулась на куст Рутиных ягод. Теперь я обрываю их и растираю с водой в банке из-под бульона. Увидев меня, Пит пытается встать.

— Я волновался, — говорит он. — Проснулся, а тебя нет.

Со смехом укладываю его обратно.

— Волновался за меня? Ты свою ногу давно видел?

— Подумал, вдруг на тебя напали Катон с Мирной. Они часто рыскают

по ночам, — продолжает Пит серьезно.

— Мирта? Это кто?

— Девушка из Второго дистрикта. Она ведь еще жива?

— Да. Остались только они, мы, Цеп и Лиса, Лиса — это девушка из Пятого, я ее так назвала. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем вчера. По сравнению с грязью здесь просто рай. Чистая одежда, спальный мешок, лекарства и... ты.

Да-да, вся эта любовная чушь. Куда ж без нее? Пит ловит мою ладонь, когда я хочу пощупать его щеку, и прижимает к своим губам. Отец часто так делал с мамой. Но откуда Пит нахватался? Наверняка не от своего отца и той ведьмы.

— Больше никаких поцелуев, пока не позавтракаешь, — строго говорю я.

С моей помощью Пит садится, опираясь спиной о стену пещеры. Послушно ест с ложки ягодную мякоть, а от мяса снова отказывается.

— Ты не спала, — говорит он.

— Неважно, — отвечаю я, хотя на самом деле чувствую себя измочаленной.

— Поспи сейчас. Я покараулю. Если что, разбужу тебя, — предлагает он. Я колеблюсь. — Китнисс, ты не выдержишь не спать все время.

Тут он прав. Рано или поздно я все равно засну. И лучше сделать это сейчас, когда Пит вроде бы не так плох и светит солнце.

— Хорошо, — уступаю я. — Только пару часов. Потом разбуди меня.

Днем слишком жарко, чтобы залезать в спальный мешок. Я расстилаю его на полу пещеры и ложусь сверху, держа на всякий случай одну руку на луке. Пит сидит рядом, прислонившись к стене, и следит за входом.

— Спи, — говорит он тихо, убирая у меня со лба выбившиеся пряди волос.

Этот жест такой естественный и успокаивающий, совсем не то что наши наигранные поцелуи и ласки. Мне не хочется, чтобы Пит останавливался, и он как будто понимает меня. Он гладит мои волосы, пока я не засыпаю.

Я сплю долго. Слишком долго. Я понимаю это, едва раскрыв глаза. День уже в самом разгаре. Пит сидит рядом, в том же положении. Я поднимаюсь немного рассерженная, зато чувствую себя хорошо отдохнувшей, лучше, чем за последние несколько дней.

— Пит, ты должен был разбудить меня через пару часов!

— Зачем? Тут все по-прежнему. И потом, мне нравится смотреть, как ты спишь. Во сне ты не хмуришься. Хмурый вид тебе не идет.

От этих слов я, конечно, сразу начинаю сердиться, а Пит смеется. Его губы совсем сухие.

Трогаю щеку. Горячая, как печка. Говорит, что пил, но бутылки полные. Даю ему еще таблеток и не отстаю, пока он не осушает одну из бутылок почти полностью. Обрабатываю маленькие ранки, ожоги и укусы; они уже подзажили. И, наконец, призвав все свое мужество, разбинтовываю ногу.

Сердце опускается. Стало хуже, намного хуже. Гноя не видно, а вот опухоль увеличилась. Красная и блестящая кожа натянута как барабан. Вверх поднимаются красные прожилки. Заражение крови! Без нормального лечения Пит обречен. От листьев и мази пользы ни на грош. Нужны сильные антибиотики из Капитолия. Я даже представить себе не могу, сколько стоят такие лекарства. Хватит ли на них всех денег от спонсоров? Вряд ли. Чем ближе к концу Игр, тем дороже становятся дары. За одну и ту же цену в первый день можно купить целый обед, а в двенадцатый — одну единственную галету. Лекарство, которое нужно Питу, даже в первый день потянуло бы на целое состояние.

— Ну-у, опухоль немного увеличилась, зато нет гноя, — произношу я дрожащим голосом.

— Я знаю, что такое заражение крови, Китиисс. Хотя моя мать и не лекарь.

— Тебе только нужно пережить остальных, Пит. Когда мы победим, в Капитолии тебя вылечат.

— Хороший план, — соглашается он.

— Ты сейчас поешь. Тебе нужны силы. Я приготовлю суп.

— Не зажигай огонь. Оно того не стоит.

— Посмотрим.

Я выхожу с банкой к ручью. Жара невыносимая. Распорядители явно химичат с температурой: днем поднимают ее все выше и выше, а ночью устраивают ледник. Разогретые на солнце камни наводят меня на мысль: возможно, удастся обойтись без огня.

Сажусь на большой плоский валун на полпути между ручьем и пещерой. Добавив в воду йода, ставлю банку на солнце и кладу внутрь несколько горячих камешков размером с яйцо. Повар, надо сказать, из меня неважнецкий, но для супа ведь особого умения не надо: побросал все в воду и жди, когда будет готово. Мелко рублю мясо грусенка, пока оно почти не превращается в кашу, толку Рутини коренья. К счастью, и то и другое уже изжарено, так что теперь нужно только разогреть. Вода уже теплая. Кладу в нее мясо и коренья, меняю камни и иду поискать какой-нибудь зелени, чтобы приправить суп. У подножия одной из скал растет лук-

резанец. То, что надо. Крошу его очень мелко и добавляю в банку. Снова меняю камни, накрываю банку крышкой и жду, пока все истомится.

Пару раз я замечала, что здесь водится дичь, да разве тут поохотишься? Не оставишь же Пита одного. Надеюсь на удачу, ставлю полдюжины силков. Интересно, как там поживают другие трибуты? Теперь, когда пирамида уничтожена. Ведь на нее полагались, по меньшей мере, трое: Катон, Мирта и Лиса. Цеп вряд ли. Скорее всего он, как и Рута, привык находить пищу сам. Чем они заняты? Воюют друг с другом? Ищут нас? Может, Кто-то уже обнаружил наше укрытие и теперь ждет подходящего момента, чтобы напасть? В тревоге я бегу обратно к пещере.

Пит лежит в тени, вытянувшись на спальном мешке. Немного приободряется, когда видит меня, но ясно, что чувствует себя отвратительно. Накладываю ему на лоб мокрые бинты, и они согреваются, едва коснувшись кожи.

— Может, ты чего-то хочешь? — спрашиваю я.

— Нет. Хотя... да. Расскажи мне что-нибудь.

— Рассказать? Что?

Я не любительница травить байки. Это вроде пения. Время от времени Прим меня уламывает.

— Что-нибудь веселое, — говорит Пит. — Расскажи мне о твоём самом счастливом дне.

У меня невольно вырывается полувздых, полу-стон. О счастливом дне? Это тебе не супчик состряпать. Пытаюсь вспомнить, что хорошего у Меня было в жизни. Почти все, что приходит на ум, связано с Гейлом и нашей совместной охотой. Не самая подходящая тема для Пита и зрителей. Остается Прим.

— Я тебе уже рассказывала, как добыла козу для Прим?

Пит качает головой. Я начинаю. Тут тоже есть загвоздка: мои слова услышат повсюду в Панеме, и хотя все уже наверняка сложили два и два и поняли, что я нелегально охочусь дома, зачем подставлять других? Гейла, Сальную Сэй, мясника, тех же миротворцев. Постоянные покупатели все-таки.

На самом деле деньги на козу я достала так. Был вечер пятницы. На завтра у Прим день рождения — десять лет. Сразу после школы мы с Гейлом махнули в лес. Я хотела подольше пособирать и поохотиться, чтобы было за что купить подарок для Прим. Отрез на платье или щетку для волос. В силки попало порядком зверья, да и зелени в лесу было навалом, но, в общем и целом, добычи мы набрали столько же, сколько в любую другую пятницу. Я возвращалась расстроенная, несмотря на убеждения

Гейла, что завтра нам обязательно повезет больше. Мы остановились у ручья передохнуть и тут увидели оленя. Он был совсем молодой, годовик, наверное: рожки только начали расти и еще покрыты бархатистой кожицей. Насторожился, готовый убежать, но не убегает: людей-то он раньше не видел. Красивый.

И уже не такой красивый, когда в него вонзились две стрелы — одна в шею, другая в грудь. Мы с Гейлом выстрелили одновременно. Олень побежал, споткнулся, и Гейл, не дав ему опомниться, резанул его по горлу. Меня словно что-то кольнуло в сердце: как же мы губим такую красоту и нежность! А в следующий момент в животе заурчало от предвкушения великолепного нежного мяса.

Целый олень! За все время нам с Гейлом удалось подстрелить лишь трех. Первый раз почти не считается: тогда мы убили олениху с хромой ногой и потом сами все испортили.

Не надо было тащить тушу в Котел. Все сразу набросились, стали торговаться, выбирать куски, кто сам взялся отрезать. Спасибо, Сальная Сэй вмешалась и послала нас к мяснику. Правда, вид уже был не тот: мясо порезано, шкура изодрана. Заплатить-то все заплатили, а целиком можно было продать дороже. В этот раз мы просидели в лесу дотемна, а потом пролезли через дыру в заборе поближе к дому мясника. Хоть ни для кого и не секрет, что мы охотимся, а зря мозолить глаза не стоит, особенно со стопятидесятифунтовым оленем.

Постучали в заднюю дверь. На стук вышла женщина-мясник, невысокая, коренастая, по имени Руба. С Рубой не поторгуешься; назвала цену, а ты хочешь — соглашайся, не хочешь — уходи. Цена честная. Мы соглашаемся. Руба разделяет мясо и отрезает нам еще пару кусков на жаркое. Никогда в жизни у нас в руках не было столько денег сразу. Даже половины.

Вот откуда у меня на самом деле взялись деньги. Питу я говорю, что продала старый серебряный медальон мамы. Это никому не повредит. Потом сразу перехожу ко дню рождения Прим.

После обеда мы с Гейлом пошли на рынок. Я выбирала ткань на платье, как раз присматривалась к куску голубого сатина, когда мой взгляд привлекло кое-что поинтереснее. На другой стороне Шлака один старик держит коз. Старика так и называют — Козовод, а как его по-настоящему зовут, я даже не знаю. Он все время кашляет, суставы у него опухшие и как будто вывернутые — видно, много лет на шахтах горбатился. Ему повезло. Сумел накопить денег, завел коз и теперь не умрет с голоду. Сам старик грязный и сердитый, но за козами следит и молоко продает хорошее. Было

бы только за что покупать.

Одна козочка, белая с черными отметинами, лежала на тачке. Какой-то зверь, может, дикая собака, подрал ей лопатку, и началось заражение. Старик поддерживает козу, чтобы подоить; сама она на ногах не держится. Я знаю, кто ее выходит.

— Гейл, — шепчу я. — Я хочу подарить Прим эту козу.

В Дистрикте-12 коза может изменить жизнь. В еде козы неприхотливы, а на Луговине полно травы. Одно животное дает почти полведра молока в день. И попить хватит, и сыру сделать, и еще на продажу останется. К тому же все законно.

— Она сильно ранена, — говорит Гейл. — Давай посмотрим поближе.

Мы подходим, покупаем на двоих чашку молока и глядим на козу, будто из любопытства.

— Чего уставились? — спрашивает старик.

— Просто смотрим, — отвечает Гейл.

— Ну смотрите, пока жива. А то сейчас продам ее мяснику. Все равно молока от нее никто брать не хочет, а если возьмут, так полцены выторговать норовят.

— Сколько мясник дает? — интересуюсь я. Старик пожимает плечами.

— Постой тут, увидишь.

В эту минуту к нам с другого конца площади подошла Руба.

— Ты вовремя, — говорит старик. — Девочка положила глаз на твою козу.

— Да ладно, — равнодушно говорю я. — Продана, так продана.

Руба смерила меня взглядом, потом недовольно посмотрела на козу.

— Нет, я такое брать не стану. Ты глянь, что у нее с лопаткой. Да там весь бок сгнил, наверно. Даже на колбасу не годится.

— Как так? Мы же договорились, — возмущается Козовод.

— Договорились, да не об этом. Ты сказал, пара отметин от зубов, а тут вон что. Продай ее девочке, если она такая дура, что купит.

Уходя, Руба мне подмигнула. Козовод страшно разозлился. Козу он все равно хотел сбывать с рук, тем не менее торговались мы с ним не меньше получаса. Целую толпу собрали. Кто одно говорил, кто другое. Ну и цена вышла ни то ни се: почти даром, если коза выживет, и грабеж, если сдохнет. Каждый ушел со своим мнением, а я ушла с козой.

Гейл помог мне ее нести. Ему, наверно, тоже было интересно, как отреагирует Прим. А я была так рада, что перед уходом даже розовую ленточку купила и повязала козе на шею.

Надо было видеть Прим, когда мы появились дома с таким подарком.

Это ведь она совсем не так давно со слезами упрашивала меня оставить Лютика, того паршивого кота. Сейчас она плакала и смеялась одновременно. Мама, правда, посмотрела на рану с сомнением, но они с Прим справились. Прикладывали травы, поили отварами.

— Прямо как ты меня, — говорит Пит.

За рассказом я даже забыла, что он здесь.

— Мне до них далеко. Они творят чудеса. Та животное не умерла бы, даже если бы захотела.

Запоздало прикусываю язык. Каково это слышать Питу, который действительно умирает. Умирает, потому что я такая бестолковая.

— Ничего. Я ведь не хочу, — шутит Пит. — Рассказывай дальше.

— Да я уже почти закончила. Помню только, в ту ночь Прим легла спать вместе с Леди на одеяле возле печки. И перед тем как заснуть, коза лизнула ее в щеку. Будто пожелала спокойной ночи. Она сразу влюбилась в Прим.

— На ней все еще была розовая ленточка? — спрашивает Пит.

— Наверно. Какая разница?

— Просто захотелось представить себе картину, — отвечает он задумчиво. — Понимаю, почему этот день был для тебя счастливым.

— Еще бы. Я знала, что коза для нас настоящая находка.

— Конечно. Именно это я и имел в виду. Какое значение имеет радость твоей сестры? Сестры, которую ты так любишь, что пошла вместо нее на Игры, — говорит Пит сухо.

— Коза действительно себя окупила. И не один раз, — продолжаю я рассудительным тоном.

— Ну как же. Иначе, она бы просто не посмела. После того, как ты спасла ей жизнь. Я тоже постараюсь себя окупить.

— Правда? Напомни-ка, сколько ты мне стоил?

— Кучу хлопот. Не беспокойся, я все верну.

— Ты мелешь чепуху. У тебя, наверное, бред. — Я щупаю ему лоб. Температура явно поднялась выше, но я вру: — Нет, жар немного спал.

Звук труб заставляет меня вздрогнуть. Я вскакиваю и бросаюсь ко входу в пещеру: не хочу пропустить ни слова. Мой новый друг Клавдий Темплсмит, как и следовало ожидать, приглашает нас на пир. Нет уж, спасибо. Не настолько мы голодны. Разочарованно отмахиваюсь, а Клавдий продолжает:

— А теперь самое главное. Полагаю, некоторые из вас уже решили отказаться от приглашения. Так вот, пир будет необычным. Каждый из вас крайне нуждается в какой-то вещи. — Да, тут он попал в точку. Я крайне

нуждаюсь в лекарстве для Пита. — И каждый из вас найдет эту вещь в рюкзаке с номером своего дистрикта завтра на рассвете у Рога изобилия. Советую хорошо подумать, прежде чем принимать решение. Другого шанса не будет.

Объявление кончилось, но слова, кажется, остались висеть в воздухе. Я вздрагиваю, когда Пит трогает меня сзади за плечо.

— Нет, — говорит он. — Ты не должна рисковать ради меня.

— С чего ты взял, что я собираюсь? — удивляюсь я.

— Значит, ты не пойдешь.

— Конечно, не пойду. Даже не сомневайся. Что я, сумасшедшая лезть в драку против Катона, Мирты и Цепа? — говорю я, помогая Питу лечь. — Пусть они перебьют друг друга. Завтра посмотрим, кто остался, и тогда будем думать, что дела дальше.

— Ты совсем не умеешь хитрить, Китнисс. Не знаю, как тебе удалось до сих пор выжить. — Пит начинает меня передразнивать: «Я знала, что коза для нас настоящая находка. Жар немного спал. Конечно, не пойду». Никогда не берись играть в карты на деньги. Проиграешься в пух.

Во мне вспыхивает злость.

— Вот как! Что ж, я пойду. И ты меня не остановишь.

— Я пойду за тобой. Сколько смогу. До Рога изобилия не дотяну, но буду орать твое имя, пока кто-нибудь не придет и не прикончит меня.

— Ты с этой ногой и десяти шагов не сделаешь.

— Тогда буду ползти. Если идешь ты, я иду тоже.

Пит упрям, и, пожалуй, у него еще хватит сил на то, чтобы потащиться за мной в лес. Даже если его не найдет никто из трибутов, то разорвут хищники. Может, завалить вход камнями? Он будет пытаться их убрать, и кто знает, чем для него обернется такое напряжение.

— И что прикажешь мне делать? Сидеть и смотреть, как ты умираешь? — говорю я.

Пит должен понимать, что это не выход. Зрители возненавидят меня. Да я сама возненавижу себя.

— Я не умру. Обещаю. Если ты обещаешь не ходить.

Мы кружимся на одном месте. Я знаю, что не переспорю его, и больше не пытаюсь. Делаю вид, будто неохотно уступаю.

— Тогда дай слово во всем мне подчиняться. Пить воду, будить меня, когда я скажу, и съешь весь суп, каким бы противным он ни был! — рявкаю я.

— Даю слово. Суп готов?

— Сейчас принесу.

Воздух заметно попрохладнел, хотя солнце еще высоко. Да, без распорядителей тут явно не обошлось. Не удивлюсь, если какой-нибудь трибут крайне нуждается в теплом одеяле.

Суп в железной банке еще не остыл. И на вкус как будто ничего.

Пит ест, не жалуется и даже с усердием выскребает банку. Потом еще долго нахваливает. Я могла бы загордиться, если бы не знала, что лихорадка делает с людьми. Это все равно что слушать болтовню пьяного Хеймитча. Даю Питу еще одну дозу жаропонижающего, а то, боюсь, у него совсем ум за разум зайдет.

Спускаюсь к ручью, чтобы вымыть банку. Голова занята только одним: Пит умрет, если я не пойду на пир. Протянет еще день-два, потом заражение перекинется на сердце, на мозг или на легкие, и это будет конец. Я останусь совсем одна. Опять. Пока за мной не придут.

Я так погружена в мысли, что едва не упускаю парашют, хотя он проплывает прямо у меня перед глазами. Бросаюсь к нему, выхватываю из воды и разрываю серебристую ткань. Внутри — пузырек. Хеймитч справился! Не знаю как, но он достал лекарство. Уговорил каких-нибудь прекраснодушных кретинов продать драгоценности.

Пит спасен! Пузырек такой маленький... Лекарство, должно быть, очень сильное. Во мне зарождается смутное сомнение. Вытаскиваю пробку и нюхаю. Тошнотворно-сладкий запах. Моя радость мигом растаяла. Чтобы удостовериться, пробую жидкость на язык. Так и есть, успокоительный сироп. В Дистрикте-12 им пользуются сплошь и рядом. Самое дешевое лекарство, да еще вызывает привыкание. У нас дома тоже стоит бутылка. Мама дает его от истерик, и тем, кто хочет забыться, и когда нужно зашить серьезную рану. Оно сильнодействующее. Пузыречка хватит, чтобы усыпить Пита на целый день, да что толку? От злости мне хочется швырнуть посылку Хеймитча в ручей, и тут до меня доходит. Целый день? Это даже больше, чем нужно.

Выливаю лекарство в банку и растираю с ягодами и листиками мяты, чтобы отбить вкус. Возвращаюсь в пещеру.

— Вот тебе десерт. Я нашла еще немного ягод дальше по ручью.

Пит, ничего не подозревая, берет в рот первую ложку. Проглатывает и хмурится.

— Что-то очень уж сладко.

— Конечно. Это сахарные ягоды. Мама варит из них джем. Ты что, их никогда не ел? — говорю я, запихивая ему в рот следующую порцию.

— Нет, — отвечает он озадаченно. — А вкус знакомый. Сахарные ягоды?

— Ну, на рынке они редко бывают. Растут только в лесу.

Еще ложка. И еще одна. Последняя.

— Сладкие, как сироп, — говорит он с полным ртом. — Сироп!

Глаза Пита расширяются, когда он понимает, в чем дело. Я с силой зажимаю ему рот, заставляя проглотить. Пит пытается вызвать рвоту — слишком поздно. Он уже засыпает. В осоловевших глазах злой укор. Боюсь, прощения мне не будет.

Я смотрю на Пита с грустью и облегчением. К его подбородку прилип кусочек ягоды, я стираю его.

— Ну и кто не умеет хитрить, Пит? — спрашиваю я.

Он меня не слышит. Это неважно. Зато слышит Панем.

До самой ночи я таскаю камни, чтобы как-то замаскировать вход в пещеру. Это стоит много трудов и пота, но в конце концов я довольна. Со стороны кажется, что у скалы просто лежит грудa камней. Я оставила маленькое отверстие, черёз которое могу пролезть к Питу. Снаружи оно не видно. Сегодня ночью мне снова придется делить спальный мешок с Питом. Вдобавок он не будет замурован, если я не вернусь. Хотя без лекарств он долго не протянет. Если погибну я, Дистрикт-12 останется без победителя.

Ловлю в ручье мелкую костистую рыбешку и готовлю еду. Наполняю бутылки водой. Осматриваю оружие. Стрел всего девять. Думаю, не оставить ли нож Питу, чтобы ему было чем обороняться. А впрочем, вряд ли у него хватит сил. Маскировка — его единственная защита. А мне нож может пригодиться. Кто знает, что меня ждет.

В одном сомневаться не приходится: Катон, Мирта и Цеп явятся на пир без опоздания. Насчет Лисы не уверена: идти напролом не в ее стиле. И неудивительно: она даже меньше меня, и у нее нет оружия, если только она не добыла за последние дни. Скорее всего, затаится поблизости и будет ждать, не удастся ли что-нибудь подобрать после побоища. А вот остальные... Да, денек предстоит жаркий. Мое главное преимущество в том, что я могу убивать на расстоянии, но в этот раз оно мне не поможет: чтобы достать рюкзак, придется лезть в самое пекло.

С надеждой смотрю в ночное небо: вдруг соперников уже поубавилось. Сегодня лиц нет. Они будут завтра. На пиру без жертв не обходится.

Заползаю в пещеру, надеваю очки и сворачиваюсь калачиком около Пита. Хорошо, что я выпалась днем. Сейчас спать нельзя. Не думаю, что кто-нибудь на нас нападет, но боюсь пропустить рассвет.

Холодно, жутко холодно. Как будто распорядители продувают арену потоком ледяного воздуха. Возможно, так оно и есть. Забираюсь в мешок к Питу. Даже его жар не сразу меня согревает. Странно лежать вот так рядом с Питом и при этом чувствовать, что он совсем не здесь. Находишься он в Капитолии, или в Дистрикте-12, или даже на Луне, он не был бы дальше. С начала Игр мне еще не было так одиноко.

Придется смириться, что это не самая лучшая ночь в твоей жизни, говорю я себе. Стараюсь не думать о маме и Прим — ничего не выходит.

Смогут ли они сегодня заснуть? Завтра занятия в школе скорее всего отменят: Игры подходят к концу, а тут еще такое важное событие — пир. Где мама и Прим будут их смотреть? По нашему старому ящику с кучей помех или пойдут на площадь, где стоят большие четкие экраны? Дома можно дать волю чувствам, зато на площади им не будет одиноко. Люди подбодрят, угостят. Интересно, разыскал ли их пекарь? Особенно теперь, когда мы с Питом союзники. И сдержал ли свое обещание позаботиться о Прим?

В Дистрикте-12 сейчас, наверное, дикий восторг. Обычно к концу Игр нам уже не за кого болеть. А тут сразу двое, да еще в одной команде. Закрыв глаза, я представляю, как все кричат, и волнуются перед экранами, и дают нам советы. Сальная Сэй, Мадж, даже миротворцы, покупавшие у меня мясо.

И Гейл. Уверена, он не кричит и не улюлюкает. Он просто внимательно смотрит. Следит за каждой минутой, не пропускает ни одной мелочи. И хочет, чтобы я вернулась. Не знаю, желает ли он того же Питу... Гейл не был моим парнем, но... возможно, хотел им стать? Предлагая убежать с ним, думал ли он только о нашей безопасности? Или о чем-то большем?

И как он теперь относится ко всем этим поцелуям?

Сквозь щель между камнями я вижу луну и по ее положению могу примерно определить время. Часа за три до рассвета готовлюсь к выходу. Кладу рядом с Питом воду и аптечку. Если я не вернусь, ничто другое ему уже не потребуется. После некоторых колебаний снимаю с него куртку и надеваю поверх своей. Питу с его жаром в спальном мешке тепло даже сейчас, а днем вообще будет пекло. Взяв запасную пару Рутиных носков и прорезав в них дырки для пальцев, надеваю на немеющие от холода руки. В Рутин же маленький рюкзачок кладу немного еды, бутыль с водой и бинты. Засовываю за пояс нож, беру лук и стрелы. Можно идти. Ах да, чуть не забыла. Мы ведь несчастные влюбленные. Наклоняюсь к Питу и целую его долгим, очень долгим поцелуем. Сентиментальные capitoлийцы сейчас, наверное, жалостливо вздохнули. Делаю вид, что смахиваю слезу. Потом иду к лазу и протискиваюсь наружу.

Изо рта идет пар. Как у нас дома в ноябре. Бывает, выйдешь до утра из дома — и в лес. А там на условленном месте уже ждет Гейл. Сидишь с ним рядом, караулишь дичь, попивая травяной чай из фляжки. Эх, Гейл! Если бы ты сейчас был моим напарником...

Стараюсь идти быстро, при этом не выдать себя и не прозевать опасность. Очки — классная штука, однако глухота в левом ухе очень мешает. Видно, взрыв повредил его не на шутку. Впрочем, неважно. Если я

вернусь домой, то стану богатой и оплачу любое лечение.

Ночью лес не такой, как днем. Даже в очках все выглядит странно и незнакомо. Словно дневные деревья, цветы и камни легли спать, а вместо себя послали своих зловещих двойников. Я не пытаюсь запутать следы, пойти другой дорогой. Поднимаюсь вверх по ручью, потом иду к тому самому укромному месту у озера, откуда наблюдала за лагерем профи. Внимательно осматриваюсь: нет ли чьих следов, не качнется ли ветка, не поднимается ли парок из-за кустов. Все чисто. Либо я пришла первой, либо другие засели еще с вечера. До рассвета еще час-два. Забираюсь поглубже в заросли и жду кровопролития. Вместо завтрака жую листья мяты. Есть не хочется. Хорошо, что я надела куртку Пита. Иначе пришлось бы двигаться, чтобы согреться. Небо уже подернулось утренней серостью, а других трибутов все не видать. Впрочем, удивляться тут нечему: противники остались сильные. Интересно, догадываются они, что я пришла одна, без Пита? Лиса и Цеп скорее всего даже не знают, что он ранен. Надеюсь, они будут думать, что меня есть кому прикрыть, когда я побегу за рюкзаком. Где же рюкзак? Уже светло, и я снимаю очки. Птицы поют свои утренние песни. Разве еще не пора? Вдруг я спутала место? Нет, я точно помню, Клавдий Темплсмит говорил о Роге изобилия. Вот он, Рог. Вот — я. Так где же мое угощение? Едва золотого Рога коснулся первый луч солнца, на площадке стало заметно какое-то движение. Земля перед жерлом раскрывается, и снизу выплывает круглый стол, накрытый белоснежной скатертью. На столе — четыре рюкзака, два больших черных с номерами 2 и 11, один зеленый, поменьше, с номером 5 и совсем крохотный — можно на запястье носить — оранжевый.

На нем номер не виден.

И только-только раздался щелчок: стол зафиксировался на месте, как из Рога изобилия выскакивает фигурка, хватает зеленый рюкзак и убегает с ним в лес. Лиса! Кому еще мог прийти в голову такой хитрый и рискованный план! Мы тут сидим, оцениваем ситуацию, а она уже со всем справилась. И остальные связаны по рукам и ногам, никто в здравом уме не станет ее преследовать, когда свой рюкзак еще лежит на столе и другие трибуты могут его украсть или испортить. Лиса чужого не тронула и правильно сделала. Вот как надо было поступить мне! Чувства изумления, восхищения, злости, зависти, досады охватывают меня одно за другим, и пока я успеваю что-то сообразить, рыжая копна волос скрывается далеко за деревьями. Теперь ее даже стрелой не достанешь. Вот так да! Я все время боялась кого-то еще, а может стать, настоящий мой противник — Лиса.

Вдобавок ко всему из-за нее я потеряла время. Ясно, что следующей

должна быть я. Мой рюкзак маленький, любой схватит — и поминай как звали. Не мешкая больше ни секунды, бросаюсь к столу. Опасность. Я не вижу ее, но чувствую. К счастью, первый нож летит справа, я слышу свист и вовремя взмахиваю луком. Разворачиваюсь, натягивая тетиву, и стреляю в Мирту. Не успеет она отклониться, стрела попала бы ей точно в сердце. Но попадает только в левую руку. Жаль, что Мирта метает ножи правой. Тем не менее я выигрываю несколько секунд, пока она вытаскивает стрелу и смотрит на рану. Бегу дальше, машинально заряжая лук с ловкостью бывалого охотника.

Наконец я у стола. Пальцы цепляют крохотный рюкзак, проскальзывают сквозь лямки, и я набрасываю его на руку, как дамскую сумочку. Он слишком мал, чтобы надеть на плечи. Поворачиваюсь, готовая выстрелить снова, и в этот момент второй нож попадает мне в лоб над правой бровью. Кровь заливает лицо, ослепляет правый глаз и наполняет рот резким металлическим вкусом. Отшатываюсь назад, успевая выстрелить наудачу в направлении соперницы. Едва стрела вылетает из лука, я уже знаю, что промахнулась. В следующее мгновение Мирта сбивает меня с ног и коленями придавливает мои плечи к земле.

Вот и конец, думаю я, надеюсь, ради Прим, что мучения не будут долгими. Но Мирта, как видно, намерена вовсю насладиться моментом. Она не торопится. Наверняка Катон ее прикрывает, поджидая Цепу и, возможно, Питу.

— Где твой дружок, Двенадцатая? Еще не окочурился? — спрашивает она.

Что ж, пока мы разговариваем, я жива.

— Он там, в лесу. Как раз приканчивает Катона, — рычу я в ответ и ору что есть мочи: — Пи-и-ит!

Мирта бьет меня кулаком в горло, обрывая вопль. Тут же озирается по сторонам — засомневалась все-таки. Пита нет, и она поворачивается обратно ко мне.

— Врешь, — ухмыляется Мирта. — Женишок — труп. Катон здорово его пырнул. Небось привязала его где-нибудь на дереве, пока совсем не загнулся. А что у нас в этом милом рюкзачке? Лекарство для любимого? Какая жалость. Он его так и не получит.

Мирта откидывает полу куртки. Внутри целый арсенал ножей. Выбирает небольшой, почти изящный ножичек с хитро загнутым концом.

— Я обещала Катону устроить хорошее представление для зрителей с твоим участием.

Изо всех сил пытаюсь сбросить ее с себя, но без толку. Она слишком

тяжелая и держит меня как в тисках.

— Даже не рыпайся, Двенадцатая. Мы тебя убьем. Как убили эту жалкую козявку, твою союзницу, что скакала по деревьям... как ее звали? Рута? Пришла Руте хана, теперь возьмемся за тебя. О женишке можно не беспокоиться. Как тебе такой план? — издевается Мирта. — Так с чего начнем?

Небрежно вытирает рукавом кровь с моего лица и вертит его туда-сюда, будто это деревянный чурбан и она раздумывает, какой узор на нем вырезать. Пытаюсь укусить ее за руку, она хватает меня за волосы и прижимает голову к земле.

— Пожалуй... начнем со рта, — мурлычет Мирта, проводя кончиком ножа по моим губам.

Я крепко сжимаю зубы, однако глаза не закрываю. Ее слова о Руте привели меня в ярость. Надеюсь, мне хватит этой ярости, чтобы умереть с достоинством. Я буду смотреть Мирте в глаза, пока смогу видеть. Буду смотреть и не закричу. Умру несломленной, пусть даже только внутри.

— Думаю, губы тебе уже не понадобятся. Не хочешь послать женишку воздушный поцелуй на прощание?

Я набираю полный рот слюны и крови и выплевываю ей в лицо. Мирта вспыхивает от бешенства.

— Что ж, приступим.

Я вся сжимаюсь в ожидании неминуемой пытки. Но едва только кончик ножа надрезает мне губу, какая-то неведомая силища срывает с меня Мирту, и вот уже она сама кричит от боли. Я ошарашена и в первую минуту не могу понять, что произошло. Пит каким-то образом встал и пришел мне на помощь? Распорядители выпустили огромного дикого зверя для пущего веселья? Или Мирту зачем-то поднял планолет?

С трудом приподнимаюсь на онемевших руках и вижу, что все мои предположения неверны. Мирта барахтается в футе от земли в руках Цеп. У меня рот открылся от изумления, такой он огромный. Мирта по сравнению с ним всего лишь тряпичная кукла. Цеп и раньше был не маленький, а на арене, кажется, стал еще больше, еще мускулистее.

Он переворачивает Мирту и бросает на землю. Я вздрагиваю от его крика:

— Что ты сделала с той девочкой? Это ты убила ее?

Мирта быстро пятится на четвереньках, словно сумасшедшее насекомое. Видно, она так поражена, что даже не способна позвать Катона.

— Нет, нет! Это не я!

— Ты называла ее имя. Я слышал. Ты убила ее? — Новая догадка

искажает его лицо злостью. — Ты разрежала ее на кусочки, как собиралась разрезать эту девушку?

— Нет! Нет, я... — Мирта видит в руках Цепка камень размером с небольшую буханку хлеба и совершенно теряет над собой контроль. — Катон! — верещит она. — Катон!

— Мирта! — слышится из леса ответ Катона, но слишком далеко, чтобы он мог ей помочь.

Что он там делает? Разыскивает Лису и Пита? Или караулил Цепка да ошибся местом?

Цеп с силой ударяет камнем в висок Мирты. Крови нет, но на черепе остается вмятина. Мирта еще жива, она часто дышит, и из ее груди вырываются стоны.

Когда Цеп с поднятым камнем поворачивается в мою сторону, я знаю, что бежать бесполезно. Мой лук не заряжен. Я смотрю в карие глаза Цепка, замороженная их странным золотым блеском.

— О чем она болтала? Ты союзница Руты?

— Я... я... мы с ней объединились. Взорвали еду профи. Я хотела ее спасти. Очень хотела. Но он нашел ее раньше. Парень из Первого, — говорю я.

Возможно, если Цеп узнает, что я помогала Руте, он убьет меня быстро и без мучений.

— Ты его убила? — сурово спрашивает он.

— Да. Я его убила. И усыпала ее тело цветами. И пела ей, пока она не уснула.

На моих глазах выступают слезы. Воля и силы покидают меня. Остается только Рута, боль в голове, страх перед Цепком и стоны умирающей девушки.

— Уснула? — презрительно бросает Цеп.

— Умерла. Я пела ей, пока она не умерла, — говорю я. — Твой дистрикт... прислал мне хлеб.

Я поднимаю руку — не за стрелой; все равно успею. Просто вытираю нос.

— Цеп, сделай это быстро, ладно? По лицу видно, что в нем борются противоположные чувства. Цеп опускает камень и говорит почти с укором:

— В этот раз, только в этот раз я тебя отпускаю. Ради девочки. Мы с тобой квиты. Больше никто никому не должен. Понятно?

Я киваю, потому что мне понятно. Понятно про долги. Про то, как плохо их иметь. Понятно, что если Цеп победит, то возвратится в дистрикт, забывший о правилах ради того, чтобы отблагодарить меня. И что Цеп тоже

пренебрегает ими. Сейчас он не станет разбивать мне голову камнем.

— Мирта! — кричит Катон с надрывом. Он уже близко и видит, что она лежит на земле.

— Тебе лучше поторопиться, Огненная Китнисс, — говорит Цеп.

Я не заставляю его повторять дважды. Что есть духу бегу по утрамбованной площадке подальше от Цепа и Мирты и голоса Катона. Оборачиваюсь только у самого леса. Цеп с двумя большими рюкзаками скрывается за краем площадки, в той части арены, которую я никогда не видела. Катон с копьем в руке стоит на коленях перед Миртой, умоляя не покидать его. Скоро он поймет, что ее уже не спасти. Как обезумевший раненый зверь, я мчусь не разбирая дороги, врезаясь в деревья, то и дело смахивая кровь, заливающую глаз. Раздается пушечный выстрел: Мирта умерла. Теперь Катон бросится по следу— либо моему, либо Цепа. Я ослабла из-за раны и вся трясусь от страха и изнеможения. У меня есть лук, однако Катон метает копьё почти так же далеко, как я стреляю.

Только одно внушает мне надежду: Цеп забрал рюкзак Катона. Рюкзак с чем-то ему нужным. Готова спорить, что Катон преследует Цепа, а не меня. Тем не менее я не замедляю хода, даже оказавшись у ручья. Влетаю в него прямо в ботинках и, изо всех сил работая ногами, бегу вниз по течению. Сдираю с ладоней Рутины носки, служившие мне вместо перчаток, и прижимаю ко лбу, чтобы остановить кровотечение. За несколько минут они промокают до нитки.

Кое-как добираюсь до пещеры и протискиваюсь внутрь. В пятнистом свете пробивающегося сквозь щели солнца снимаю с руки оранжевый рюкзачок, отрезаю клапан и вытряхиваю на пол содержимое — узкую коробку с единственным шприцем для подкожного впрыскивания. Не раздумывая, втыкаю иглу в руку Пита и медленно надавливаю на поршень.

Мои руки становятся скользкими от крови, едва я касаюсь головы.

Последнее, что помню, — как изумительной красоты серебристо-зеленая бабочка, описав широкую дугу, садится мне на запястье.

Сквозь сон слышу шум дождя, барабнящего по крыше нашего дома. Просыпаться не хочется: приятно лежать, тепло укутавшись в одеяла, в безопасности. Смутно чувствую, что болит голова. Конечно, я подхватила грипп, и поэтому меня не будят, хотя я сплю, наверное, уже очень долго. Мамина рука гладит мою щеку. Обычно я ей этого не позволяю: не хочу, чтобы она знала, как мне не хватает ее ласки. Как мне не хватает ее самой, с тех пор как я перестала ей доверять. Потом я слышу голос, чужой голос, не мамин, и мне страшно.

— Китнисс, Китнисс, ты меня слышишь? Я открываю глаза, и чувство уюта и безопасности тает как дым. Я не дома, не с мамой. Я в полутемной, холодной пещере, где у меня мерзнут ноги и пахнет кровью. Передо мной появляется худое, бледное лицо какого-то парня, я пугаюсь, потом узнаю его:

— Пит.

— Привет, — говорит он. — Рад снова видеть твои глаза.

— Я долго была без сознания?

— Точно не знаю. Я проснулся вчера вечером, а ты лежишь рядом в жуткой луже крови. Сейчас кровотечение, кажется, прекратилось, но я бы на твоём месте не пытался вставать.

Осторожно приподнимаю голову; она забинтована. От одного этого движения мне сразу становится дурно. Пит подносит к моим губам бутылку, и я жадно пью.

— Ты идёшь на поправку, — говорю я.

— Ещё как. Штука, которую ты мне вколола, делает свое дело. Сегодня к утру опухоль почти прошла.

Кажется, Пит не сердится за то, что я его обманула, подсунула ему снотворное и убежала на пир.

Хотя, возможно, он меня просто жалеет, потому что я такая слабая, а потом ещё задаст мне перцу. Как бы то ни было, сейчас он сама доброта.

— Ты ел?

— Угу. Сlopал три куска грусятины и только потом понял, что надо экономить. Не волнуйся, теперь я на диете.

— Все в порядке. Тебе надо есть. Я скоро пойду охотиться.

— Только не слишком скоро, ладно? Теперь моя очередь заботиться о тебе.

Выбора у меня нет. Пит кормит меня кусочками грусятины и изюмом, поит водой. Потом растирает мне ноги, чтобы они согрелись, укутывает их своей курткой и по самый подбородок застегивает спальный мешок.

— Твои ботинки и носки еще сырые. При такой погоде не скоро высохнут, — говорит он.

Гремит гром. В щель между камнями видны всполохи молний на небе. Сквозь трещины в потолке протекает дождь; Пит сделал у меня над головой навес из пленки.

— Интересно, зачем это все устроили? Грозу, дождь. Точнее, для кого?

— Для Катона и Цепа, — отвечаю я уверенно. — У Лисы наверняка есть где спрятаться. А Мирта... она собиралась меня мучить, но тут...

Мой голос замирает.

— Я знаю, что Мирта погибла. Видел ее вчера в небе. Ты ее убила?

— Нет. Цеп проломил ей голову камнем.

— Хорошо, что ты ему не попалась.

Воспоминания о пире накатывают со всей силой. Я чувствую тошноту.

— Я попалась. Он меня отпустил, — говорю я. И потом, конечно, рассказываю остальное, все то, что до сих пор держала в себе, потому что Пит был слишком слаб для расспросов, а я была еще не готова пережить это заново. Взрыв, боль, смерть Руты, мое первое убийство и хлеб от Одиннадцатого дистрикта. Все, без чего нельзя понять случившееся на пире и то, как Цеп вернул мне долг.

— Он отпустил тебя, потому что не хотел оставаться в долгу? — искренне удивляется Пит.

— Да. Ты, возможно, не поймешь. У тебя всегда было всего вдоволь. Если бы ты жил в Шлаке, мне не пришлось бы тебе объяснять.

— Да и не пытайся, чего уж там. Куда мне понять своим умишком.

— Это как с тем хлебом. Наверное, я всегда буду тебе должна.

— Хлебом? Каким хлебом? Ты что, про тот случай из детства? — спрашивает Пит. — Думаю, теперь-то уж о нем можно забыть. После того как ты воскресила меня из мертвых.

— Ты ведь даже не знал меня. Мы никогда не разговаривали... И вообще, первый долг всегда самый трудный. Я бы ничего не смогла сделать, меня бы вообще не было, если бы ты мне тогда не помог. И с чего вдруг?

— Сама знаешь с чего, — отвечает Пит. В голове плещется боль, когда я качаю головой. — Хеймитч говорил, что тебя непросто убедить.

— Хеймитч? А он тут причем?

— Ни при чем... Так значит, Катон и Цеп, да? Наверное, будет

нескромно надеяться, что они одновременно прикончат друг друга?

Шутка меня только расстраивает.

— Мне кажется, Цеп славный парень. В Дистрикте-12 он мог бы быть нашим другом, — говорю я.

— Если так, то пусть его лучше убьет Катон, — мрачно отвечает Пит.

Я вообще не хочу, чтобы кто-то убивал Цепу. Не хочу, чтобы кто-то еще умирал. Такие рассуждения не для арены, не для победителей. Как я ни сдерживаюсь, на глазах у меня выступают слезы.

Пит смотрит на меня с тревогой:

— Что с тобой? Очень больно?

Я не называю настоящую причину, но говорю правду. Правду, которая больше похожа на минутную слабость, а не на окончательное поражение.

— Я хочу домой, Пит, — произношу я жалостливо, как ребенок.

— Ты поедешь домой. Обещаю. — Пит наклоняется и целует меня.

— Я хочу прямо сейчас.

— Знаешь что, — говорит он, — ты сейчас заснешь, и тебе приснится дом. А потом оглянуться не успеешь, как будешь там на самом деле. Идет?

— Идет, — шепчу я. — Разбуди меня, если надо будет покарать.

— Не беспокойся. Я хорошо отдохнул и здоров благодаря тебе и Хеймитчу. И потом, кто знает, сколько ещё это продлится?

О чем это он? О дожде? О передышке, которую он нам дает? Или об Играх? Мне слишком Грустно, и я слишком устала, чтобы спрашивать.

Когда Пит меня будит, снова вечер. Дождь превратился в ливень; вода с потолка уже не капает, а течет струйками. Под самую сильную Пит подставил банку. Мне стало лучше; я уже приподнимаюсь, почти не чувствуя головокружения, и просто умираю от голода. Пит тоже. Он явно не мог дожидаться, пока я проснусь, чтобы поесть вместе.

Еды немного: два кусочка грусенка, немножко разных кореньев и горсть сухофруктов.

— Оставим что-нибудь на завтра? — спрашивает Пит.

— Нет, давай доедим все. Мясо и так уже давно лежит, не хватало нам еще отравиться.

Я делю еду на две равные части. Мы стараемся есть медленнее и все равно управляемся за две минуты. Желудок недовольно ворчит.

— Завтра идем на охоту, — говорю я.

— От меня толку мало, — отвечает Пит. — Я никогда раньше не охотился.

— Я буду убивать, а ты готовить. Еще ты можешь нарвать зелени и ягод.

— Хорошо бы тут рос какой-нибудь хлебный кустарник.

— Тот хлеб, что мне прислали из Дистрикта-11, был еще теплым, — вздыхаю я. — На, пожуй. — Я протягиваю Питу пару листиков мяты, потом бросаю несколько себе в рот.

Из-за дождя трудно даже разглядеть изображение в небе, но одно ясно: сегодня все целы. Значит, Катон и Цеп еще не встретились.

— А куда ушел Цеп? Что там, на той стороне арены? — спрашиваю я Пита.

— Поле. Трава мне по плечи, и нигде ни тропинки. Целое разноцветное море. Может, там и съедобные злаки есть.

— Уверена, что есть. И Цеп знает, как их отличить. Вы туда ходили?

— Нет. В траву никто не хотел соваться. Жутко. Мало ли что... Вдруг там змеи, или бешеные звери, или трясина.

Примерно так запугивают жителей Дистрикта-12, чтобы они не совались за ограждение. Я опять невольно сравниваю Пита с Гейлом. Гейл увидел бы в этом поле прежде всего источник пищи, а уж потом бы думал об опасностях — настоящие они или выдуманные. И Цеп явно из того же теста. Пит, конечно, не неженка и не трус, хотя, должно быть, если в твоём доме всегда пахнет хлебом, на многие вещи смотришь по-другому и не задаешь лишних вопросов. Интересно, что бы подумал Пит о наших с Гейлом совсем не безобидных шуточках по поводу порядков в Панеме? И о гневных речах Гейла против Капитолия? Удивился бы или возмутился?

— Вот на том поле, должно быть, и хлебные кусты растут, — говорю я. — Что-что, а на голодающего Цеп совсем не похож. Наоборот, отъелся.

— Или у него очень щедрые спонсоры, — говорит Пит. — Я уж и не знаю, чем заслужить, чтобы Хеймитч нам хоть хлеба прислал.

Я удивленно поднимаю брови, и тут до меня доходит, что Пит ничего не знает о недвусмысленном намеке Хеймитча: один поцелуй — одна пинта бульона. Говорить об этом вслух, конечно, не годится. Если зрители поймут, что мы их все время дурачили, еды не видать как своих ушей. Надо действовать постепенно, чтобы правдоподобно выглядело. Я беру руку Пита и лукаво говорю:

— Наверное, он сильно поиздержался, помогая мне усыпить тебя.

— Кстати, — говорит Пит, переплетая свои пальцы с моими. — Не вздумай устроить что-нибудь подобное еще раз.

— А то что будет?

— А то... а то... — Пит не знает, что сказать. — Вот подожди только, придумаю.

— В чем проблема?

— В том, что мы оба живы. Поэтому тебе кажется, что ты поступила правильно.

— Я действительно поступила правильно.

— Нет! Не делай так, Китнисс! — Пит до боли сжал мою ладонь, и в его голосе слышен неподдельный гнев. — Не умирай ради меня. Я этого не хочу. Ясно?

Его настойчивость пугает меня, но, с другой троны, тут открывается прекрасная возможность заработать еду, и я продолжаю в том же духе:

— А может, я сделала это ради себя. Тебе не приходило в голову? Может, не ты один... кто беспокоится... кто боится...

Я теряюсь. Не умею так ловко обращаться со словами, как Пит. И пока говорила, я представила, что на самом деле потеряла Пита, и поняла, как сильно хочу, чтобы он жил. Не из-за спонсоров, и не из-за того, что скажут потом дома, и даже не потому, что боюсь остаться одна. Из-за него самого. Я не хочу терять мальчика подарившего мне хлеб.

— Боится чего, Китнисс? — тихо спрашивает он.

Жаль, что нельзя задвинуть шторы, закрыть ставни, как-то отгородиться от шпионящих глаз Панема. Пусть даже нам не дадут еды. То, что я чувствую, должно принадлежать только мне.

— Хеймитч просил меня не касаться этой темы, — уклончиво говорю я, хотя Хеймитч тут ни при чем и сейчас, наверное, ругает меня последними словами за то, что я в такой момент все испортила.

Пита непросто сбить с толку.

— Тогда мне придется догадываться самому, — говорит он, придвигаясь ближе.

Впервые мы целуемся по-настоящему. Никто из нас не мучается от боли, не обессилен и не лежит без сознания; наши губы не горят от лихорадки и не немеют от холода. Впервые поцелуй пробуждает у меня в груди какое-то особенное чувство, теплое и захватывающее.

Впервые один поцелуй заставляет меня ждать следующего.

А его нет. Точнее, есть, но совсем легкий, в кончик носа, потому что Пит отвлекся на другое.

— Кажется, у тебя опять кровь. Иди ложись. И вообще уже пора спать, — говорит он.

Я надеваю носки, они уже почти сухие. Заставляю Пита надеть куртку. Он совсем замерз, промозглый холод пробирается насквозь. Настаиваю, что буду дежурить первой, хотя ни он, ни я не ожидаем, что кто-то явится в такую погоду. Пит соглашается при условии, что я тоже залезу спальный мешок. Я не возражаю, так как уже вся дрожу. Две ночи назад у меня было

чувство, будто Пит в миллионах миль от меня, зато сейчас застигнута врасплох его близостью. Мы укладываемся, Пит подсовывает мне под голову свою руку и обнимает, словно защищает даже во сне. Меня давно никто так не обнимал; с тех пор, как умер отец и я отделилась от матери, ничьи руки не внушали мне такого чувства безопасности.

Я лежу в очках и вижу, как капли дождя разбиваются о пол пещеры. Ритмично и убаюкивающе. Несколько раз я начинаю дремать и тут же просыпаюсь, злясь на себя и чувствуя вину. Выдерживаю так три-четыре часа, потом бужу Пита. Он, кажется, не против.

— Если завтра дождь перестанет, я найду нам место высоко на дереве, и мы сможем спать оба, — обещаю я, погружаясь в сон.

На следующий день с погодой все так же. Ливень не прекращается ни на минуту, как будто распорядители всерьез задумали нас утопить. От раскатов грома трясется земля. Пит собирается пойти искать еду, но я отговариваю: сейчас ничего дальше своего носа не увидишь, только вымокнешь до нитки. Он и сам это понимает, просто от голода уже хоть на стену лезь.

Еще один день клонится к вечеру, и никаких признаков перемены погоды. Хеймитч — наша единственная надежда, а он не дает о себе знать: то ли денег мало — а цены сейчас запредельные, — то ли недоволен впечатлением, какое мы производим. Скорее второе. Я первая готова признать, что смотреть на нас сейчас не потрясающе интересно. Голодные, ослабевшие, почти не двигаемся, стараясь не потревожить раны. Сидим, укутавшись в спальный мешок, тесно прижавшись друг к другу — ясно, что не из-за большой любви, а из-за холода. Бывает, задремлем для разнообразия.

Да и как дальше развивать наши романтические отношения? Вчерашний поцелуй удался неплохо, но как опять направить дело в нужное русло? В Дистрикте-12 я знала девушек, для которых это проще простого, однако у меня никогда не было ни времени, ни желания заниматься такой ерундой. И потом, от нас явно ждут не просто поцелуя, иначе бы мы получили еду еще вчера. Что-то подсказывает мне, что обычными знаками любви тут не отделаешься. Хеймитч хочет чего-то личного, хочет, чтобы мы изливали душу перед публикой. Разве не на это он подбивал меня, когда готовил к интервью? Даже думать противно. Мне, а не Питу. Может, попробовать разговорить его?

— Слушай, Пит, — беззаботно говорю я. — На интервью ты сказал, что любил меня всегда. А когда началось это «всегда»?

— Э-э, дай подумать. Кажется, с первого дня в школе. Нам было пять

лет. На тебе было красное в клетку платье, и на голове две косички, а не одна, как сейчас. Отец показал мне тебя, когда мы стояли во дворе.

— Показал отец? Почему?

— Он сказал: «Видишь ту девочку? Я хотел жениться на ее маме, но она сбежала с шахтером».

— Да ну, ты все выдумываешь! — вырывается у меня.

— Вовсе нет. Так и было. Я еще спросил отца, зачем она убежала с шахтером, если могла выйти за тебя? А отец ответил: «Потому что когда он поет, даже птицы замолкают и слушают».

— Это правда. Про птиц. Точнее, было правдой, — говорю я.

Я удивлена и неожиданно растрогана тем, что пекарь так сказал Питу. И еще... возможно, мне не хочется петь не оттого, что я считаю это пустой тратой времени, а оттого, что пение и музыка слишком сильно напоминают об отце?

— А потом, в тот же день, на уроке музыки учительница спросила, кто знает «Песнь долины», и ты сразу подняла руку. Учительница поставила тебя на стульчик и попросила спеть. И я готов поклясться, что все птицы за окном умолкли, пока ты пела.

— Да ладно, перестань, — говорю я, смеясь.

— Нет, это так. И когда ты закончила, я уже знал, что буду любить тебя до конца жизни... А следующие одиннадцать лет я собирался с духом, чтобы заговорить с тобой.

— Так и не собрался, — добавляю я.

— Не собрался. Можно сказать, мне крупно повезло, что на Жатве вытащили мое имя.

Секунду-другую меня переполняет почти идиотское счастье, а потом я просто не знаю, что думать. Разве мы не должны придумывать подобную чепуху, чтобы казаться влюбленными? Но рассказ Пита так похож на правду. Потому что в нем есть правда. Об отце и птицах. О красном платье в клетку... у меня действительно было такое, а потом его носила Прим, пока оно совсем не превратилось в лохмотья уже после смерти отца. И еще это объясняет, почему Пит ценой побоев отдал мне хлеб в тот ужасный голодный день. Если сходится так много, то... может быть, и остальное правда?

— У тебя... очень хорошая память, — говорю я, запинаясь.

— Я помню все, что связано с тобой, — отвечает Пит, убирая мне за ухо выбившуюся прядь. — Это ты никогда не обращала на меня внимания.

— Зато теперь обращаю.

— Ну, здесь-то у меня мало конкурентов. Мне снова хочется

невозможного: спрятаться ото всех, закрыть ставни. Под ухом прямо-таки слышу шипение Хеймитча: «Скажи это! Скажи!» Я сглатываю комок в горле и произношу:

— У тебя везде мало конкурентов.

В этот раз я наклоняюсь к Питу первой. Наши губы едва касаются, когда глухой звук снаружи пещеры заставляет нас вздрогнуть от испуга. Я хватаю лук, но уже все затихло. Пит смотрит сквозь щель между камнями и радостно вскрикивает. В следующую минуту он уже стоит под дождем и протягивает мне какой-то предмет. Серебряный парашют с корзиной! Внутри — мы даже не мечтали о таком — свежие булочки, козий сыр, яблоки и, самое главное, большая миска Той бесподобной тушеной баранины с диким рисом. То самое блюдо, которое я назвала Цезарю Фликерману моим самым большим впечатлением в Капитолии.

Пит вползает обратно в пещеру, его лицо сияет как солнце.

— Наверное, Хеймитчу надоело смотреть, как мы умираем с голоду.

— Наверное, — соглашаюсь я. В голове у меня звучит довольный, хотя и несколько усталый голос Хеймитча: «Да, да, вот что мне нужно, солнышко».

Меня так и подмывает влезть руками в миску бараниной и запихивать ее в рот горсть за горстью. Пит меня останавливает:

— С рагу лучше не торопиться. Помнишь нашу первую ночь в поезде? Я тогда наелся жирного, и те было плохо, а ведь перед этим я даже не голодал, как теперь.

— Ты прав. А так хочется проглотить все одним махом! — говорю я с сожалением. Ничего не поделаешь. Мы с Питом ведем себя на зависть благоразумно: каждый съедает булочку, половину яблока и крохотную, размером с яйцо, порцию баранины с рисом. Я специально ем маленькой ложечкой — в корзину положили даже столовые приборы и тарелки — и смакую каждый кусочек. Потом с вожделием смотрю на миску.

— Хочу еще.

— Я тоже. Давай так. Потерпим часок и, если к тому времени нас не начнет мутить, съедим еще, — предлагает Пит.

— Идет, — соглашаюсь я. — Но час будет очень долгим.

— Может быть и не очень, — говорит Пит. — Что ты там говорила перед тем, как прислали еду? Что-то обо мне... нет конкурентов... самое лучшее в твоей жизни.

— Насчет последнего не помню, — говорю я, надеясь, что в пещере слишком темно и зрители не увидят, как я покраснела.

— Ах да. Это я сам об этом думал... Подвинься, я замерз.

Ядвигаюсь, чтобы Пит мог залезть вместе со мной в мешок. Мы прислоняемся к стене пещеры, Пит обнимает меня, а я кладу голову ему на плечо. Так и кажется, что Хеймитч пихает меня локтем, чтобы я не расслаблялась.

— Значит, с пяти лет ты совсем не обращал внимания на других девочек? — спрашиваю я Пита.

— Ничего подобного. Я обращал внимание на всех девочек. Просто для меня ты всегда была самой лучшей.

— Представляю, как обрадовались твои родители, узнав, что ты любишь девчонку из Шлака.

— Мне все равно. И потом, если мы возвратимся назад, ты не будешь девчонкой из Шлака. Ты будешь девушкой из Деревни победителей.

А ведь правда. Если вернемся, каждый из нас получит дом в части города, специально предназначенной для победителей Голодных игр.

Давным-давно, когда Игры только появились, Капитолий построил в каждом дистрикте по дюжине прекрасных домов. В Дистрикте-12, конечно, занят только один, а в большинстве других вообще никто никогда не жил.

Меня вдруг осеняет не слишком приятная мысль:

— Единственным нашим соседом будет Хеймитч!

— А что, здорово, — говорит Пит, обхватывая меня покрепче. — Ты, я и Хеймитч. Очень мило. Будем устраивать пикники, праздновать дни рождения и пересказывать старые истории о Голодных играх долгими зимними ночами, сидя у камина.

— Говорю же, он ненавидит меня! — возмущаюсь я и тут же смеюсь, представив Хеймитча своим приятелем.

— Ну, не всегда. Когда Хеймитч трезвый, он о тебе дурного слова не скажет.

— Хеймитч не бывает трезвый!

— Да, верно. Видно, я его с кем-то спутал... Ну да, точно. С Цинной. Вот кто тебя обожает. Хотя не очень-то радуйся: в основном это потому, что ты не дала деру, когда он захотел тебя поджечь. А что до Хеймитча... держись от него подальше. Он тебя ненавидит.

— По-моему, ты говорил, что я его любимица.

— Ну, меня-то он ненавидит еще больше. Если подумать, людской род вообще не в его вкусе.

Думаю, зрители с удовольствием повеселятся за счет Хеймитча. Он так давно на Играх, что стал для многих кем-то вроде старого приятеля. А уж после того нырка со сцены его и вовсе каждая собака знает. Сейчас его наверняка вытащили из парадной и мучают расспросами. Чего он там о нас наговорит? Вообще-то ему не позавидуешь: у большинства менторов есть напарник — другой победитель, а Хеймитч всегда один отдувается. Почти как я, когда была без союзника. Просто разрывается, наверное, между желанием выпить, постоянными интервью и заботой о нас.

Странное дело: мы с Хеймитчем терпеть друг друга не можем, и, однако, Пит, возможно, прав, что мы похожи. Как иначе я смогла бы так легко его понимать? Что вода близко просто потому, что он мне ее не присылает. А успокоительный сироп нужен вовсе не для того, чтобы облегчить Питу страдания. А теперь я знаю, что должна разыгрывать влюбленность. Хеймитч, похоже, даже не пытался связываться подобным образом с Питом. Он знает, что для Пита тарелка бульона — это просто тарелка бульона.

— Интересно, как ему это удалось? — спрашиваю я. Странно, что этот вопрос не пришел мне в голову раньше. Наверное, потому, что еще недавно

я не воспринимала Хеймитча всерьез.

— Кому? Что удалось? — не понимает Пит.

— Хеймитчу. Как он сумел победить в Играх?

Пит отвечает не сразу. Тут есть над чем подумать. Хеймитч хоть и крепок сложением, до Катона и Цепа ему далеко. Красотой особенно не отличается. Во всяком случае, не настолько, чтобы спонсоры от восторга стали засыпать его подарками. И вряд ли у него были союзники при таком-то характере. Только в одном Хеймитч мог превзойти остальных, и я догадываюсь об этом одновременно с Питом.

— Хеймитч просто обвел их всех вокруг пальца, — говорит он.

Я киваю и молчу, продолжая размышлять о Хеймитче. Может, он перестал пить, поверив, что у нас с Питом тоже хватит ума и хитрости выжить? Может, он не всегда был пьяницей и сначала пытался помочь трибутам? А потом не выдержал? Представляю, какой это ужас — заботиться о двух детях, а потом видеть, как они умирают. Год за годом, год за годом. Если я смогу отсюда выбраться, то заботиться о девочке из Дистрикта-12 станет моей обязанностью. Лучше пока об этом не задумываться.

Проходит около получаса, и я решаю поесть опять. Пит тоже голодный, поэтому не спорит. Пока я накладываю на тарелки маленькие порции баранины, начинает играть гимн. Пит смотрит в щель на небо.

— Сегодня там нечего смотреть, — говорю я, гораздо более заинтересованная едой, чем сводкой. — Из пушки ведь не стреляли.

— Китнисс, — говорит Пит тихо.

— Что? Съедем еще одну булочку пополам?

— Китнисс, — повторяет он, но я все еще занята своим.

— Я разрежу булочку. Сыр оставим на завтра, — говорю я и вижу взгляд Пита. — Что?

— Цеп погиб.

— Не может быть!

— Наверное, мы не услышали выстрел из-за грома.

— Ты уверен? Что там вообще можно увидеть — льет как из ведра? — говорю я, отталкивая Пита от камней, и выглядываю наружу — темное дождливое небо.

Еще несколько секунд в небе мерцает расплывчатое лицо Цепа, потом гаснет. Навсегда.

Я безвольно приваливаюсь к камням, забыв, что делала перед этим. Цеп погиб. Я должна радоваться, не так ли? Избавилась от соперника. Да еще такого сильного. Но я не радуюсь. Я думаю только о том, как Цеп

отпустил меня, позволил мне убежать. Ради Руты, умершей с копьем в животе.

— Ты в порядке? — спрашивает Пит.

Неопределенно пожимаю плечами и обхватываю себя руками, словно мне холодно. Я не могу показать все, что чувствую. Кто поставит на трибуну, оплакивающего своих соперников? Рута — другое дело. Она была моей союзницей. И такой маленькой. Никто не поймет моего горя из-за убийства Цепы. Убийства! Слово ошеломляет меня. Хорошо хоть я не произнесла его вслух. Это не добавило бы мне шансов на арене.

— Просто... если не победим мы... я хотела, чтобы победителем был Цеп, — говорю я.

— Да, понимаю. Но с другой стороны, это значит, что мы на шаг ближе к Дистрикту-12. — Пит сует мне в руки тарелку. — Поешь, пока не остыло.

Я беру в рот баранину, чтобы показать, что действительно уже успокоилась, еда кажется безвкусной как вата, и я с трудом ее проглатываю.

— Еще это значит, что Катон начнет охотиться на нас, — говорю я.

— И он добыл то, что ему необходимо, — добавляет Пит.

— Он наверняка ранен.

— Почему ты так уверена?

— Цеп не дал бы убить себя без боя. Он такой сильный. То есть был сильный. И там была его территория.

— Хорошо. Чем сильнее он ранен, тем лучше. Интересно, как поживает Лиса?

— Ну, с ней, думаю, все отлично, — ворчу я, до сих пор злясь, что спрятаться в Роге изобилия придумала она, а не я. — Пожалуй, легче справиться с Катоном, чем с ней.

— Может, они справятся друг с другом, а мы поедем домой. И дежурить надо внимательнее. Я пару раз задремал.

— Я тоже, — признаюсь я. — Но сегодня нельзя.

Мы молча едим, потом Пит вызывается дежурить первым. Я заползаю в мешок рядом с ним и натягиваю на лицо капюшон, чтобы укрыться от камер. Мне очень нужно немного уединения, чтобы справиться со своими чувствами. Я молча прощаюсь с Цепой и благодарю его за то, что он оставил меня в живых. Обещаю, что буду о нем помнить и постараюсь помочь его семье и семье Руты, если стану победителем. Потом засыпаю, сытая и согретая теплом Пита.

Первое, что я чувствую, когда меня будит Пит, это запах козьего сыра. Я продираю глаза и вижу перед собой половинку булочки, намазанную

густой кремовой массой, поверх которой уложены ломтики яблока.

— Не сердись, — говорит Пит. — Очень есть хотелось. Вот твоя половина.

— Отлично, — говорю я и откусываю большой кусок. Сыр жирный и ароматный, похож на тот, что делает Прим, яблоки сладкие и сочные. — М-м.

— В пекарне мы делаем пироги с козьим сыром и яблоками, — говорит Пит.

— Дорогушие, наверное.

— Слишком дорогие для нас самих. Едим, только если они зачерствеют. Хотя мы вообще редко едим что-то свежее.

Ха! А я-то думала, что у торговцев сладкая жизнь. Голодать-то Питу, конечно, не приходилось, что верно, то верно. И все-таки есть что-то удручающее в том, чтобы всегда жевать черствый хлеб, старые сухие буханки, которые никто не захотел купить. При всей нашей нищете у нас есть одно преимущество: так как я добываю еду каждый день, она большей частью такая свежая, что того гляди убежит.

В какой-то момент во время моего дежурства дождь прекращается. Не постепенно, а сразу. Слышно только, как с веток падают капли и шумит переполненный ручей. На небе показывается красивая круглая луна, и снаружи все видно даже без очков. Не знаю, правда, настоящая это луна или просто изображение на экране. Незадолго до моего отъезда луна была полной. Мы с Гейлом видели ее восход, когда охотились до поздней ночи.

Сколько меня не было дома? На арене я около двух недель, перед этим неделя подготовки в Капитолии. Да, луна уже могла завершить свой цикл. Почему-то мне очень хочется, чтобы это была моя луна, та самая, которую я вижу над лесами в Дистрикте- 12. Пусть будет здесь хоть что-то настоящее, за что можно зацепиться в этом перевернутом мире арены, где во всем приходится сомневаться. Нас четверо.

В первый раз я позволяю себе всерьез задуматься о возможной победе. О славе. О богатстве. О собственном доме в Деревне победителей. Мама и Прим станут жить со мной. Нам не будет грозить голод. Можно сказать, мы станем свободнее. Но что... потом? Чем я буду заниматься? До сих пор все мои дни уходили на добычу пропитания. Что я без этого? Чего я стою? Мне становится не по себе от этих мыслей. На ум снова приходит Хеймитч. Во что превратилась его жизнь? Он совсем один, у него нет жены и детей, когда не спит, почти всегда пьяный. Врагу такого не пожелаешь.

— Ты не будешь одна, — шепчу я себе.

У меня есть мама и Прим. Во всяком случае, пока. Не хочется думать,

что меня ждет потом... когда Прим вырастет, а мамы не станет. Я знаю, что никогда не выйду замуж, не рискну завести ребенка. Победа в Играх не защитит моих детей. Их имена будут в Жатве вместе с именами других. Я не позволю этому случиться.

Наконец приходит рассвет, солнечные лучи проникают в щели и освещают лицо Пита. Каким станет он, если мы возвратимся домой? Этот загадочный, добродушный малый, способный врать так ловко, что убедил весь Панем в своей огромной любви ко мне. Иногда даже я ему верю. Надеюсь, мы хотя бы будем друзьями. Мы спасли друг друга на арене, и этого уже не отнять. А еще он навсегда останется для меня мальчиком, подарившим мне хлеб. Мы будем хорошими друзьями. Но чем-то еще... Я чувствую, как через многие мили серые глаза Гейла смотрят на меня, когда я смотрю на Пита.

Мне становится неловко, я подхожу к Питу и трогаю его за плечо. Он разлепляет сонные глаза и, едва сфокусировав взгляд, притягивает меня к себе для поцелуя.

— Некогда тратить время впустую, надо идти на охоту, — говорю я, наконец оторвавшись от Пита.

— Я бы не назвал это пустой тратой, — говорит он, потягиваясь. — Значит, охотиться будем на пустой желудок, раз такая спешка?

— Ни в коем случае, — говорю я. — Наедемся как следует. Для охоты нужны силы.

— Это по мне, — говорит Пит, однако удивляется, когда я разделяю пополам всю оставшуюся баранину и протягиваю ему полную тарелку. — Так много?

— Сегодня мы добудем еду, — говорю я, и мы оба усердно работаем челюстями. Даже остывшее, это блюдо — самое лучшее из того, что я ела. Я бросаю вилку и вытираю остатки подливки пальцем.

— Что подумает Эффи Бряк о наших манерах?!

— Эй, Эффи, смотри! — кричит Пит. Он бросает вилку через плечо и вылизывает тарелку языком, громко причмокивая. Потом посылает воздушный поцелуй. — Мы скушаем по тебе, Эффи!

Я зажимаю ему рот ладонью, но сама не сдерживаю смеха.

— Перестань! Вдруг Катон как раз проходит мимо нашей пещеры.

Пит убирает мою руку и притягивает меня к себе.

— Что мне какой-то Катон? Ты меня защитишь.

— Ну хватит, — в изнеможении говорю я, выпутываясь из его объятий, при этом Пит успевает поцеловать меня еще раз.

Как только мы выходим из пещеры, сразу становимся серьезными.

Последние дни, проведенные в пещере, кажутся передышкой, своего рода каникулами. Нас защищали скалы и дождь, и Катон преследовал Цепу. Теперь, несмотря на ясный теплый день, мы возвращены к суровой реальности Игр. Я даю Питу нож, так как своего оружия у него не сохранилось, и он засовывает его за пояс. В колчане чересчур свободно болтаются семь стрел — три из двенадцати я потратила, чтобы устроить взрыв, еще две на пиру. Оставшиеся надо беречь как зеницу ока.

— Он теперь вышел охотиться на нас, — говорит Пит. — Катон не станет ждать, когда добыча придет сама.

— Если он ранен... — собираюсь возразить я, но Пит меня прерывает:

— Не имеет значения. Если он способен идти, то придет.

Мы набираем воды из ручья; от дождя он вышел из берегов на несколько футов. Проверяю силки, поставленные еще до пира — они пусты. При такой погоде неудивительно. Да и вообще я почти не видела зверей поблизости.

— Нам лучше вернуться туда, где я охотилась раньше, — говорю я.

— Решать тебе. Говори, что я должен делать.

— Смотри в оба. Ступай по камням, пока можно, зачем оставлять лишние следы? И тебе придется слушать за нас обоих.

Теперь уже ясно, что мое левое ухо оглохло навсегда.

Я бы с удовольствием двигалась по воде, чтобы следов не было вообще, однако не уверена, что Пит со своей ногой сможет идти против течения. Лекарство уничтожило инфекцию, но он еще не окреп. Мой лоб тоже болит, хотя спустя три дня рана уже не кровоточит. На голове у меня повязка на случай, если от движения снова пойдет кровь. Мы проходим мимо того места, где я под травой и грязью нашла Пита. Дождь и вода, вышедшая из берегов, скрыли все следы его пребывания там. Значит, при необходимости мы сможем вернуться в пещеру. Иначе я бы побоялась из-за Катона.

Постепенно валуны сменяются камнями, камни — галькой, и наконец, к моему облегчению, мы ступаем на настил из сосновых иголок. Мы в лесу. Теперь я осознаю, что у нас проблема. Когда идешь по камням, да еще с больной ногой, волей-неволей приходится шуметь. Беда в том, что даже в лесу Пит создает слишком много шума. Хотя «шум» — это мягко сказано. Идет, будто сваи заколачивает. Я поворачиваюсь и смотрю.

— В чем дело? — спрашивает он.

— Постарайся идти потише, — прошу я. — О Катоне я уже не говорю — ты распугаешь всех кроликов на десять миль в округе.

— Да? Прости, я постараюсь.

Идем дальше; стало немного лучше, но даже теперь я вздрагиваю при каждом его шаге, хотя слышу только одним ухом.

— Может, снимешь ботинки?

— Как? Здесь? — изумляется он.

Можно подумать, я предложила ему пройти босиком по горящим углям. Ну конечно, ведь для него лес всегда был жутким, запретным местом за пределами Дистрикта-12. Я думаю о Гейле, о его мягкой походке. Есть что-то сверхъестественное в том, как неслышно он передвигается даже осенью, когда лежат листья и почти невозможно сделать шаг, не вспугнув дичь. То-то он теперь ухахатывается над нами.

— Да, — терпеливо говорю я. — Я тоже сниму. Так мы оба будем шуметь меньше. — Как будто я в ботинках шумела.

Мы разуваемся, снимаем носки. Улучшение, несомненно, есть, и тем не менее я могла бы поклясться, что Пит задался целью сломать каждую ветку и наступить на каждый сучок у нас на пути.

Не стоит и говорить, что за те несколько часов, пока мы тащились до места нашей старой ночевки с Руттой, я абсолютно ничего не подстрелила. В другое время можно было бы половить рыбу, но сейчас течение в ручье слишком сильное. Поручить Питу собирать какие-нибудь коренья, а самой идти охотиться дальше — тоже не слишком удачный выход. Что сделает Пит с одним ножом против копий и силы Катона? Остается только спрятать своего напарника в каком-нибудь укромном месте и забрать на обратном пути. Боюсь только, гордость не позволит ему согласиться на такое предложение.

— Китнисс, — говорит он. — Нам надо разделиться, а то я только дичь распугиваю.

— Ты же не виноват, что у тебя болит нога, — говорю я великодушно, понимая, что нога тут не главная причина.

— Не виноват, но лучше тебе идти дальше без меня. Покажи мне съедобные растения, и я буду их собирать. Так от нас обоих будет польза.

— Не будет, если Катон придет и убьет тебя, — говорю я, стараясь, по-видимому безуспешно, чтобы это звучало тактично, а не в том смысле, что он слабак.

Как ни странно Пит смеется:

— Ну, к Катону мне не привыкать. Я с ним уже дрался.

И чем обернулось? Чуть не умер в грязи. Язвительные слова вертятся у меня на языке, но я молчу. Ведь взяв на себя Катона, Пит спас мою жизнь. Пробую другую тактику.

— Почему бы тебе не забраться на дерево и не следить, чтобы все

было спокойно, пока я буду охотиться? — говорю я так, словно это невесть какое важное дело.

— Почему бы тебе не показать мне растения и не пойти добывать нам мясо? — отвечает Пит, подражая моему тону.

Со вздохом уступаю и показываю Питу, где можно нарыть кореньев. Еда нам, безусловно, нужна. Одного яблока, двух булочек и кусочка сыра размером с апельсин надолго не хватит. Ладно, я ведь буду поблизости.

Перед уходом учу Пита сигналу — не Рутиному, а попроще, всего из двух нот. Будем пересвистываться и знать, что с другим все в порядке. К счастью, свист Пит осваивает легко. Вещи я оставляю с ним.

Ощущение такое, что мне снова одиннадцать лет, только в этот раз я боюсь удаляться не от забора, а от Пита. Брожу в пределах двадцатитридцати ярдов. Без Пита лес оживает звуками животных. Периодически я слышу свист Пита, успокаиваюсь и отхожу немножко дальше. Скоро я добываю двух кроликов и жирную белку. Думаю, этого хватит. Можно еще поставить силки и попробовать поймать рыбу. Да еще Пит нароет кореньев.

Возвращаясь, я вдруг осознаю, что мы с Питом уже какое-то время не обменивались сигналами. Я свищу и, не получив ответа, пускаюсь бегом. Вот уже и рюкзак, рядом аккуратная кучка кореньев. На земле под солнцем расстелена пленка, на ней в один слой лежат ягоды. Где же Пит?

— Пит! — кричу я испуганно. — Пит!

В кустах какой-то шорох, я поворачиваюсь и едва не пронзаю Пита стрелой. К счастью, в последний момент я отвела лук в сторону и она вонзилась в дуб чуть левее. Пит отскакивает назад, рассыпая горсть ягод. Мой страх сменяется злостью.

— Почему ты ушел? Ты должен быть здесь, а не бродить по лесу!

— Я нашел ягоды там, у ручья, — отвечает он, явно обескураженный моей яростью.

— Почему ты не отвечал, когда я свистела?

— Я не слышал. Вода слишком шумела. — Он подходит и кладет ладони мне на плечи. Теперь я замечаю, что вся дрожу.

— Я думала, Катон убил тебя! — чуть не кричу я.

— Все хорошо. — Пит обнимает меня, я никак не реагирую. — Ну же, успокойся, Китнисс.

Я отталкиваю его, стараюсь привести в порядок свои чувства.

— Когда двое договариваются о сигнале, они не должны уходить слишком далеко друг от друга. Если на сигнал не отвечают, значит — беда. Неужели непонятно?

— Понятно.

— Так было с Рутой, и потом я смотрела, как она умирает!

Я поворачиваюсь, иду к рюкзаку и открываю новую бутылку с водой, хотя и в моей еще немного осталось. Я не готова простить Пита так сразу. Мое внимание привлекает еда. Булочки и яблоко целы, а вот сыра определенно стало меньше.

— И ты ел без меня!

Собственно говоря, мне все равно, просто ищу к чему придраться.

— Ел? Нет, ничего я не ел.

— В таком случае сыр съело яблоко.

— Я не знаю, что съело сыр, — произносит Пит медленно и отчетливо, словно старается не потерять терпение. — Я его не ел. Я собирал у ручья ягоды. Возьми и попробуй.

На самом деле мне хочется ягод, но я не собираюсь уступать так быстро. Просто подхожу и смотрю на них. Какие-то незнакомые. Хотя нет, где-то я их видела. Но не на арене. Это не Рутины ягоды, хотя и похожи. На тренировках такие тоже показывали. Наклоняюсь и беру несколько. Верчу их между пальцами. В голове звучит голос отца: «Только не такие, Китнисс. Ни в коем случае не ешь такие. Это морник. От них умирают, едва успев проглотить».

Стреляет пушка. Я резко поворачиваюсь, ожидая увидеть, как Пит падает на землю, но он только удивленно поднимает брови. Ярдах в ста от нас появляется планолет. Он поднимает на борт исхудалое тело Лисы. Рыжие волосы блестят на солнце.

Я могла бы догадаться, когда заметила пропажу сыра...

Пит хватает меня за руку и толкает к дереву.

— Забирайся. Живо. Я следом. Сверху будет легче обороняться.

Я останавливаю его, внезапно успокоившись:

— Нет, Пит. Ее убил не Катон. Ее убил ты.

— Что? Да я ее с первого дня ни разу не видел, как я мог ее убить?

Вместо ответа я показываю ягоды.

Пит не сразу понимает, что произошло. Я объясняю ему все по порядку. Про то, как Лиса потихоньку воровала продукты из запасов профи. Как брала по чуть-чуть, чтобы никто не заметил. А теперь украла у нас ягоды и была уверена, что они съедобны, раз мы их себе нарвали.

— Интересно, как она нас нашла? — говорит Пит. — Наверное, из-за меня, потому что я сильно шумлю.

Да уж, выследить нас было не труднее, чем стадо коров, но я стараюсь быть тактичной:

— Она очень умная. Вернее, была умной. Пока ты ее не перехитрил.

— Я не хитрил. И вообще как-то нечестно получилось. Мы бы ведь сами умерли, если бы она первая не съела ягоды. — Он осекся. — То есть нет, конечно. Ты же их узнала, правда?

Я киваю.

— У нас их называют морником.

— Даже название жуткое. Прости, Китнисс. Я правда думал, это те же самые, какие собирала ты.

— Не извиняйся. Теперь мы еще на шаг ближе к дому, так ведь?

— Я выброшу остальные.

Пит поднимает кусок пленки за края и собирается выбросить ягоды в кусты.

— Подожди! — кричу я.

Я нахожу в рюкзаке кожаный мешочек, доставшийся мне от парня из Первого дистрикта, и насыпаю в него несколько горстей ягод.

— Они обманули Лису, может и с Катонем сработают. Если будет нас преследовать, мы бросим мешочек, будто случайно, а он, глядишь, и попробует...

— И тогда здравствуй, Дистрикт-12.

— Точно, — говорю я и прикрепляю мешочек к поясу.

— Теперь он знает, где мы, если был не очень далеко отсюда. Видел планолет, думает, что мы убили Лису, и придет.

Пит прав. Возможно, Катон только и ждал такого случая. Впрочем, даже если мы убежим отсюда, нам все равно придется где-то зажарить мясо, и мы опять себя обнаружим.

— Давай разводить костер. Прямо тут, — говорю я и начинаю собирать ветки.

— Ты готова с ним встретиться? — удивляется Пит.

— Я готова поесть. Лучшего шанса спокойно приготовить еду не будет. Если Катон узнал, где мы, тут ничего не поделаешь. А еще он знает, что нас двое, и уверен, что мы специально охотились на Лису. Значит, ты выздоровел. А раз мы развели костер, то не только не боимся его, наоборот, устроили западню. Ты бы пришел в таком случае?

— Скорее всего нет, — признает Пит. Пит — мастер по части разведения огня; скоро сырые ветки горят так, что треск стоит. Тем временем я подготавливаю к жарке кроликов и белку. Коренья, завернув в листья, пеку прямо в углях. Пока один из нас собирает съедобные травы, другой внимательно следит, не покажется ли Катон. Как я и предполагала, он не объявляется.

Когда еда готова, я укладываю ее в рюкзак, оставив нам по кроличьей ножке, чтобы съесть по дороге.

Я хочу подняться повыше на лесистый холм, найти подходящее дерево и устроиться на ночь, но Пит высказывается против:

— Я не умею лазать по деревьям, как ты, да еще с больной ногой. К тому же вряд ли я смогу уснуть в пятидесяти футах от земли.

— Внизу ночевать опасно.

— Может, возвратимся в пещеру? — предлагает Пит. — Там рядом вода, и удобно обороняться.

Я вздыхаю. Идти — или, точнее сказать, ломиться — через лес еще несколько часов, чтобы вернуться на то же место, где одни камни и нельзя охотиться? Как отказать Питу? Он слушался меня весь день, и я уверена, что, будь я на его месте, он бы не заставил меня ночевать на дереве. Вообще, я сегодня не очень-то хорошо обращалась с Питом. Придиралась, что он слишком шумит, ругалась за то, что ушел к ручью. В пещере легко было шутить и играть во влюбленных, но не когда жарит солнце и из кустов того гляди выскочит Катон. Хеймитч, наверное, из себя выходит. А что до зрителей...

Я обнимаю Пита за шею и целую его.

— Почему бы и нет. Давай возвратимся.

На лице Пита облегчение.

— Я и не надеялся, что ты так легко согласишься.

Осторожно, чтобы не испортить, вытаскиваю стрелу из дуба. Стрелы теперь для нас еда, безопасность и даже жизнь.

Уходя, подбрасываем в костер сучьев. Так он будет дымить еще несколько часов, хотя я сомневаюсь, что Катона еще можно этим обмануть. Вода в ручье заметно спала, и течение снова стало неторопливым. Я

предлагаю идти по дну. Пит с готовностью соглашается. Идея оказывается тем более удачной, что в воде он производит гораздо меньше шума, чем на суше. Хотя мы подкрепились кроликом и идем под уклон, дорога кажется нескончаемой. За день мы умаялись, и по-прежнему очень хочется есть. Я держу лук наготове: отчасти из-за Катона, отчасти в надежде убить рыбу. Но ручей странным образом опустел.

Под конец мы едва передвигаем ноги. Уже вечер, солнце спустилось до самого горизонта. Наполняем бутылки водой и, обессиленные, забираемся по пологому склону в свое старое логово. В этих диких и неприятных местах пещера почти стала нашим домом. И в ней нам будет теплее, чем на дереве; с запада подул довольно крепкий ветер. Я раскладываю наш ужин. Не доев своей порции, Пит начинает клевать носом. После стольких дней бездействия сегодняшняя вылазка была для него слишком трудной. Я отправляю его спать. Едва забравшись в спальный мешок, он отключается. Натягиваю мешок ему до подбородка и целую в лоб. Не ради зрителей, а для себя. Я так рада, что он со мной, не погиб, как я боялась. Что я не одна против Катона.

Жестокий, кровожадный Катон, способный одним движением руки сломать человеку шею, одолевший даже Цепу, почему-то с самого начала Игр мечтает расправиться именно со мной. Возможно, его задело то, что я получила на тренировках больше баллов, чем он. Другой на его месте и ухом бы не повел, но Катон, похоже, пришел в ярость. Впрочем, ему для этого много поводов не надо. До чего он разозлился, когда обнаружил, что продукты и вещи взорваны! Остальные, конечно, тоже не радовались, а Катон будто с цепи сорвался. Я теперь даже сомневаюсь, все ли у него в порядке с головой.

На небе вспыхивает герб, появляется Лиса. Потом исчезает навсегда. Пит ничего не говорил, но мне кажется, ему неприятно, что она погибла по его вине. Даже если на арене без этого не обойтись. Что до меня, то не могу сказать, что жалею о смерти Лисы, однако я определенно ею восхищаюсь. По сообразительности она на сто очков обгоняла любого из трибутов. Уверена, если бы мы специально задумали ее отравить, она тут же почувствовала бы подвох и ни за что не взяла ягоды. Ее погубила неопытность Пита. Переоценивать противника подчас не менее опасно, чем недооценивать.

Эта мысль снова приводит меня к Катону. Мне кажется, я понимала Лису, ее сильные и слабые стороны. А что сказать о Катоне? Крепкий, тренированный, это ясно. Умный ли? Не знаю. Во всяком случае, не такой умный, как Лиса. И совершенно не держит себя в руках. Вряд ли он вообще

что-то соображает в припадке гнева. Правда, в этом мы с ним похожи. Как я тогда запустила стрелу в яблоко во рту жареного поросенка, разозлившись на распорядителей! Возможно, Катон мне ближе, чем я думаю.

Несмотря на усталость, сна ни в одном глазу, и я даю Питу поспать подольше. Когда я трясую его за плечо, снаружи уже сереет рассвет. Пит смотрит встревоженно.

— Я проспал всю ночь. Это нечестно, Китнисс. Почему ты меня не разбудила?

Потянувшись, я заползаю в мешок.

— Посплю теперь. Разбуди, если будет что-нибудь интересное.

Очевидно, ничего такого не происходит, потому что, когда я снова открываю глаза, скалы горят под ослепительным послеобеденным солнцем.

— Наш друг не показывался? — спрашиваю я. Пит качает головой.

— Нет. Его ненавязчивость начинает меня беспокоить.

— Интересно, сколько еще будут ждать распорядители, пока не сгонят нас вместе?

— Лиса погибла почти сутки назад, зрители наверняка сделали ставки и уже заскучали.

— Да, у меня предчувствие, что это будет сегодня, — говорю я. — Знать бы, как они это сделают.

Пит молчит. Что тут можно ответить?

— Что ж, пока ничего не происходит, нет смысла терять день охоты. Только вначале надо как следует подкрепиться. Вдруг что-то случится по дороге, — говорю я.

Пит собирает наши вещи, а я раскладываю еду для сытного обеда: крольчатину, коренья, зелень. Про запас оставляю только белку и яблоко.

Мы едим, и рядом с нами вырастает гора кроличьих косточек. Руки становятся жирными, от этого я еще сильнее чувствую себя грязной. В Шлаке мы, может, и не купаемся каждый день, о до такого состояния себя не доводим. Я сплошь покрыта грязью, кроме ног, которые обмылись в ручье, пока мы шли.

Мы покидаем пещеру, теперь уже навсегда. Скорее всего, другой ночи на арене уже не будет. Так или иначе, живой или мертвой, сегодня я отсюда выберусь. На прощание я дружески похлопываю скалу, и мы спускаемся к ручью умыться. Кожа прямо зудит от предвкушения прохладной воды. Можно даже вымыть голову и заплести волосы мокрыми. Еще я подумываю, не почистить ли быстренько одежду, и тут мы приходим к ручью. Точнее, к тому, что было ручьем. Теперь это лишь пересохшее русло. Я пробую его на ощупь.

— Даже грязь высохла. Должно быть, воду спустили ночью, — говорю я.

В меня заползает страх, я еще очень живо помню, что было со мной при обезвоживании: язык в трещинах, все тело ломит, мысли путаются. Бутыли и бурдюк почти полные, но вдвоем при такой жаре мы их быстро опустошим.

— Озеро, — говорит Пит. — Вот куда они нас заманивают.

— Может, есть еще пруды и родники, — говорю я с надеждой.

— Надо проверить, — отвечает Пит, не желая меня огорчать.

Я сама себя обманываю. Знаю ведь, что мы увидим. Пустые, пыльные впадины. Мы все-таки идем в одно из таких мест — туда, где я охлаждала обожженную ногу. И убеждаемся.

— Ты прав. Они собирают нас к озеру, — говорю я. У озера открытое место, ничто не мешает взгляду. Зрители увидят кровавую бойню во всех подробностях. — Пойдем сразу или подождем, пока закончится вода?

— Лучше сразу. Сейчас мы сытые и отдохнувшие. Пусть скорее все закончится.

Я киваю. Странно. Такое чувство, будто Игры начинаются заново. Двадцать один трибут мертв, но Катон по-прежнему жив. А разве не он всегда был главным моим врагом, тем, кого я должна убить? Теперь остальные соперники кажутся незначительными препятствиями на пути к решающей битве. Битве между Катоном и мной.

Нет, не только. Я чувствую у себя на плече руку Пита.

— Двое против одного. Легче легкого, — говорит он.

— Следующий раз обедать будем в Капитолии.

— Точно.

Мы стоим обнявшись в лучах солнца, слушая шелест травы у наших ног. Потом, не говоря ни слова, отстраняемся друг от друга и идем к озеру. Теперь меня не беспокоит, что от шагов Пита в страхе бегут звери и разлетаются птицы. Нам придется драться с Катоном, и мне все равно где. Впрочем, едва ли есть выбор: если распорядители хотят, чтобы это было у озера, это будет у озера.

Мы останавливаемся передохнуть у дерева, на котором я спасалась от профи. Внизу все еще лежит оболочка осиног гнезда, превращенная дождем в бесформенную массу и высушенная солнцем. Когда я касаюсь ее носком ботинка, она рассыпается в пыль, которую уносит ветер. Я невольно смотрю вверх — туда, где пряталась Рута, когда спасла мне жизнь.

Осы-убийцы. Распухшее тело Диадемы. Жуткие видения...

— Пошли, — говорю я, желая поскорее убраться из мрака, окутывающего это место.

Пит не возражает.

Сегодняшний день начался для нас поздно, поэтому на площадку мы выходим только под вечер. Катона нигде не видно. Только Рог изобилия сияет в косых лучах солнца. На всякий случай мы обходим его кругом: вдруг Катон решил перенять тактику Лисы. Потом покорно, словно подчиняясь приказу, бредем к озеру и набираем воды. Хмуро смотрю на заходящее солнце.

— Надеюсь, он появится до темноты. У нас только одни очки.

— Возможно, именно на это он и рассчитывает, — говорит Пит, старательно добавляя йод в бутылки. — Что будем делать? Вернемся в пещеру?

— Либо так, либо найдем дерево. Давай подождем еще полчаса. Потом уходим.

Мы сидим на виду у озера. Прятаться нет смысла. В деревьях на краю леса резвятся сойки-пересмешницы. Перебрасываются друг с другом замысловатыми трелями, словно яркими разноцветными шариками. Я присоединяюсь и пою Рутину мелодию из четырех нот. Птицы с любопытством притихают и прислушиваются. В тишине я пропела мелодию снова. Сначала одна, потом другая сойка подхватывают ее за мной. Скоро весь лес оживает звуками.

— Точь-в-точь как с твоим отцом, — говорит Пит

Я нащупываю пальцами брошь у себя на рубашке.

— Это песня Руты, — говорю я. — Я им ее только напомнила.

Мелодия разрастается, и только теперь я осознаю, как она чудесна. Ноты накладываются одна на одну, дополняют друг друга, создавая дивную, неземную гармонию. Вот какие звуки рождались каждый вечер в садах Дистрикта-11 из четырех ноток, спетых Рутой! Теперь, когда она умерла, поет ли их кто-то вместо нее?

Я закрываю глаза и слушаю, замороженная красотой музыки. Внезапно она начинает рушиться. То там, то тут рулады обрываются. Резкие неприятные звуки вклиниваются в мелодию. И наконец птичьи голоса сливаются в один пронзительный тревожный крик.

Мы вскакиваем на ноги. Пит держит нож, я вскидываю лук. Из-за деревьев появляется Катон, он бежит в нашу сторону. У него нет копья и вообще никакого оружия, но он мчится прямо на нас. Моя стрела попадает ему в грудь и странным образом отскакивает.

— На нем кольчуга! — кричу я Питу.

Катон уже рядом, я напрягаю все силы, и... он, не сбавляя скорости, пролетает между нами. Мгновение я чувствую его тяжелое дыхание, вижу багровое лицо, залитое потом. Он бежит уже давно. Не к нам. Он спасается. От чего?

Я внимательно оглядываю кромку леса, как вдруг оттуда выскакивает существо. Я поворачиваюсь, успевая заметить, что к нему присоединяются еще с полдюжины подобных чудищ, и опрометью бегу за Катоном, не думая ни о чем, кроме спасения.

Переродки. Без сомнения. Я никогда не видела таких, но очевидно, что это не обычные животные. Они похожи на огромных волков, только какой волк способен, прыгнув, приземлиться на задние лапы и удержать равновесие? Какой волк подманивает членов своей стаи передней лапой как ладонью? Все это я вижу издалека. Уверена, вблизи откроются и другие, более страшные подробности.

Катон помчался напрямик к Рогу изобилия, и я без колебаний бегу туда же. Если он думает, что там безопаснее всего, то кто я такая, чтобы сомневаться? Даже если я сама успею добежать до деревьев, Пита с его большой ногой эти твари догонят в два счета.

— Пит!

Мои ладони уже касаются заостренного металлического хвоста Рога, когда я вспоминаю о напарнике. Он отстал ярдов на пятнадцать, ковыляет изо всех сил, и переродки быстро его нагоняют. Я стреляю в стаю, одна тварь падает, но их слишком много. Пит машет мне рукой:

— Наверх, Китнисс! Быстро!

Он прав. С земли я не смогу защитить ни себя, ни его. Я карабкаюсь, цепляясь за Рог руками и ногами. Снаружи золотой конус напоминает плетеные рога, в которые мы собираем урожай. По поверхности идут маленькие рубчики и швы, за них можно уцепиться. Вот только за день металл так разогрелся под палящим солнцем, что ладони наверняка покроются волдырями от ожогов.

Катон лежит на самой вершине широкого жерла, в двадцати футах над землей, давясь и судорожно хватая ртом воздух. Самое время его прикончить. Я останавливаюсь на полпути к вершине, заряжаю стрелу, но не успеваю ее выпустить, потому что слышу крик Пита. Резко поворачиваюсь и вижу, что он уже добежал, а переродки буквально дышат ему в спину.

— Лезь! — ору я.

Пит с трудом начинает карабкаться. Помимо раненой ноги ему мешает зажатый в руке нож. Я выстреливаю в шею переродка, первым коснувшегося лапами металла. Подыхая, существо откидывает назад переднюю лапу, задевая сородичей и нанося им глубокие раны. Только теперь я замечаю его когти: они длиннее, чем пальцы на руке у человека, и острые как бритвы.

Пит наконец доползает до меня, я хватаю его за руку и тащу за собой. Вспомнив о Катоне, я оборачиваюсь. Тот корчится от судорог, и очевидно, его больше заботят переродки, чем мы. Он что-то орет, я ничего не могу разобрать за сопением и рыком тварей.

— Что?! — кричу я.

— Он спрашивает, карабкаются ли они за нами, — говорит Пит, привлекая мое внимание к тому, что творится у основания Рога.

Переродки собираются в кучу и встают на задние лапы, что делает их до жути похожими на людей. Все они покрыты густой шерстью, у одних она прямая и гладкая, у других вьющаяся, цвет — от смоляного до белокурого (иначе не скажешь). И есть в них что-то еще, что-то страшное, от чего волосы дыбом встают, только я никак не могу уловить что именно.

Переродки тычутся мордами в Рог, нюхают и лижут металл, царапают его когтями, обмениваясь при этом короткими резкими воплями. Должно быть, так они общаются, потому что скоро стая расступается, освобождая место. Один из них, крупный переродок с шелковистыми светлыми завитками шерсти, разбегается и вскакивает на Рог. Могучие задние лапы подбрасывают его с такой силой, что он приземляется всего в десяти футах от нас. Розовые губы растягиваются в зверином оскале. На секунду чудовище застывает на месте, и тогда я понимаю, что именно в облике переродков не давало мне покоя. Зеленые, горящие ненавистью глаза не похожи на глаза волка или собаки. Они не похожи на глаза ни одного животного из всех, что я видела. Потому что они человеческие. Эта мысль едва доходит до моего Сознания, когда я замечаю ошейник с номером 1, выложенным разноцветными камешками, и правда открывается мне во всей своей ужасающей полноте. Белокурые волосы, зеленые глаза, номер... это Диадема!

С моих губ срывается крик, и рука едва удерживает тетиву. Я не спешила стрелять, зная, как мало стрел у меня осталось. Хотела посмотреть, смогут ли существа карабкаться по Рогу. Теперь, несмотря на то, что чудовище, безуспешно цепляясь когтями за скользкий металл, начинает со скрежетом съезжать вниз, я не удерживаюсь и стреляю ему в горло. Тело, дернувшись, с глухим стуком падает на землю.

— Китнисс? — Я чувствую у себя на плече руку Пита.

— Это она! — выдавливаю я.

— Кто?

Я кручу головой из стороны в сторону, по-новому разглядывая переродков теперь, когда их различные размеры и окраска обрели для меня смысл. Маленький с рыжим мехом и янтарными глазами... Лиса! А вон там

пепельные волосы и светло-коричневые глаза — парень из Дистрикта-9, убитый, когда мы вырывали друг у друга рюкзак. И что хуже всего — самый маленький переродок с темной блестящей шерстью, огромными карими глазами и номером 11 на ошейнике из плетеной соломы. И звериным оскалом. Рута...

— В чем дело, Китнисс? — Пит трясет меня за лечо.

— Это они, они все, другие. Рута, и Лиса, и... все остальные трибуты, — произношу я сдавленным голосом.

Пит с шумом втягивает воздух, когда понимает.

— Что с ними сделали? Это ведь... не на самом деле их глаза?

Глаза меня беспокоят меньше всего. Гораздо важнее, что у них в голове. Вложили ли им в мозг память трибутов? Не потому ли они нас ненавидят, что мы живы, а их безжалостно убили? А те, которых мы действительно убили... считают ли они, что мстят нам?

Я не успеваю поделиться этим с Питом, потому что переродки возобновляют атаку. Они становятся по обе стороны Рога и, отталкиваясь мощными задними лапами, пытаются до нас допрыгнуть. Пара челюстей смыкается в дюймах от моей ладони, потом я слышу крик Пита и чувствую рывок, когда его вес и вес вцепившегося в Пита переродка тащат меня вниз. Если бы Пит не держался за мою руку, он был бы уже на земле. У меня едва хватило сил удержаться и удержать Пита. А другие трибуты уже приближаются.

— Убей его! Убей! — кричу я Питу, и он, должно быть, ударяет тварь ножом, потому что напряжение ослабевает.

Наконец мне удастся втащить Пита на Рог. Вместе мы ползем выше, где нас ожидает меньшее из двух зол.

Катон еще не поднялся на ноги, но его дыхание стало ровнее, и, судя по всему, скоро он придут в себя и попытается сбросить нас с Рога в лапы смерти. Я заряжаю лук и снова трачу стрелу на переродка. Цепя. Кто еще мог подпрыгнуть так высоко? Я успеваю почувствовать облегчение оттого, что переродки теперь нас не достали только собираюсь повернуться к Катону, как вдруг лежащий рядом Пит внезапно исчезает, выхваченный кем-то очень сильным. Я уверена, что стоя каким-то образом все-таки добралась до него, и тут в лицо мне брызгает кровь.

Передо мной, почти на самом краю Рога стоит Катон, сжимая в мощном захвате шею Пита. Пит хватается за руку Катона, но слишком слабо, словно не может решить, что важнее: дышать или остановить поток крови из зияющей раны, нанесенной переродком.

Я заряжаю предпоследнюю стрелу и нацеливаю ее в голову Катона:

остальное его тело от шеи до щиколоток обтянуто плотной бледно-розовой сетью. Какая-то супер-мощная кольчуга из Капитолия. Так вот что было в его рюкзаке на пире? Кольчуга от моих стрел? Однако о защите лица они не позаботились.

Катон смеется:

— Стреляй, и он полетит вместе со мной!

Он прав. Если Катон упадет вниз к переродкам, то Пит наверняка тоже. Мы зашли в тупик. Я не могу застрелить Катона, не убив Пита. Коттон не может убить Пита, не получив стрелу в голову. Мы застыли как статуи, думая, как быть дальше.

Мышцы, кажется, вот-вот лопнут от напряжения. Зубы едва не крошатся. Переродки притихли, и я слышу только шум крови в здоровом ухе.

Губы Пита посинели. Если я не сделаю что-нибудь, он задохнется. Я потеряю его, а Катон, возможно, воспользуется мертвым телом как щитом. Именно это он и задумал, судя по его торжествующей ухмылке.

Из последних сил Пит поднимает ладонь, перепачканную в крови, к руке Катона. Но не для того, чтобы оторвать ее от своей шеи. Вместо этого Пит рисует на кисти Катона крестик. Катон понимает, в чем дело, всего на секунду позже меня. Ухмылка тут же слетает с его лица. Этой секунды мне вполне хватает. Стрела пронзает незащищенную кольчугой кисть. Катон кричит и инстинктивно отпускает Пита, который не может устоять на ногах и валится назад на Катона. На какой-то страшный миг мне показалось, что сейчас рухнут оба. Я бросаюсь вперед и хватаю Пита в тот самый момент, когда наш соперник поскальзывается на залитом кровью металле и камнем падает вниз.

Глухой удар. Хриплый выдох. Вопли переродков. Мы с Питом жмемся друг к другу в ожидании выстрела из пушки, в ожидании конца Игр и нашего избавления. Ничего подобного не происходит. Это еще не все. Голодные игры достигли своей кульминации, и зрители должны насладиться ею сполна.

Я не смотрю вниз, но дикий рык, крики и стоны, звериные и человеческие попеременно, говорят о том, что Катон сражается со стаей. Почему он до сих пор жив? Почему его не разорвали сразу же? Ну конечно! На нем ведь кольчуга, она защищает почти все тело. Эта ночь может стать очень длинной. У Катона, вероятно, в одежде был спрятан нож или кинжал. Время от времени раздаются предсмертные вопли переродков и звон, когда клинок ударяется о золотой Рог. Место битвы медленно смещается. Очевидно, Катон пытается совершить единственный маневр, способный

спасти ему жизнь: пробраться к хвосту Рога и снова присоединиться к нам. Но как бы ни был Катон тренирован и ловок, в конце концов он просто выбивается из сил.

Не знаю, сколько времени длился бой, наверно, не меньше часа, потом Катон падает, и мы слышим, как переродки тащат его, тащат внутрь Рога. Теперь-то они его прикончат, думаю я. Пушка по-прежнему молчит.

Наступает ночь и играет гимн, а на небе так и не показывают фотографию Катона. Снизу сквозь металл слышатся слабые стоны. Ледяной ветер, свободно гуляющий по открытой площадке, убедительно напоминает, что Игры еще не закончились и закончатся неизвестно когда и чьей победой.

Я смотрю на Пита и вижу, что кровотечение из раны ничуть не уменьшилось. Наши рюкзаки с вещами остались у озера, не было времени о них думать, когда мы бежали от переродков. Нет бинтов, нет ничего, чем можно остановить поток крови. И без того трясаясь от холода на злом ветру, я срываю куртку, быстро стягиваю рубашку и снова влезаю в куртку. Пока я это делаю, у меня начинают стучать зубы.

В бледном лунном свете лицо Пита серое. Я заставляю его лечь и осматриваю рану. Теплая скользкая кровь струится по моим пальцам. Обычная повязка тут ничем не поможет. Пару раз я видела, как мама накладывала жгут, теперь попытаюсь сама. Отрезаю от рубашки рукав, дважды обматываю его вокруг голени чуть ниже колена и делаю петлю. Вместо палки использую последнюю стрелу: вставляю ее в петлю и туго закручиваю. Жгут — вещь опасная: Пит может потерять ногу. Но без жгута он потеряет жизнь, так что выбирать не приходится. Остатками рубашки обматываю саму рану. Потом ложусь рядом с Питом.

— Не спи, — говорю я.

Не знаю почему, я боюсь, что если он заснет, то уже не проснется.

— Ты замерзла? — спрашивает Пит.

Он расстегивает куртку и, когда я прижимаюсь к нему, застегивает ее снова. От Пита и от двух курток становится немного теплее, но ночь только начинается. Температура будет падать.

Уже сейчас я чувствую, как Рог, горячий как огонь, когда я по нему взбиралась, постепенно превращается в лед.

— Знаешь, Катон может победить, — шепчу я Питу.

— Не выдумывай, — отвечает он, натягивая мне на голову капюшон.

Пит дрожит еще больше, чем я.

Следующие часы становятся самыми худшими в моей жизни, а это, как вы понимаете, кое-что значит. Холод мучителен, но это еще полбеды.

Настоящий кошмар — слышать Катона, пока твари измываются над ним: его крики, мольбы и наконец лишь слабые жалобные стоны. Мне уже все равно, кто он и что делал, я только хочу, чтобы его страдания закончились.

— Почему они его просто не убьют? — говорю я Питу.

— Ты знаешь почему, — отвечает он, сильнее прижимая меня к себе.

Я знаю. Ни один зритель не отвернется сейчас от экрана. С точки зрения распорядителей лучше и придумать нельзя.

Этому нет конца. Постепенно у меня не остается ни воспоминаний, ни надежд на завтрашний день. Только настоящее, которое будет всегда таким, как есть. Только холод, и страх, и жалобные стоны умирающего внизу парня.

Время от времени Пит начинает засыпать, я кричу его имя, и с каждым разом мой голос все громче и отчаяннее. Потому что, если он уйдет, если умрет сейчас у меня на глазах, я сойду с ума. Пит борется, возможно, больше ради меня, чем ради себя, и я понимаю, как ему трудно: ведь сон, беспмятство — это тоже избавление. Если бы и мне забыться вместе с ним! Но я не смогу — слишком бешено колотится в груди сердце, а значит, я не могу позволить уйти ему. Просто не могу.

Только едва заметное движение луны в небе указывает на то, что время не застыло навечно. Пит старается меня убедить, что утро уже не за горами, и иногда во мне на миг вспыхивает надежда, но тут же гаснет, задушенная беспросветным ужасом ночи.

Но вот Пит шепчет: «Встает солнце». Я открываю глаза и вижу звезды, блекнувшие в мутном предутреннем свете. И еще я вижу лицо Пита — белое, ни кровинки, и понимаю, как мало ему осталось. Я должна вернуть его в Капитолий!

Пушка молчит. Прижимаю ухо к металлу и слышу слабые стоны.

— Кажется, сейчас он не так глубоко внутри. Может, у тебя получится его застрелить? — спрашивает Пит.

Если Катон лежит близко к жерлу, то, пожалуй, я смогла бы.

— Последняя стрела в жгуте, — говорю я.

— Значит, вытащи ее.

Пит расстегивает куртку, и я встаю. Высвобождаю стрелу и, как могу, окоченевшими пальцами снова затягиваю жгут. Потираю ладони, чтобы разогнать кровь. Потом подползаю к вершине

Рога и перегибаюсь через край; сзади меня держит Пит.

Вскоре мне удастся разглядеть в полумраке Катона, лежащего в луже крови. Больше всего он похож на кусок сырого мяса. Потом он издает какие-то звуки и я понимаю, где у него рот. Мне кажется, он пытался

сказать: «Убей». Сострадание, а не месть движет мною, когда я выпускаю стрелу ему в череп. — Попала? — шепотом спрашивает Пит. Ответом ему служит выстрел из пушки.

— Выходит, мы победили, Китнисс, — произносит Пит бесцветным голосом.

— Да здравствуем мы, — отвечаю я без всякой радости.

В площадке открывается отверстие, оставшиеся переродки как по команде подбегают к нему и запрыгивают внутрь; земля срывается вновь.

Мы ждем, что за телом Катона прилетит планолет, ждем победного рева труб, но ничего не происходит.

— Эй! — кричу я в небо. — В чем дело?

В ответ — только щебет просыпающихся птиц.

— Может, нам уйти дальше от тела? — говорит Пит.

Я пытаюсь вспомнить прошлые Игры. Должны ли были победители уходить от своей последней жертвы? В голове у меня все перепуталось, и я ни в чем не уверена, но какая еще может быть причина для задержки?

— Давай. Ты дойдешь до озера? — спрашиваю я.

— Попробую.

Мы медленно спускаемся по Рогу вниз и обессиленно падаем на землю. Если у меня руки и ноги так одеревенели, то у Пита тем более. Я поднимаюсь первой, сгибаю и разгибаю ноги, машу руками. Потом помогаю встать Питу. Кое-как мы добираемся до озера. Я зачерпываю горсть холодной воды для Пита, еще одну подношу к своим губам.

Сойка-пересмешница издает протяжный тихий свист, и слезы облегчения текут по моему лицу, когда появляется планолет и забирает тело Катона. Сейчас прилетят за нами. Скоро мы поедем домой.

И снова ничего.

— Чего им еще нужно? — произносит Пит слабым голосом.

От ходьбы у него снова открылась рана.

— Не знаю.

В чем бы ни была причина, я не могу просто стоять и ждать, пока Пит истекает кровью. Я встаю поискать какую-нибудь палку и почти сразу нахожу стрелу, отскочившую от кольчуги Катона. Не успеваю я наклониться, как по арене прокатывается многократно усиленный голос Клавдия Темплсмита:

— Приветствую финалистов Семьдесят четвертых Голодных игр! Сообщаю вам об отмене недавних изменений в правилах. Детальное изучение регламента показало, что победитель может быть только один. Игры продолжаются! И пусть удача всегда будет на вашей стороне!

На миг раздается шум помех и наступает тишина. Не веря своим ушам, я тупо таращусь на Пита. Постепенно до меня доходит: они и не собирались оставлять в живых нас обоих. Распорядители продумали все заранее, они используют нас, чтобы устроить самый драматичный поединок за всю историю Игр. И я, как дура, купилась.

— Если подумать, этого следовало ожидать, — спокойно произносит Пит.

С трудом, морщась от боли, он встает и медленно идет ко мне, доставая из-за пояса нож.

Прежде чем я успеваю задуматься о своих действиях, мой лук заряжен, а стрела нацелена прямо в сердце Пита. Он удивлен, ножа в его руке уже нет, он летит в озеро и с плеском уходит под воду. Я бросаю оружие и, сгорая от стыда, отступаю назад.

— Нет, — говорит Пит, — сделай это. Он подходит и сует лук мне в руки.

— Я не могу. Не буду.

— Ты должна. Иначе они снова выпустят переродков или еще что-нибудь придумают. Я не хочу умереть, как Катон.

— Тогда ты застрели меня, — говорю я с яростью, отпихивая от себя лук. — Застрели, возвращайся домой и живи с этим!

И, сказав, понимаю, что смерть здесь и сейчас гораздо лучше такой жизни.

— Ты знаешь, что я не смогу, — говорит Пит, отбрасывая оружие. — Что ж, все равно я умру раньше тебя.

Он наклоняется и стаскивает с ноги повязку, уничтожая последнюю преграду для покидающей его крови.

— Нет, не убивай себя! — кричу я, падая на колени и отчаянно пытаюсь перевязать рану снова.

— Китнисс, я хочу этого.

— Не оставляй меня здесь одну, — умоляю я, потому что точно знаю: если Пит умрет, я никогда не вернусь домой по-настоящему. Всю оставшуюся жизнь я проведу здесь, на арене, снова и снова мысленно прокручивая эти минуты и думая, как его можно было спасти.

— Послушай, — говорит Пит, поднимая меня на ноги, — мы оба знаем, что им нужен один победитель. Только один из нас. Прошу тебя, стань им. Ради меня.

Он еще продолжает что-то в том же духе — как он меня любит, и чем станет для него жизнь без меня. Я не слушаю: в голове, как птица в клетке, бьются его предыдущие слова.

Им нужен один победитель.

Да, им нужен победитель. Без победителя все их хитроумные планы и все Игры теряют смысл. Капитолий останется в дураках, и виноваты будут распорядители. Возможно, их даже убьют, медленно и мучительно, и казнь покажут на всю страну.

Мы с Питом должны погибнуть оба, или... они должны думать, что мы погибнем...

Непослушными пальцами я нащупываю и отвязываю кожаный мешочек у себя на поясе. Пит хватается меня за запястье.

— Я не позволю тебе.

— Доверься мне, — шепчу я.

Он долго смотрит мне в глаза, потом отпускает мою руку. Я раскрываю мешочек и отсыпаю немного ягод сначала в ладонь Пита, потом себе.

— На счет три?

Пит наклоняется ко мне и целует, очень нежно.

— На счет три, — говорит он.

Мы становимся спиной друг к другу, крепко сцепляем свободные руки.

— Покажи их. Пусть все видят, — просит Пит. Я раскрываю ладонь; темные ягоды блестят на солнце. Другой ладонью сжимаю руку Пита, как сигнал и как прощание, и начинаю считать:

— Один. — Вдруг я ошибаюсь? — Два. — Вдруг им все равно, если мы умрем оба? — Три!

Обратной дороги нет. Я подношу ладонь ко рту и бросаю последний взгляд на мир. Ягоды едва попадают мне на язык, и тут начинают греметь трубы.

Их рев перекрывает отчаянный голос Клавдия Темплсмита:

— Стойте! Стойте! Леди и джентльмены! Рад представить вам победителей Семьдесят четвертых Голодных игр — Китнисс Эвердин и Пита Мелларка! Да здравствуют трибуны Дистрикта-12!

Я выплевываю ягоды и тщательно вытираю язык краем куртки. Пит тащит меня к озеру, мы полощем рты водой, потом падаем друг другу в объятия.

— Ты ничего не успел проглотить? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— А ты?

— Если бы проглотила, то была бы уже мертвой, — говорю я.

Пит что-то отвечает, но я ничего не слышу за ревом толпы, внезапно раздавшимся из репродукторов.

Над нами возникает планолет, и оттуда спускают две лестницы. Я не могу отпустить от себя Пита. Обнимаю его рукой, помогаю подняться, и мы оба становимся на первую ступеньку одной из лестниц. Электроток приковывает нас к месту; сейчас я этому рада, потому что не уверена, что Пит сумеет удержаться сам. Голова у меня опущена вниз, и я вижу, что, пока мы сами обездвижены, кровь из голени продолжает свободно вытекать. Как только за нами закрывается люк и ток отключают, Пит падает без сознания.

Мои пальцы так крепко вцепились ему в куртку, что, когда его уносят, у меня в руке остается клочок черной ткани. Врачи в белоснежных халатах, в масках и перчатках стоят наготове и сразу включаются в работу. Пит, бледный и неподвижный, лежит на серебристом столе; к нему подключено множество трубочек и проводов. Внезапно я забываю, что Игры закончились, и мне представляется, что врачи — это очередная опасность, еще одна стая переродков, выпущенная, чтобы убить Пита. В ужасе я бросаюсь к нему, но меня хватают и затапливают в другой отсек. Теперь нас разделяет прозрачная дверь. Я колочу руками по стеклу, ору что есть мочи — никто не обращает на меня внимания, кроме слуги, который появляется откуда-то сзади и предлагает мне напиток.

Я сажусь на пол, лицом к двери, тупо глядя на хрустальный стакан с соломинкой. Апельсиновый сок, холодный как лед. Как неуместно он смотрится в моей окровавленной, заскорузлой руке со шрамами и грязными ногтями. От аромата у меня текут слюнки, но я осторожно ставлю стакан на пол, не доверяя чему-то столь чистому и красивому.

Сквозь стекло я наблюдаю за врачами, суесящимися вокруг Пита, их лбы сморщены от напряжения. По трубкам текут какие-то жидкости, на

стене мигают лампочки и прыгают стрелки, в которых я ничего не понимаю. Не уверена, но, по-моему, у Пита дважды останавливается сердце.

Это почти как у нас дома, когда приносят безнадежно покалеченного при взрыве на шахте, или женщину, которая третий день не может разродиться, или истощенного ребенка с воспалением легких. У мамы и Прим тогда точно такое же выражение на лицах, как у этих врачей. А я убегаю в лес, брожу там весь день и возвращаюсь, когда больной давно уже умер, и на другом конце Шлака успели сколотить гроб. Здесь не убежать: меня держат стены планолета и еще, наверное, та самая сила, которая не отпускает от умирающего его близких. Как часто я смотрела на них, стоящих вокруг нашего кухонного стола, и думала: «Почему они не уходят? Зачем им видеть это?»

Теперь я знаю. Потому что у них нет выбора.

Я вздрагиваю, заметив, что кто-то смотрит на меня всего в нескольких дюймах от моего лица, но это всего лишь мое собственное отражение в стекле. Безумные глаза, впавшие щеки, спутанные волосы. Злобная. Одичавшая. Сумасшедшая. Понятно, почему никто ко мне близко не подходит.

Мы приземляемся на крышу Тренировочного центра, и Пита выносят из отсека, а я остаюсь за дверью. С криками я бьюсь в стекло и, кажется, замечая копну розовых волос — должно быть, Эффи: она пришла меня выпустить, — и в тот же момент сзади в меня вонзается игла.

Проснувшись, я вначале боюсь пошевелиться. Я лежу в комнате, в которой нет ничего, кроме моей кровати и голых стен. Ни окон, ни дверей. Потолок светится мягким желтым светом. Воздух пропитан резким лекарственным запахом. В мою правую руку вставлено несколько трубочек, уходящих другими концами в заднюю стену. Я раздета, свежие простыни приятно ласкают кожу. Осторожно поднимаю левую руку. Она чисто вымыта, ногтям придана безупречно овальная форма, и даже шрамы от ожогов заметно уменьшились. Я ощупываю щеку, губы, сморщенный шрам над бровью, провожу пальцами по мягким шелковистым волосам и — рука застывает на месте. С замиранием сердца ерошу волосы у левого уха — нет, не показалось, я снова слышу.

Пробую сесть, но широкая лента вокруг талии не дает мне приподняться больше чем на несколько дюймов. Мне становится страшно, я пытаюсь взобраться выше на подушку и освободиться, и тут часть стены отодвигается в сторону и в комнату входит рыжеволосая безгласая. Увидев ее, я успокаиваюсь и прекращаю свои попытки. Мне хочется задать

миллион вопросов, но я боюсь ей навредить. Наверняка за мной пристально наблюдают. Девушка ставит мне на ноги поднос и, нажав кнопку, приподнимает верхнюю часть кровати. Пока она поправляет подушки, я решаюсь на самый важный вопрос.

— Пит жив? — говорю я так громко и четко, как только позволяет мой охрипший голос, чтобы никто не подумал, что мы что-то скрываем.

Девушка кивает и дружески сжимает мне ладонь, подавая ложку. Думаю, она все-таки не желала мне смерти.

Пит выжил. Конечно, выжил. С их-то оборудованием и лекарствами. И все равно я сомневалась.

Когда безгласая уходит и дверь за ней бесшумно закрывается, я с жадностью набрасываюсь на еду. Тарелка прозрачного бульона, маленькая порция яблочного пюре и стакан воды. Это все? — думаю я разочарованно. Победителю могли бы дать чего-нибудь получше. Впрочем, даже этот скудный обед я доедаю с трудом. Желудок, кажется, сжался до размеров грецкого ореха. Странно, ведь еще вчера на арене у меня не было проблем с аппетитом.

Обычно после Игр до представления победителя проходит несколько дней. За это время грязного, изголодавшегося, израненного дикаря приводят в человеческий вид. Цинна и Порция сейчас готовят нам наряды для встречи с публикой. Хеймитч и Эффи устраивают банкет для спонсоров, просматривают вопросы для наших последних интервью. Дома, в Дистрикте-12, наверное, все из кожи вон лезут, организуя праздник в честь нашей победы: еще бы — такого уже лет тридцать не бывало.

Домой! К Прим и маме! К Гейлу! Даже мысль о нашем облезлом коте вызывает у меня умиление. Скоро я буду дома!

Хочу выбраться из этой кровати. Увидеть Пита и Цинну, узнать, что творится вокруг. И с какой стати я должна лежать? Я прекрасно себя чувствую. Едва я снова пытаюсь вылезти из-под ленты, по одной из трубок в вену мне вливается холодная жидкость, и почти сразу я отключаюсь.

Это происходит раз за разом. Я просыпаюсь, ем, и, хотя уже не делаю попыток встать, меня снова усыпляют. Я словно нахожусь в сумерках, замечая только отдельные детали. Рыжеволосая девушка больше не приходит, шрамы постепенно исчезают и — может мне только кажется? — иногда я слышу громкий голос мужчины. Он не сюсюкает по-капитолийски, говорит грубовато и просто, как у нас дома. От этого голоса мне становится спокойнее: кто-то присматривает за мной и не даст меня в обиду.

И вот наконец я просыпаюсь, и к моей правой руке ничего не

присоединено. Ленты вокруг пояса тоже нет, ничто не сковывает мои движения. Я хочу встать и замираю, увидев свои руки. Кожа идеальная — нежная и розовая. Исчезли не только шрамы, полученные на арене, но и давние, накопившиеся за годы охоты. Щупаю лоб — гладкий, как атлас. От ожога на голени не осталось и следа.

Спускаю ноги на пол, беспокоясь, смогу ли устоять, но они крепкие и сильные. В изножье кровати лежит одежда. Таковую мы носили на арене. Я вздрагиваю и таращусь на нее, как будто она с зубами. Потом вспоминаю: да, именно так полагается выходить к своей группе подготовки.

Я быстро одеваюсь и кручусь у стены, где скрыта дверь. Она открывается, и я выхожу в широкий пустой коридор. Других дверей не видно, однако они должны быть. И за одной из них Пит. Теперь, когда я пришла в себя и могу двигаться, я волнуюсь за него все больше и больше. Скорее всего, с ним все в порядке, безгласая не стала бы врать. Но я хочу убедиться сама.

— Пит! — кричу я.

В ответ слышу свое имя. Жеманный голос по привычке вызывает раздражение, потом я осознаю, что буду рада увидеть Эффи.

Оборачиваюсь и вижу в большом зале в конце коридора их всех — Эффи, Хеймитча и Цинну. Не раздумывая, со всех ног бросаюсь к ним. Возможно, победителю следует вести себя сдержанно и с достоинством, — особенно если он знает, что его снимают, — но мне все равно. Я удивляюсь самой себе, когда кидаюсь на шею Хеймитчу. Он шепчет мне в ухо: «Ты молодец, солнышко», — и это без тени насмешки. Эффи даже прослезилась, она гладит мне волосы, приговаривая, что всегда считала нас жемчужинами. Цинна просто крепко обнимает меня, не говоря ни слова. Потом я замечаю, что нет Порции, и у меня опускается сердце.

— Где Порция? Она с Питом? Что с ним? Он в порядке? Он жив? — выпаливаю я.

— Все хорошо. Просто распорядители хотят, чтобы вы встретились на церемонии и это увидели зрители, — успокаивает Хеймитч.

— Правда? — говорю я. Страх отступает. — Я бы и сама хотела это увидеть.

— Иди с Цинной. Он тебя подготовит, — говорит Хеймитч.

Мне приятно быть рядом с Цинной, чувствовать на плечах его руку, когда он уводит меня от шпионящих камер по коридорам к лифту, который поднимает нас в вестибюль Тренировочного центра. Значит, больница находится глубоко под землей, ниже тренировочного зала, где трибуны учатся вязать узлы и метать копья. Окна затемнены, у дверей стоят

несколько охранников. Больше никого. Мы идем к лифту для трибутов. Шаги гулко раздаются в пустом помещении. Пока мы поднимаемся на двенадцатый этаж, в голове у меня проносятся лица всех, кто был здесь вместе со мной, но уже никогда не вернется, и в груди что-то тоскливо сжимается.

Двери лифта разъезжаются, и меня окружают Вения, Флавий и Октавия. Они говорят все разом — так быстро и возбужденно, что я ничего не могу разобрать. Общее настроение понятно: они страшно рады видеть меня снова. Я тоже рада их видеть, хотя и не так, как Цинну. Скорее, как кто-нибудь, вернувшись домой после трудного дня, рад встрече с троицей своих домашних питомцев.

Меня ведут в столовую, где я получаю настоящий обед: жаркое из говядины, горошек и мягкие булочки. Правда, за моим рационом по-прежнему строго следят: когда я прошу добавки, мне отказывают.

— Нет-нет, мы ведь не хотим, чтобы на сцене все это выскочило наружу! — говорит Октавия и все же тайно передает мне под столом булочку.

Потом мы идем в мою комнату, и Цинна оставляет меня наедине со своими помощниками, поручая им подготовительные процедуры.

— О, тебе сделали полную регенерацию, — завистливо говорит Флавий. — Кожа без единого изъяна.

Когда я смотрюсь на себя в зеркало, замечаю только, какая я стала тощая. Наверное, сразу после арены было еще хуже, но и сейчас у меня можно пересчитать все ребра.

Мне включают душ, заботливо выбирая нужный режим. После душа занимаются прической, ногтями и макияжем, треща при этом без умолку. Моего участия в разговоре почти не требуется, и это меня вполне устраивает. Странно: речь идет об Играх, а они все время говорят о себе, где они были, что делали и как себя чувствовали в то время, когда на арене что-то случилось. «Я еще даже не вставал!»—«Я только покрасила себе брови!» — «Клянусь, я чуть в обморок не грохнулась!» Главное — они. Какая разница, что чувствовали умирающие мальчишки и девчонки на арене!

У нас в Дистрикте-12 не принято смаковать Игры. Мы смотрим их, стиснув зубы, потому что должны, и, как только передачи заканчиваются, побыстрее возвращаемся к своим повседневным делам. Сейчас я стараюсь отвлечься от болтовни, чтобы окончательно не возненавидеть всю эту компанию.

Входит Цинна. В руках у него желтое платье кажется, вполне обычное.

— Что, с Огненной Китнисс покончено? — спрашиваю я.

— Сейчас увидишь, — говорит он, набрасывая на меня легкую ткань.

В передней части лифа чувствуются подкладки, призванные восполнить то, что украл голод. Я поднимаю руки к груди и хмурюсь.

— Понимаю, — говорит Цинна, прежде чем я успеваю возмутиться. — Дело в том, что распорядители настаивали на пластической операции. Хеймитчу едва удалось их перебороть. Придумали компромиссное решение. — Цинна не дает мне посмотреть на себя: — Подожди, еще туфли.

Вения помогает мне надеть кожаные сандалии без каблуков, и я наконец поворачиваюсь к зеркалу.

Я все еще Огненная Китнисс. Тонкая, почти прозрачная ткань испускает нежный свет, и стоит мне пошевелиться, как снизу вверх по нему прокатываются трепещущие волны. Рядом с этим платьем мой костюм на колеснице показался бы кричаще ярким, а наряд для интервью слишком вычурным. Сейчас я будто одета в пламя свечи.

— Ну, что скажешь? — спрашивает Цинна.

— По-моему, это — лучшее, — говорю я. Когда мне наконец удастся отвести взгляд от мерцающей ткани, я испытываю небольшое потрясение. Мои волосы никак не уложены, а только собраны сзади простенькой ленточкой. Косметика лишь едва сглаживает обострившиеся черты лица. На ногтях бесцветный лак. Короткое платье без рукавов едва достает до колен, и собрано оно не на талии, а выше, отчего пропадает почти весь эффект от подкладок. Я выгляжу как обычная девчонка. Совсем юная, не больше четырнадцати. Невинная. Безобидная. Станный образ для победительницы Голодных игр.

Ясно, что все было продумано заранее. Цинна ничего не делает просто так. Но зачем?

— Я полагала, мой вид будет более... изысканным, — говорю я.

— Я подумал, что Питу так понравится больше, — отвечает Цинна как-то неуверенно.

Питу? Нет. Кому есть дело до Пита? Капитолий, распорядители, публика — вот, что важно. Не пойму, в чем дело, хотя очевидно одно: расслабляться рано, Игры еще не закончились. Своим деликатным, уклончивым ответом Цинна намекает мне об опасности. Такой, о которой нельзя говорить даже при своих ассистентах.

Мы спускаемся на этаж, где проходили тренировки. По традиции главных участников церемонии поднимают на специальных лифтах из-под сцены: вначале ассистентов стилиста, потом куратора-сопроводителя,

стилиста и ментора, и наконец самого победителя. Поскольку в этом году победителей двое, а куратор, как и ментор, только один, все будет происходить немного не так. Я стою в плохо освещенном помещении под сценой на новом металлическом диске, который здесь установили специально для меня. Пахнет свежей краской, кое-где остались кучки опилок. Цинна с помощниками ушли переодеваться и занимать места на своих подъемниках; я совсем одна. Шагах в двадцати от меня в полумраке — временная перегородка. Наверное, за ней Пит.

Толпа орет так громко, что я даже не слышу, как ко мне подходит Хеймитч. Я испуганно отскакиваю в сторону, когда он касается моего плеча, будто все еще нахожусь на арене.

— Успокойся, это всего лишь я. Дай-ка на тебя взглянуть, — говорит он. Я поднимаю руки и поворачиваюсь. — Неплохо.

Звучит не особенно ободряюще.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

Хеймитч осматривается в моей затхлой темнице — кажется, он принимает решение.

— Все хорошо, — говорит он. — Давай-ка обнимемся на счастье.

Странная просьба со стороны Хеймитча. Хотя теперь мы оба победители, возможно, это меняет дело. Едва я кладу руки ему на шею, он вдруг с силой прижимает меня к себе и быстро, но четко и спокойно говорит мне прямо в ухо, пряча губы за моими волосами:

— Слушай внимательно. У тебя проблемы. Власти в ярости из-за того, что ты переиграла их, сделала Капитолий посмешищем на весь Панем.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки, а сама смеюсь, будто Хеймитч рассказывает что-то очень веселое:

— Правда? И что?

— Твое единственное спасение — представить все так, словно ты совсем обезумела от любви и не соображала, что делаешь.

Хеймитч отступает и поправляет у меня на голове ленточку.

— Все поняла, солнышко? — говорит он уже в открытую.

Эти слова могут относиться к чему угодно.

— Поняла. Ты говорил Питу?

— Незачем. Его учить не надо.

— А меня, думаешь, надо? — возмущаюсь я, поправляя ему ярко-красный галстук-бабочку, — видимо, Цинна заставил надеть.

— С каких пор тебя волнует, что я думаю? — говорит Хеймитч. — Нам лучше поторопиться. — Он подводит меня к диску подъемника и целует лоб. — Это твой праздник, солнышко. Пусть он будет радостным.

Хеймитч уходит.

Я оттягиваю край платья, чтобы оно прикрывало колени и не было видно, как они трясутся. Хотя что толку... Я вся дрожу как осиновый лист. Надеюсь, это сойдет за радостное возбуждение. Мой праздник все-таки.

Воздух здесь внизу сырой и затхлый. Мне трудно дышать. Кожа покрывается холодным, липким потом. Я боюсь, что сцена сейчас обрушится и погребет меня под обломками. Когда мы под звуки труб покидали арену, я думала, что теперь мне уже ничего не угрожает. До конца жизни. Но если Хеймитч говорит правду — а зачем ему врать? — то я попала из огня в полымя.

На арене и то было лучше. Там меня бы убили, и дело с концом. Теперь, если я не сумею прикинуться «девчонкой, обезумевшей от любви», наказать могут и Прим, и маму, и Гейла — всех, кто мне дорог, весь Дистрикт-12.

Если не сумею... Значит, у меня еще есть шанс. Странно, на арене мне ничего такого даже в голову не пришло. Я хотела только обмануть распорядителей, совсем не думала о Капитолии. Но Голодные игры — это его оружие; никто не имеет права ему противостоять. И поэтому сейчас власти сделают вид, что у них все было под контролем. Что они сами подвели нас к двойному самоубийству. Но для этого я должна им подыграть.

Точнее, мы с Питом... Пит тоже пострадает, если все пойдет не так, как нужно. А Хеймитч его даже не предупредил. «Незачем. Его учить не надо». Что он имел в виду? Пит умнее меня и все поймет сам? Или... Пит и так уже безумно влюблен?

Не знаю. Я даже в своих чувствах не могу толком разобраться. Все слишком перепуталось. Что я делала, потому что этого требовали Игры? А что из ненависти к Капитолию? Или беспокоясь о том, что подумают дома? Или потому, что по-другому просто нельзя? Или потому, что Пит действительно мне дорог?

Я подумаю об этом. Не здесь, где на меня смотрят тысячи глаз. Дома, в тишине леса. Какая роскошь — быть наедине с собой! Кто знает, когда я испытаю ее снова. Сейчас наступает самый опасный этап Голодных игр.

Грохочет гимн. Цезарь Фликермен приветствует зрителей. Знает ли он, как много сейчас зависит от каждого слова? Скорее всего, да. И он захочет нам помочь. Толпа разражается аплодисментами, когда объявляют группу подготовки. Представляю, как Флавий, Вения и Октавия сейчас скачут по сцене и по-дурацки кланяются. Беззаботные и глупые. Они точно ни о чем не подозревают. Следующая очередь Эффи. Как долго она ждала этого момента. Надеюсь, она сможет им насладиться. Пусть голова у Эффи забита всякой чушью, в интуиции ей не откажешь. Думаю, она, по крайней мере, догадывается, что у нас неприятности. Порцию и Цинну встречают овациями: они были великолепны, несмотря на то что мы — их первые подопечные. Теперь я понимаю, почему Цинна выбрал для этого вечера такое платье: чем наивнее и проще я буду выглядеть, тем лучше. Потом появляется Хеймитч, и эмоции толпы перехлестывают через край. Крики, аплодисменты и топот ног не прекращаются минут пять. Еще бы! Хеймитчу удалось то, чего не удавалось никому прежде: вытащить не одного своего трибута, а обоих. А что, если бы он не предупредил меня? Как бы я стала себя вести? Щеголяла бы тем, какая я умная, что придумала использовать ягоды? Вряд ли. Но я бы выглядела куда менее убедительно, чем постараюсь сейчас. Прямо сейчас. Пластина начинает поднимать меня вверх.

Море света. Рев толпы, от которого вибрирует металл под ногами. Сбоку от меня — Пит. Он такой чистый, здоровый и красивый, что я едва узнаю его. Только улыбка ничуть не изменилась: здесь, в Капитолии, она точно такая же, как и под слоем грязи у ручья. Я делаю пару шагов и бросаюсь ему на шею. Пит покачнулся и едва удержался на ногах, только теперь я понимаю, что тонкая блестящая штуковина у него в руке — трость. Мы так и стоим, обнявшись, пока зрители безумствуют, и Пит целует меня, а я не перестаю думать: «Ты знаешь? Ты знаешь, в какой мы опасности?»

Минут через десять Цезарь Фликермен похлопывает Пита по плечу, желая продолжить шоу, а Пит, не оборачиваясь, отмахивается от него как от назойливой мухи. Публика стоит на ушах; осознанно или нет, Пит делает как раз то, что ей нужно.

Наконец Хеймитч нас разнимает и с благожелательной улыбкой подталкивает к трону. Обычно это узкое разукрашенное кресло, сидя на

котором победитель смотрит фильм с наиболее яркими моментами Игр. Поскольку в этот раз нас двое, распорядители позаботились о роскошном бархатном диване, точнее диванчике; мама назвала бы его уголком влюбленных, так как на нем могут уместиться только двое. Я сажусь так близко к Питу, что практически оказываюсь у него на коленях, потом, глянув на Хеймитча, понимаю, что и этого недостаточно. Я снимаю сандалии, забрасываю ноги на диван и склоняю голову на плечо Пита. Он сразу же обнимает меня одной рукой, как в пещере, когда мы жались друг к другу, чтобы согреться. Рубашка Пита сшита из такой же желтой ткани, что и мое платье, он в строгих черных брюках и солидных черных ботинках. Жаль, что Цинна не одел меня во что-то похожее, я чувствую себя такой беспомощной и ранимой в тонком, коротком платье. Хотя, очевидно, именно этого он и добивался.

Цезарь Фликермен отпускает еще пару шуточек, и начинается основная часть программы — фильм. Он будет идти ровно три часа, и его посмотрят во всем Панеме. Свет тускнеет, на экране появляется герб. Внезапно я понимаю, что не готова к этому. Я не хочу видеть смерть двадцати двух своих соперников и собратьев по несчастью. Я и так видела слишком много. Сердце бешено колотится в груди, мне хочется сорваться и убежать. Как выдерживали прежние победители, да еще в одиночку? Я вспоминаю прошлые годы... Пока идет фильм, в углу экрана время от времени показывают победителя, как он реагирует на увиденное. Некоторые ликуют, торжественно вскидывают руки, бьют себя кулаками в грудь. Большинство выглядят отрешенными. Что до меня, то я остаюсь на месте только благодаря Питу, и лишь сильнее сжимаю его ладонь. Предыдущие победители хотя бы не боялись мести Капитолия.

Уместить несколько недель Игр в трехчасовую программу — задача не из легких, особенно если учесть количество камер, одновременно работавших на арене. Поэтому волей-неволей телевизионщикам приходится выбирать, какую историю они хотят показать. Сегодня это история любви. Конечно, мы с Питом победители, и все же с самого начала фильма нам уделяют слишком много внимания. Но я рада, так как это поддерживает нашу версию о безумной любви. К тому же меньше времени останется для смакования убийств.

Первые полчаса посвящены событиям перед Играми: Жатве, выезду на колесницах, тренировкам и интервью. Показ сопровождается бодрой музыкой, и от этого жутко вдвойне: почти все, кто на экране, сейчас мертвы.

Потом — арена. Кровавая бойня у Рога во всех ее ужасающих

подробностях. Дальше в основном показывают меня и Пита, чередуя наши злоключения со сценами гибели других трибутов. Главный герой, безусловно Пит. Наша романтическая история полностью его заслуга. Теперь я вижу то, что видели зрители: как он сбивал профи с моего следа, не спал всю ночь под деревом с осиным гнездом, дрался с Катонем и даже, когда лежал раненый в грязи, шептал в бреду мое имя. В сравнении с ним я кажусь бесчувственной и расчетливой: увертываюсь от огненных шаров, сбрасываю гнезда, взрываю запасы профи — до тех пор пока не теряю Руту. Ее смерть показывают подробно: удар копья, моя стрела, пронзившая горло убийцы, последний вздох Руты. И песня. От первой до последней ноты. Я опустошена и ничего не чувствую. словно наблюдаю за совершенно незнакомыми людьми в каких-то других Играх.

Ту часть, когда я осыпаю Руту цветами, пропускают. Так и должно быть. Даже это пахнет своеволием.

Я снова на экране, когда объявляют новое правило Игр: в живых могут остаться двое. Я кричу имя Пита и зажимаю руками рот. Если до сих пор я казалась безразличной к Питу, то теперь наверстываю сполна: нахожу его, ухаживаю за ним, иду на пир, чтобы добыть лекарство. И целую его по каждому поводу.

Переродки. Смерть Катона. Это, наверное, самое кошмарное, что было на арене. Но я безразлична, словно меня там никогда не было.

Наконец, решающий момент: наша попытка самоубийства. Зрители шикают друг на друга, чтобы ничего не упустить.

Я благодарна создателям фильма за то, что они заканчивают его не победными фанфарами, а сценой в планолете, когда я бьюсь в стеклянную дверь и кричу имя Пита.

Снова играет гимн, и мы встаем. На сцену выходит сам президент Сноу, следом за ним маленькая девочка несет на подушке корону. Корона только одна; толпа недоумевает — на чью голову он ее возложит? — но президент берет ее и, повернув, разделяет на две половинки. Одну он с улыбкой надевает на голову Пита. Повернувшись ко мне, Сноу все еще улыбается, но колющий взгляд прожигает меня ненавистью. Взгляд змеи.

Хотя мы оба собирались есть ягоды, основная вина лежит на мне. Я — зачинщица. И накажут меня.

Бесконечные поклоны и оваии. Рука уже чуть не отваливается от приветственных взмахов толпе, когда Цезарь Фликермен наконец прощается со зрителями и приглашает их завтра смотреть заключительные интервью. Как будто у них есть выбор.

На очереди праздничный банкет в президентском дворце. Правда, нам

поесть почти не удастся: capitoлийские чиновники, и особенно щедрые спонсоры, отталкивают друг друга локтями, чтобы с нами сфотографироваться. Мелькают сияющие лица. Все пьют и веселятся. Иногда я встречаюсь взглядом с Хеймитчем, который мне ободряюще кивает. На президента я даже боюсь смотреть. Я принимаю поздравления, смеюсь над шутками и улыбаюсь в объективы. При этом весь вечер не отпускаю руку Пита.

Солнце уже показалось из-за горизонта, когда мы, ваясь с ног от усталости, возвращаемся на двенадцатый этаж Тренировочного центра. Я надеюсь, что теперь у меня будет время перекинуться словечком с Питом, но Хеймитч отправляет его вместе с Порцией сделать какие-то приготовления для интервью. Меня он лично провожает до двери в мою комнату.

— Почему мы не можем поговорить? — спрашиваю я.

— Дома наговоритесь. Ложись спать, в два часа — эфир.

Пусть Хеймитч делает, что хочет, но с Питом я увижусь. Покрутившись пару часов в постели, я выскальзываю в коридор. Первым делом проверяю крышу. Никого. Даже улицы внизу совершенно безлюдны после ночных гуляний. Возвращаюсь в кровать. Через некоторое время снова не выдерживаю и решаю пойти прямо в комнату Пита. Когда я пробую повернуть ручку, оказывается, что дверь заперта снаружи. Хеймитч! Или хуже — за мной следят, чтобы не сбежала от уготованного мне наказания. Конечно, я ни разу не была свободна с начала Игр, однако теперь это воспринимается совсем по-другому. Будто меня арестовали за преступление и скоро объявят приговор. Ложусь в кровать и делаю вид, что сплю, пока не раздастся: «Подъем, подъем! Нас ждет важный-преважный день!»

У меня пять минут, чтобы съесть тарелку мясного рагу, потом приходит группа подготовки. Я только успеваю сказать: «Зрители были от вас в восторге!» — и следующие пару часов мне можно не раскрывать рта. Затем Цинна выпроваживает их за дверь и надевает на меня белое тонкое платье и розовые туфли. Сам делает мне макияж так, что я словно начинаю излучать теплый розовый свет. Мы болтаем о всякой ерунде, но я боюсь спросить его о чем-то действительно важном. После того происшествия с дверью меня не оставляет чувство, что за мной непрерывно следят.

Интервью будет проходить тут же рядом, в холле. Там освободили место, поставили диванчик и окружили его вазами с розовыми и красными розами. Вокруг только несколько камер и никаких зрителей.

Цезарь Фликермен простирает ко мне радушные объятия:

— Поздравляю, Китнисс. Как дела?

— Нормально. Волнуюсь из-за интервью.

— Не стоит. Мы славно проведем время, — он ободряюще треплет меня по щеке.

— Я не умею рассказывать о себе.

— Что бы ты ни сказала — все будет отлично.

О, Цезарь, если бы только это было правдой! Возможно, в этот самый момент президент Сноу готовит для меня «несчастный случай».

Появляется Пит, очень красивый в своем красно-белом костюме, и отводит меня в сторону:

— Я почти тебя не вижу. Хеймитч ни в какую не хочет подпускать нас друг к другу.

— Да, в последнее время он стал очень ответственным, — говорю я, понимая, что на самом деле Хеймитч изо всех сил старается спасти нам жизнь.

— Что ж, еще немного, и мы поедем домой. Там он не сможет следить за нами все время.

По мне пробегает дрожь — не знаю отчего, и думать некогда, потому что все уже готово. Несколько чопорно мы садимся на диван, однако Цезарь говорит:

— Не стесняйся, прижмись к нему ближе, если хочешь, вы очень мило смотрите вместе.

Я снова забрасываю ноги на диван, и Пит притягивает меня к себе.

Кто-то считает: «10, 9, 8... 3, 2, 1», и вот мы в эфире. Вся страна смотрит сейчас на нас. Цезарь Фликермен, как всегда, великолепен: дурачится, шутит, замирает от восторга. Еще на первом интервью он и Пит легко нашли контакт друг с другом, так что поначалу мне почти не приходится ничего говорить, только улыбаться, пока они беседуют, будто старые приятели.

Но постепенно вопросы становятся серьезнее и требуют более полных ответов.

— Пит, ты уже говорил в пещере, что влюбился в Китнисс, когда тебе было... пять лет?

— Да, с того самого момента, как я ее увидел.

— А ты, Китнисс, сколько времени потребовалось тебе? Когда ты впервые поняла, что любишь Пита?

— Э-э, трудно сказать...

Я улыбаюсь и в отчаянии смотрю на свои руки. Помоги!

— Что до меня, я точно знаю, когда меня осенило. В тот самый

момент, когда ты, сидя на дереве, закричала его имя.

Спасибо, Цезарь! Я ухватываюсь за подсказку.

— Да, думаю, тогда это и случилось. Просто... Честно говоря, до этого я старалась не думать о своих чувствах. Я бы только запуталась, и мне стало бы гораздо тяжелее, если бы я поняла это раньше... Но тогда, на дереве, все изменилось.

— Как думаешь, почему это произошло? — спрашивает Цезарь.

— Возможно... потому что тогда... у меня впервые появилась надежда, что я его не потеряю, что он будет со мной.

Хеймитч, стоящий позади оператора, облегченно переводит дух; значит, я все сказала правильно. Цезарь достает из кармана носовой платок и какое-то время будто бы не способен говорить, так он растроган. Пит прижимает лоб к моему виску:

— Теперь я всегда буду с тобой, и что ты станешь делать?

Я смотрю ему в глаза:

— Найду такое место, где ты будешь в полной безопасности.

И когда он меня целует, по залу проносится вздох.

Отсюда разговор естественным образом переходит к тем опасностям, которые нас поджидали на арене: огненным шарам, осам-убийцам, переродкам, ранам. И тут Цезарь спрашивает Пита, как ему нравится его «новая нога».

— Новая нога? — кричу я, совсем забыв про камеры, и задираю штанину на брюках Пита. — О нет!

Вместо живой кожи я вижу сложное устройство из металла и пластика.

— Тебе не сказали? — негромко спрашивает Цезарь.

Я качаю головой.

— У меня еще не было времени. — Пит пожимает плечами.

— Это я виновата. Потому что наложила жгут.

— Да, ты виновата, что я остался жив.

— Это правда, — говорит Цезарь. — Если бы не ты, он бы истек кровью.

Наверное, это так, но все равно я так расстроена, что в глазах стоят слезы, и я прячу лицо на груди у Пита, чтобы не расплакаться перед всей страной. Пару минут Цезарю приходится уговаривать меня повернуться обратно к камерам. После этого он еще долго не задает мне вопросов, давая прийти в себя. До тех пор пока речь не заходит о ягодах.

— Китнисс, я понимаю, что тебе тяжело, но я все-таки должен спросить. Когда ты вытащила ягоды... о чем ты думала в тот момент?

Я отвечаю не сразу, стараюсь собраться с мыслями. Вот он, самый

важный вопрос. Сейчас я либо окончательно восстановлю Капитолий против себя, либо сумею убедить всех, что безумно боялась потерять Пита и не способна отвечать за свои поступки. Очевидно, моя речь должна быть долгой и убедительной, но я лишь мямлю едва слышно: — Я не знаю... я просто... не могла себе представить, как буду жить без него,

— Пит? Хочешь что-нибудь добавить?

— Нет. Я могу только повторить то же самое. Цезарь прощается с телезрителями, и камеры выключают. Слышны смех и слезы, поздравления, но я не уверена, что все прошло гладко, до тех пор, пока не подхожу к Хеймитчу.

— Хорошо? — шепчу я.

— Лучше не бывает.

Я возвращаюсь в свою комнату, чтобы собраться к отъезду, но из вещей у меня только брошь с сойкой-пересмешницей, подарок Мадж. Кто-то принес ее сюда после Игр. Нас везут по улицам Капитолия в машине с затемненными окнами. На станции уже стоит поезд. Мы наскоро прощаемся с Цинной и Порцией; через несколько месяцев нам предстоит встретиться снова: мы вместе будем совершать тур победителей по всем дистриктам. Так Капитолий напоминает народу, что Голодные игры по-настоящему никогда не заканчиваются. Нам выдадут кучу никому не нужных почетных значков, и все будут притворяться, как нас любят.

Поезд трогается, мы погружаемся в темноту туннеля, затем выныриваем на свет. Впервые со времени Жатвы я дышу воздухом свободы. Эффи сопровождает нас обратно, Хеймитч, разумеется, тоже. Мы плотно обедаем и молча смотрим по телевизору повтор интервью. Теперь, когда Капитолий с каждой секундой становится все дальше и дальше, я снова начинаю думать о доме. О Прим и маме. О Гейле. Я уйду в свое купе и переодеваюсь в простую блузку и штаны. Тщательно смываю косметику, заплетаю косу и постепенно превращаюсь в саму себя. Китнисс Эвердин. Девчонку из Шлака, которая охотится в лесах и продает добычу в Котле. Я долго стою у зеркала, уясняя себе, кто я есть на самом деле, и стараясь забыть, кем была на арене и в Капитолии. Когда я наконец выхожу к остальным, воспоминание о руке Пита на моих плечах кажется далеким и чужим.

Поезд останавливается на дозаправку, и нам с Питом разрешают прогуляться по свежему воздуху. Охранять нас уже незачем. Мы идем, взявшись за руки, вдоль линии. Молча. Теперь, когда за нами никто не наблюдает, я не знаю, о чем говорить. Пит останавливается, чтобы нарвать мне цветов. Я изо всех сил стараюсь сделать вид, что рада им. Пит не знает,

что эти белые и розовые цветочки на самом деле стебли пониклого лука и напоминают мне, как мы с Гейлом собирали его в лесу.

Гейл. Внутри все холодеет при мысли о скорой встрече с ним. Почему? Я не могу в этом толком разобраться, но у меня такое чувство, будто я обманываю кого-то, кто мне доверяет. Точнее, обманываю двоих. До сих пор меня это не слишком заботило: Игры отбирали все силы. Дома Игр не будет.

— Что-то не так? — спрашивает Пит.

— Нет, ничего.

Мы идем дальше, до конца поезда, туда, где вдоль линии растут только жиденькие кустики, в которых наверняка не спрятано никаких камер. Но слова не идут с языка.

Я вздрагиваю, когда Хеймитч кладет руку мне на спину. Даже здесь, в глуши, он старается говорить тихо:

— Вы славно поработали. Когда приедем, продолжайте в том же духе, пока не уберут камеры. Все будет в порядке.

Я смотрю ему вслед, избегая взгляда Пита.

— О чем это он? — спрашивает он.

— У нас были проблемы. Капитолию не понравился наш трюк с ягодами, — выкладываю я.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Это посчитали слишком большим своеволием. Хеймитч подсказывал мне, как вести себя, чтобы не было хуже.

— Подсказывал? Почему только тебе?

— Он знал, что ты умный и сам во всем разберешься.

— Я даже не знал, что было нужно в чем-то разбираться. Если Хеймитч подсказывал тебе сейчас... значит, на арене тоже. Вы с ним сговорились.

— Нет, что ты. Я же не могла общаться с Хеймитчем на арене, — лепечу я.

— Ты знала, чего он от тебя ждет, верно? — Я молча кусаю губы. — Да? — Пит бросает мою руку, и я делаю шаг, словно потеряв равновесие. — Все было только ради Игр. Все, что ты делала.

— Не все, — говорю я, крепко сжимая в руке букетик цветов.

— Не все? А сколько? Нет, неважно. Вопрос в том: останется ли что-то, когда мы вернемся домой?

— Я не знаю. Я совсем запуталась, и чем ближе мы подъезжаем, тем хуже, — говорю я.

Пит ждет, что я скажу что-то еще, ждет объяснений, а у меня их нет.

— Ну, когда разберешься, дай знать. — Его голос пронизан болью.

Мой слух восстановился лучше некуда: несмотря на шум локомотива, я ясно слышу каждый шаг Пита, идущего назад к поезду. Возвращаюсь в вагон и я, но Пит уже скрылся в своем купе. На следующее утро мы тоже не встречаемся. Он выходит, только когда поезд подъезжает к Дистрикту-12, и холодно кивает в знак приветствия.

Мне хочется сказать ему, что это нечестно. Что нельзя требовать от меня невозможного. Мы ведь совсем разные. На арене я поступала так, как было нужно, чтобы выжить, выжить нам обоим. И я не могу ничего объяснить про Гейла, потому что сама еще не понимаю. Зачем вообще со мной связываться: я никогда не выйду замуж, и Пит все равно возненавидит меня, не сейчас, так потом. Не имеет значения, какие чувства я испытываю, я не могу себе позволить завести семью и детей. И сможет ли он? После всего, через что мы прошли?

Еще мне хочется сказать, как сильно мне не хватает его уже сейчас. Но это было бы нечестно с моей стороны.

Так мы стоим и молча смотрим, как на нас надвигается маленькая закопченная станция. На платформе столько камер, что яблоку упасть нигде. Наше возвращение станет еще одним шоу.

Краем глаза я замечаю, что Пит протягивает мне руку. Я неуверенно поворачиваюсь к нему.

— Еще разок? Для публики?

Его голос не злой, он бесцветный, а это еще хуже. Я уже теряю своего мальчика с хлебом.

Я беру его руку, и мы идем к выходу, навстречу камерам. Я очень крепко держу Пита и боюсь того момента, когда мне придется его отпустить.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Вычитка (OCR): *Марина Самойлова*

Группа: <http://vkontakte.ru/club14484380>

Перевод: *Алексея Шипулина*